

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ЯЗЫК И СТИЛЬ НАУЧНОГО ИЗЛОЖЕНИЯ

*Лингвометодические
исследования*

990251

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1983

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

1. *Стилистика*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В ЖАНРЕ НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ

(К ВОПРОСУ О НЕКАТЕГОРИЧНОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
В НАУЧНОМ СТИЛЕ)

Е. С. Троянская

Большая часть исследований научной литературы основывается на изучении основных ее жанров — статей и монографий, несомненно, составляющих «ядро» стиля и определяющих его специфику. В меньшей мере исследованы другие жанры, как принадлежащие к письменному варианту стиля (рецензия, патент, реферат и т. д.), так и, особенно, к устному варианту (доклад, лекция, выступление в дискуссии и т. д.), хотя и в этой области в последнее время появился ряд интересных работ¹.

Данная статья посвящена исследованию рецензии — «малого» жанра немецкой научной литературы, который лишь в самое последнее время привлек к себе внимание лингвистов. В статье рассматривается малоизученный, но, как представляется, очень интересный как в теоретическом, так и практическом плане вопрос о способах вы-

¹ См., например, работы: *Миронова В. Ю.* Лингвистическая характеристика речевого жанра научно-технического реферата (на материале немецких научно-технических реферативных журналов). Автореф. канд. дис. М., 1975; *Медведев А. Р.* Объективные основания стилистической дифференциации французской научно-технической речи. Автореф. канд. дис. Киев, 1974; *Синдеева Т. И.* Некоторые особенности композиционно-речевой организации речевого жанра «научная рецензия». — В кн.: *Функциональные стили и преподавание иностранных языков.* М.: Наука, 1982; *Славгородская Л. В.* Некоторые синтаксические особенности языка научной дискуссии. — В кн.: *Особенности стиля научного изложения.* М.: Наука, 1976; и мн. др.

ражения в этом жанре отрицательной оценки. Материалом для исследования послужили 100 рецензий на научные монографии и сборники, опубликованные в научных журналах (названия журналов см. в списке сокращений в конце статьи) в разделах «Buchbesprechungen», «Rezensionen». Исследовались рецензии как в журналах негуманитарного профиля, так и в журналах гуманитарного профиля (химия, физика, математика, биология, геология, электротехника, языковедение и литературоведение).

Исследование показало, что рецензия, как и любое другое произведение научной литературы, построена по вполне определенным правилам, которые характерны для научной литературы в целом, но в то же время обладает и некоторыми особенностями качественно-количественного порядка, которые связаны с темой этого микропроизведения, его задачей дать оценку. Именно поэтому оценочный элемент является основным и определяющим «лицо» рецензии. Что же касается оценки, то она может быть, естественно, как положительной, так и отрицательной, более того, как показал исследованный материал, для современной рецензии характерно обязательное наличие и положительной и отрицательной оценки, т. е. определенное «равновесие» оценок.

В подавляющем большинстве проанализированных нами рецензий преобладала (по объему) положительная оценка. Отрицательной оценке, как правило, уделялось меньше места. Это связано, по-видимому, с тем, что для обсуждения на страницах печати предлагались произведения, которые (что устанавливалось заранее) действительно представляют значительный (или определенный) интерес и не отягощены большим количеством недостатков. В неопубликованной рецензии критический раздел может составлять и весьма значительную часть этого микропроизведения, однако в любом случае должна быть представлена в том или ином объеме и «положительная часть», которая, что также является обязательным требованием композиции этого научного жанра, должна предшествовать критической части. Эти правила обусловлены коммуникативно-стилистическим заданием жанра, о котором мы будем подробно говорить ниже.

Композиционно отрицательная оценка занимает в рецензии вполне определенное место (связь с коммуникативно-стилистическим заданием). Это может быть, во-

первых, отдельная специальная часть, посвященная недостаткам работы (расположенная после «положительной части»). Например:

Trotzdem sind einige kritische Hinweise erforderlich, die man bei einer Neuauflage überdenken sollte.

So wird м. Е. den Fragen der numerischen Motivation und Realisierung zu wenig Aufmerksamkeit gewidmet. Selbst wenn in einem geplanten 2. Band stärker numerische Probleme dargestellt werden sollen, kann man doch (auch im Hinblick auf den späteren Einsatz) gewisse Gebiete schlecht von der Numerik trennen. Das betrifft... Die mathematische Statistik dürfte м. Е. eher zu den Grundlagen für Ökonomen gehören als große Teile des Abschnitts über Differential- und Differenzgleichungen, wobei keinesfalls gelehnet werden soll, daß gerade die letzten Gebiete in Zukunft an Bedeutung gewinnen. In Abschnitt über Funktionen mit mehreren Variablen könnte durch die Benutzung von Begriffen der Vektor- und Matrizenrechnung eine einfachere elegantere und modernere Darstellung erreicht werden. Insbesondere wäre damit auch ein besserer Anschluß an Kapitel 12 (Nichtlineare Optimierung) möglich. Vermißt wird ein Eingehen auf die Variablentransformation und auf die Parameterdarstellung von Funktionen (obwohl die Parameterabhängigkeit mehrfach benötigt wird). — Um den Umfang des Buches nicht weiter zu erhöhen, könnte man z. B. die Kapitel 3 und 11 kürzen. Im Zusammenhang mit dieser Bemerkung muß jedoch darauf hingewiesen werden, daß dem Rezensenten Zielstellung, Inhalt und Anlage des 2. Bandes nicht bekannt sind (МО 327—328).

Кроме того, в самостоятельный микрораздел оформляется в некоторых случаях отрицательная оценка, представляющая собой разного рода рекомендации и пожелания, что также, как мы увидим это ниже, имеет свои коммуникативно-стилистические причины. (Правда, нужно иметь в виду, что «микрораздел» следует понимать весьма условно, а именно с точки зрения его расположения в определенной (в данном случае — конечной) части рецензии, так как в рецензии довольно часто отсутствует даже деление на абзацы или какие-либо другие типографски выделенные микрочасти²). Например:

² Для выделения микрочастей в рецензиях довольно часто используется тип, применяемое с подобной целью только в этом жанре.

Zu der formalisierten Darstellung dieser Regeln hätte man sich für den praktischen Gebrauch lediglich noch eine leichter einprägsame verbale Zusammenfassung der wichtigsten Regularitäten gewünscht (AA, 80);

Es wäre zweckmäßig, wenn in den folgenden Bänden das russische Resümee auch in englisch, französisch oder deutsch vorläge (G 2. 662).

Однако достаточно часто отрицательная оценка вкраплена в «положительную часть», и соседство положительной и отрицательной оценки здесь особенно тесное, что также связано с определенным коммуникативно-стилистическим заданием. Например:

Bei der Behandlung des Akzents richten die Verf. besonderes Augenmerk auf die Betonung von Komposita und Wortgruppen — wohl nicht zuletzt, weil sich an ihr gut das Wirken der... zeigen läßt. Relativ schwach nehmen sich demgegenüber die Darlegungen zum Satzakzent, und zu den *wean forms* aus. Unverständlich bleibt z. B., weshalb dem Leser keine Liste der wichtigen Wörter mit Stark- und Schwachtonformen geboten wird ...

Hier gebührt den Verf. vor allem Dank für die Herausarbeitung der Unterschiede zwischen dem Englischen und dem Deutschen, mangelt es doch gerade in dieser Hinsicht noch sehr an pranksch verwertbaren Aussagen. In der Übersicht über die Beschreibungsmodelle hätte noch die Konzeption M. A. K. Hallidays erwähnt, im Abschnitt zu den Funktionen der Intonation auch ... ausdrücklich genannt und mit Beispielen belegt werden sollen (AA, 80)..

Это не означает, однако, что в каждой рецензии представлен только один из способов выражения отрицательной оценки. Напротив, более типичным является наличие всех трех способов, представленных в каждой рецензии в разном объеме.

В рецензии оценивается (положительно или отрицательно — последнее и является предметом рассмотрения данной статьи) содержание работы (значимость и актуальность темы, полнота рассмотрения проблемы, методы, достоверность выводов, объективность критериев отбора материала и т. д.), форма изложения (композиция, язык, стиль и т. д.), а также техническое оформление материала (типографское оформление, качество рисунков, печати и т. д.).

В приведенных ниже примерах рецензенты критикуют работу «по существу»:

Dadurch wird vom Leser einerseits ein Minimum an mathematischen Grundkenntnissen verlangt, aber andererseits *bleiben jedoch viele wichtige Aspekte unberührt*. Insbesondere *führt diese vereinfachte Darstellung zu einer nicht genügend kritischen Auswertung der Ergebnisse von Faktorenanalysen* (МО, 337);

Ein kleiner Mangel des Werks besteht meines Erachtens darin, daß *der Begriff Steuerung durchgängig verwendet wird*, auch dort, wo infolge einer Rückkopplung und Regelung ein eindeutig ein geschlossener Regelkreis existiert. Bei der Auswertung der Analyseergebnisse und der Konzeption des Informationssystems *könnte dies u. U. zu falschen Schlußfolgerungen führen* (Е, 73).

Ниже приведены примеры критической оценки композиции и языка работы:

Letzterer (der Phonemtheorie — Е. Т.) hätte man besser *ein eigenes Kapitel* einräumen sollen, in das dann gleich *einiges von den Darlegungen zur generativen Phonologie in Kapitel 8* hätte einfließen können (АА, 79);

Die Darstellung ist straff und zugleich klar, wenn auch etwas knapp (МО, 330).

В примерах «Dem Referenten fielen *folgende Druckfehler auf*» (МО, 332) и «... daß *einige Diagramme ... zeichnerische Mängel haben*» (GI, 482) критикуется техническое оформление работы.

Для отрицательной оценки в научной рецензии, как видно уже из приведенных примеров, характерна мягкость, некатегоричность, для выражения которой используются самые разнообразные средства.

В более ранних работах мы указывали, что научный стиль «имеет своей целью выражение определенных мыслей и суждений по различным научным проблемам в возможно более сжатой и краткой, в большинстве случаев эмоционально нейтральной форме при стремлении избежать категоричности утверждения, однако достаточно объективно, обстоятельно и логично»³. К тем

³ Троянская Е. С. Особенности грамматической синонимии стиля научной речи. — НДВШ. Филол. науки, 1969, № 2, с. 58. — См. также в кн.: Троянская Е. С., Герман Б. Г. Практическая грамматика немецкой научной речи. М.: Наука, 1974, с. 9, 10.

же выводам приходят и другие исследователи⁴. В частности, Е. А. Зверева, считая «смягчение категоричности высказывания характерным для научного стиля речи», вводит для этого явления термин «неокончателъность суждения»⁵. Причины этой особенности выражения научного стиля авторами не исследуются. Правда, в статье Н. С. Щукаревой есть косвенные указания, которые позволяют сделать вывод, что она склонна связывать некатегоричность научной речи с традицией⁶.

Мы полагали, что «это стремление связано с особенностями процесса человеческого познания и нашло свое отражение в выработке философских категорий относительной и абсолютной истины. Долгий и тернистый путь науки приучил исследователей осторожно формулировать свои мысли, так как то, что на данном этапе науки может представляться абсолютной истиной, на самом деле оказывается лишь относительной или вовсе не истиной»⁷. Однако эта причина, как нам представляется теперь, дала лишь толчок к развитию данного стилистического приема (прием — сознательный и целенаправленный отбор средств для достижения определенного стилистического эффекта⁸). В дальнейшем же основную роль (причем во

⁴ См., например: *Мальчевская Т. Н.* Специфика научных текстов и принципы их классификации. — В кн.: Особенности стиля научного изложения. М.: Наука, 1976, с. 108; *Щукарева Н. С.* Способы выражения некатегоричности высказывания в английском языке (на материале научной дискуссии). — В кн.: Функциональный стиль научной прозы. Проблемы лингвистики и методики преподавания. М.: Наука, 1980; *Зверева Е. А.* О некоторых особенностях употребления аналитических форм согласительного наклонения в английской научной прозе. — В кн.: Язык и стиль научной литературы. М.: Наука, 1977, с. 277—278.

⁵ *Зверева Е. А.* Указ. соч., с. 277—278.

⁶ *Щукарева Н. С.* Указ. соч., с. 198—200.

⁷ *Троянская Е. С.* Особенности грамматической синонимии стиля научной речи, с. 59.

⁸ О путей конденции стилистических приемов и их использования в научной литературе см. в кн.: *Троянская Е. С.* Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М.: Наука, 1982. — Выделив 9 стилистических приемов («кпипжность», «эмоциональная и субъективно-оциочная нейтральность», «обобщенность изложения», «композиционная четкость» («членение»), «активизация внимания читателя», «однозначность», «эксплицитность изложения», «экономичность изложения», «подражание стандарту научного изложения»), мы указывали на неопечность данного списка. И, действительно, дальнейшие исследования подтверждают это предупреждение. В частности, в этот список следует внести, по-видимому, и «це-

всех языках!) играла, по всей вероятности, традиция.

Выражение отрицательной оценки является лишь частным случаем выражения некатегоричности в научном стиле.

Исследование показало, что основным способом выражения отрицательной оценки в рецензии является эвфимизм («Эвфимизм... — выражение или слово, вводимое взамен другого, более грубого, вульгарного. Это один из тропов, с помощью которого то или иное явление, принимаемое за неприличное или неприятное, заменяется синонимичными, но смягченными словосочетаниями, или словами»⁹), но эвфимизм особого рода («научный эвфимизм»). О том, что мы имеем дело с видоизменением тропа при функционировании его в научной литературе (что типично и для всех других тропов и стилистических фигур), говорит, в частности, и тот факт, что для реализации этого приема в научной литературе используется, за редким исключением, не метонимия, метафора или перифраз (как это имеет место в художественной литературе¹⁰), а главным образом литота, хотя и последняя приобретает в научной речи определенное своеобразие.

В «Словаре литературоведческих терминов» мы находим следующее определение литоты: «Литота (от гр. *litótēs* — простота, малость, умеренность (разрядка моя. — *Е. Т.*) — троп, противоположный гиперболе. Л. — это образное выражение, оборот, в котором содержится художественное преуменьшение величины, силы, значения изображаемого предмета или явления»¹¹. Естественно, в научном стиле «художественность» и «образность» не являются целью отправителя речи, и в этом определении для нас важно лишь указание на «преуменьшение величины, силы, значения изображаемого предмета или явления». Важно также то, что «литота передает... стремление к сдержанности выражений, желание избежать слишком категоричного тона»¹².

категоричность изложения» — прием, связанный с таким качеством речи, как «смягченная» субъективность.

⁹ Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974, с. 459.

¹⁰ Там же, с. 459.

¹¹ Там же, с. 197.

¹² Кузнец М. Д., Скребнев Ю. М. Стилистика английского языка. Л., 1960, с. 39—40.

Литота, используемая в научной речи для смягчения отрицательной оценки, базируется на самых разнообразных средствах (лексических, грамматических, композиционных). Следует, однако, подчеркнуть, что все эти средства встречаются, как правило, в сочетании друг с другом, переплетаясь самым причудливым образом. Цель смягчения отрицательной оценки достигается с помощью этих средств самыми различными способами за счет разнообразных стилистических потенций этих средств, раскрывающихся при их целенаправленной организации. Заметим, однако, что и классификация способов, направленных на достижение данной стилистической цели, весьма условна и сделана на основе выделения признака, отличающего эти способы друг от друга, при общем, как правило, признаке — синонимической замене в широком смысле этого слова, сближающего и объединяющего их. А сами эти способы сталкиваются в одном предложении, усиливая друг друга. Нам удалось выделить несколько способов смягчения отрицательной оценки.

Первый способ основан на нарочитом подчеркивании рецензентом возможной субъективности его отрицательной оценки. Здесь можно выделить следующие варианты: 1) подчеркивание рецензентом субъективности своей оценки и 2) подчеркивание неполной уверенности рецензента в своей оценке, а также возможности альтернативных решений.

Второй способ основан на подчеркивании объективной невозможности избежать в рамках данной работы отмеченных рецензентом недостатков из-за трудности и неразработанности исследуемой проблемы, ограниченности объема данной работы и т. д. Этот способ также реализуется в двух вариантах: 1) объяснение самим рецензентом возможных причин замеченных им недостатков и попытка оправдать их и 2) выражение отрицательной оценки в форме рекомендаций и пожеланий рецензента или будущего читателя работы или как выражение их ожиданий и чаяний.

Третий способ основан на «эвфемических» замечаниях (в широком смысле этого слова). Здесь можно выделить: 1) синонимическую «эвфемическую» замену и 2) внесение в текст смягчающих «добавок».

Четвертый способ основан на столкновении положительной и отрицательной оценки, т. е. на композиционных средствах. Сюда относится: 1) столкновение положи-

тельной и отрицательной оценки, напоминающее стилистическую фигуру «сопоставление противоположностей», 2) включение отрицательной оценки в текст в виде парентез; 3) помещение отрицательной оценки в «положительный» раздел или в конечный раздел в виде рекомендаций и пожеланий.

Остановимся на каждом из этих способов более подробно.

Нарочитое подчеркивание субъективности отрицательной оценки

Как уже указывалось выше, здесь можно выделить два варианта:

1. Подчеркивание рецензентом субъективности своей оценки. С этой целью используются, во-первых, разного рода модальные слова, словосочетания и предложения вставочного характера типа: *meines Erachtens, unseres Erachtens, wie es uns scheint, scheinen* и *dürfte*+Inf. I и II, *scheinen* и *erscheinen*+предикативное определение. Например:

So wird m. E. den Fragen der numerischen Motivation und Realisierung zu wenig Aufmerksamkeit gewidmet (МО, 327);

Auch mit einer bloßen Verschiebung der Proportionen ist das Kardinalproblem, *wie es uns scheint*, kaum zu lösen (АА, 68);

Die Gleichung von... *erscheint nicht gerechtfertigt*, wenn... (АА, 79);

Die Chance dieser Form der gedrängten Übersichtsdarstellung *scheint uns* vielmehr da zu liegen, wo... (АА, 68);

Dieses Ziel wurde bezüglich des Direktstudiums... sicher erreicht, ein Einsatz im Fernstudium *dürfte aber problematisch sein*... (МО, 327).

Кроме того, возможно и употребление предложений без модальных слов и сочетаний, в которых тем или иным способом рецензент подчеркивает субъективность своей оценки, например:

Trotz dieser Kritik, *subjektiv wie jede*, kann dieses Buch, nicht zuletzt durch seine schnörkellose Sprache, als gelungen bezeichnet werden (В, 242).

2. Подчеркивание неполной уверенности рецензента в оценке и возможности альтернативных решений. Основную группу средств составляют сочетания с существительными, глаголами и

прилагательными, имеющими значение неуверенности, сомнения, спорности и т. д.:

а) сочетания с существительными типа *Bedenken*, *Zweifel*, *Verdacht*, например:

Die Aufnahme von Slang-Wörtern mag hingegen *gewisse Bedenken erwecken*, weil damit ... (AA, 84);

Ohne auf die recht heftige Diskussion zu... näher einzugehen, *sei hier lediglich der Verdacht geäußert*, daß diese Regel zumindest für die Praxis nur von beschränktem Wert ist, da... (AA, 80);

Andererseits — *und hierin zielen unsere methodologischen Zweifel* — ist der Deutungszusammenhang, in den Autoren und Werke gestellt sind, sehr spärlich ... (AA, 68).

Сюда же примыкают сочетания с существительным *Frage*, вводящие косвенный вопрос. Например:

Die Auswahl *wirft allerdings die Frage auf*, ob man bei dieser Problematik nicht noch wissenschaftliche Beschreibungen des Englischen als Fremdsprache (z. B. Lamprecht) hätte einbeziehen sollen (AA, 82);

б) сочетания с глаголами типа *bedenken*, *fragen*, *überdenken*, например:

Allerdings *ist die Schlußfolgerung zu bedenken*, die Klotz aus diesen richtigen Ergebnissen zieht, sofern die künstlerischen Mittel betroffen sind (AA, 72);

Es *ist bei dieser Problemlage*, bei der die heutigen wissenschaftlichen Erkenntnisse über die menschliche Existenz gewissermaßen enzyklopädisch zusammengefaßt werden, allerdings *zu fragen*, welches Wissenschaftsgebiet dann eigentlich in eine Anthropologie nicht hineingehöre (B, 253);

в) сочетания с прилагательными типа *problematisch*, *diskutierenswert*, *diskutabel*. например:

Das Problem der «schichtparallelen Verschiebung einer älteren Schieferigkeit», *hält der Rezensent immer noch für diskutierenswert* (G2, 482).

К этому же кругу проблем относится выражение смягченной отрицательной оценки путем постановки прямых вопросов, что также привносит в изложение определенную неуверенность. например: Aber zum einen wird das komplizierte Mit-, Neben- und Gegeneinander der verschiedenen Zeitströmungen nicht überzeugend erfaßt, das Zusammenwirken so vieler Faktoren, bei denen dennoch auch Gewichtungen zu verzeichnen sind (*Sind Industrielle Revoln-*

tion und Französische Revolution nur den vielen anderen gleichwertige Ereignisse, wie es jetzt scheint? Welches ist das Verhältnis von Renaissancehumanismus und Individualismus? Welches ihre historische Bedeutung? (AA, 67).

Подчеркивание

*объективной невозможности избежать
отмеченных недостатков*

В этом способе также возможно выделить два варианта:

1. Объяснение самим рецензентом возможных причин замеченных им недостатков, попытка оправдать их, найти для них объективные истоки, смягчающие или пивелирующие эти недостатки. Например:

Die etwas eigenwillige Behandlung der Rassensystematik, über die ohnehin in Fachkreisen keine absolute Einigkeit besteht, schmälert den Wert des Buches sicher nicht (BI, 254);

Die mathematische Statistik dürfte m. E. eher zu den Grundlagen für Ökonomen gehören als große Teile des Abschnittes über Differential- und Differenzgleichungen, obwohl keinesfalls geleugnet werden soll, daß gerade die letzten Gebiete in Zukunft an Bedeutung gewinnen (MO, 328);

Andererseits... ist der Deutungszusammenhang... sehr spärlich, sicherlich auch aus Raumnot (AA, 68).

2. Выражение отрицательной оценки в форме рекомендации и пожеланий рецензента или будущего читателя работы или как выражение их ожиданий и чаяний. С этой целью особенно часто употребляется оптативный конъюнктив. Например:

Dabei wäre eine Zusammenfassung und Wertung der oft divergierenden Beschreibungen in verschiedenen Grammatiken für den Praktiker sehr nützlich gewesen. Außerdem ließen sich die Aussagen zum Futur noch ergänzen (AA, 82).

Кроме того, возможно употребление с той же целью глаголов типа *wünschen*, *begrüßen*, модальных глаголов *wollen* и *sollen*, паречий типа *wünschenswert*, *begrüßenswert*, *zweckmäßig*, *angebracht*. *nützlich* + *sein* в тех же временных формах. Например:

Zu der formalisierten Darstellung dieser Regeln hätte man sich für den praktischen Gebrauch lediglich noch eine leichter einprägsame verbale Zusammenfassung der wichtigsten Regularitäten gewünscht (AA, 80);

Wünschenswert wäre, vor allem im Teil III noch mehr Tierarten als Beispiele anzuführen, die für den angesprochenen Interessentenkreis von Bedeutung sind (B. 250);

Diesem Werk *sollte ein weiteres folgen*, das sich mit der Auswertung der durch die Analyse gewonnenen Erkenntnisse und der darauf aufbauenden Regelung des technischen Prozesses beschäftigt (E, 73).

Реже употребляются рекомендации в других временных формах (футурум) и с другим (иногда самым неожиданным!) лексическим наполнением, например:

Der Leser wird es als angenehm empfinden, daß einige wichtige bereits in der Oberschule eingeführte Gebiete aufgenommen und im erforderlichen *Umfange* vertieft und weitergeführt werden (MO, 327).

«Эвфимические» замены для смягчения отрицательной оценки

Этот способ реализуется в следующих вариантах:

1. Синонимическая «эвфимическая» замена с целью смягчения отрицательной оценки:

а) замена определения с отрицательной оценкой определением-антонимом с положительной оценкой (в сравнительной степени). Такая замена имеет место обычно в предложениях-рекомендациях и пожеланиях (см. выше), однако встречается и в предложениях другого типа. Она как бы предполагает наличие у оцениваемого явления данного положительного качества, однако выраженного не в той степени, как это было бы желательно. Например:

Eine stärkere Trennung der Ergebnisse, der kommentierenden Bemerkungen und der Beispiele wäre nützlich gewesen (MO, 335);

Im Abschnitt über Funktionen mit mehreren Variablen könnte durch die Benutzung von Begriffen der Vektor- und Matrizenrechnung eine *einfachere, elegantere und modernere* Darstellung erreicht werden. Insbesondere wäre damit auch ein *besserer* Anschluß an Kapitel 12... möglich (MO, 328);

б) замена, основанная на метонимии (близкая к перифразе). Например:

Der Auffassung Hellingers ... können wir uns nicht anschließen (AA, 83);

Bei allem scharfsinnigen künstlerisch philologischen Bemühen des Autors *kann man sich nicht des Eindrucks erweh-*

ren, daß seine Aufwertungs-bemühungen einiger kleiner, harmlos-naiver mittellenglischer lyrischer Stücke weit über deren tatsächlichen künstlerischen und sprachlichen Wert hinausschießen (AA, 66).

Fragen der angewandten Physik werden absichtlich stark vernachlässigt, die Infinitesimalrechnung wird nicht vorausgesetzt mit der Begründung, daß eine Erklärung physikalischer Probleme ohne höhere Mathematik mehr physikalische Einsicht bietet. — *Ein Standpunkt, den man nicht unbedingt teilen muß* (PhCh 2, 1028);

Man muß allerdings beim Lesen kritisch mitdenken, da *mehr als üblich* Druckfehler stehen geblieben sind (KI, 190);

Daß eine derartige Vielfalt der Gesichtspunkte auch *Gefahren* hinsichtlich der Geradlinigkeit und Geschlossenheit der Darstellung *heraufbeschwört*, deutet sich bereits in der Gliederung des Buches an, die ... mitunter doch etwas sprunghaft wirkt. . . (AA, 79).

2. Внесение в текст «смягчающих добавок», снижающих интенсивность отрицательной оценки, выраженной прилагательными, существительными, глаголами:

а) наречия *relativ*, *recht*, *ziemlich*, *etwas* и т. д., выражающие интенсивность качества (в данном случае его незначительность) + прилагательные наречия, обозначающие отрицательное качество, или наречия (с отрицанием!) типа *genügend*, *ganz* + прилагательные/наречия, обозначающие положительное качество. Например: *In dem vorliegenden Band wird unter Zugrundelegung relativ subjektiver Auswahlkriterien versucht. . .* (PhCh 2, 1027);

... so daß ein *etwas heterogener* Gesamteindruck entsteht (B, 253);

Insbesondere führt diese vereinfachte Darstellung zu einer *nicht genügend kritischen* Auswertung der Ergebnisse von Faktorenanalysen (MO, 337);

б) прилагательное и наречие, выражающие умеренную интенсивность качества (*klein*, *gewiß* и т. п.) и местоимения *manche*, *einige* (в смысле *nicht alle*) + существительное, выражающее отрицательную оценку. Например:

Allerdings fällt auch im vorliegenden Teil wieder *eine gewisse Uneinheitlichkeit* in der Darstellung und im Niveau der Beiträge auf (B, 254);

Ein kleiner Mangel des Werkes besteht meines Erachtens darin, daß, ... (E, 73);

... *manche Beweise* haben nur heuristischen Charakter (MO, 335);

в) наречия, обозначающие эпизодичность, редкость, выборочность наличия данного (отрицательного) качества у предмета (*mitunter*, *nicht immer*, *unter Umständen*, *streckenweise* и т. п.) и тем самым снижающие значимость критикуемого недостатка. Например:

So interessant, aber *streckenweise widersprüchlich* die Aussagen der einzelnen Forscher sind, eine echte «anthropologische Aussage» vermag der *mitunter strapazierte* Leser in den Einzelbeiträgen nicht immer zu entdecken (B, 253);

г) местоимение *alle* + отрицание. Например:

Wenn die Zeichnungen auch *nicht allen wissenschaftlichen Ansprüchen* genügen, so... (B2, 255);

д) наречия с ограничительным значением типа *bedingt* и *kaum*. Например:

Diesem der Leistung des Autors sicherlich angemessenen Anspruch will der Referent allerdings nur *bedingt* folgen (B, 256);

Zum anderen stehen die vorgespantten Abschnitte relativ isoliert von den literarhistorischen Darstellungen, so daß der Zusammenhang *mit* der Ausformung des konkreten Werks von jenen historischen Wirkkräften *kaum* angedeutet wird (AA, 68);

е) «смягчающие добавки» разного типа (разнообразной грамматической формы и лексического наполнения). Например:

Um den Belangen dieser jedoch voll zu genügen, wären ... wenigstens Übersetzungen ... erforderlich (AA, 66);

Unwesentlich, daß einige Diagramme (z. B. Abb. 18, b, c, d) zeichnerische Mängel haben (GI, 482).

Особо следует выделить регулярно встречающиеся субъективно-оценочные «смягчающие добавки», выражающие сожаление по поводу имеющих место недостатков (что, естественно, смягчает отрицательную оценку). Это сожаление рецензент выражает или от своего имени (чаще всего употребляется модальное слово *leider*), или от имени будущих читателей книги. Например: *Leider ist in dieser Hinsicht mehrfach keine Übereinstimmung mit der Symbolik anderer neuerschienenener Bücher dieses Gebietes vorhanden* (K2, 59);

Der Abschnitt Methodologie enthält *leider* nur die Darstellung der verfügbaren Strategien (B, 252);

Namentlich *der* an praktischer Unterweisung *Interessierte* wird darüber hinaus *bedauern*, daß die Zahl der Beispiele in einigen Kapiteln... recht knapp gehalten wurde (AA, 79).

Сталкивание положительной и отрицательной оценки

Здесь можно отметить следующие варианты:

1. Столкновение положительной и отрицательной оценки, напоминающее стилистическую фигуру «сопоставление противоположностей»:

а) столкновение положительной и отрицательной оценки (фон составляет положительная оценка). Вкрапление в текст отрицательной оценки на фоне положительной оценки снижает значимость отрицательной оценки, как бы серьезна она ни была. Основными типами такого столкновения являются: 1) положительная оценка — отрицательная оценка (см. первые три примера ниже) и 2) положительная оценка — отрицательная оценка — положительная оценка, т. е. положительная оценка с двух сторон (такое «обрамление» еще более смягчает отрицательность оценки. См. последний пример ниже):

Die Darstellung ist *straff* und zugleich *klar*, wenn auch *etwas knapp* (MO, 330);

Der weitgehende Verzicht auf mathematische Definitionen und Deduktionen erleichtert vielleicht die Erlernung von Techniken, *erschwert* aber auch das Verständnis mancher Zusammenhänge (MO, 333);

Im Ringen um das Verständnis des Stoffes durch einen jeglichen Leser scheut der Autor als erfahrener Pädagoge keine Beschränkung im Papier, manche Details sind vielfach *sehr*, mitunter sogar *unnötig großräumig* dargestellt (MO, 339);

Bei allem scharfsinnigen künstlerisch philologischen Bemühen des Autors *kann man sich nicht des Eindrucks erwehren*, daß seine *Aufwertungsbemühungen* einiger kleiner, harmlosnaiver mittelen-glyrischer Stücke *welt über deren tatsächlichen künstlerischen und sprachlichen Wert hinaus-schießen*. Dennoch ist das Buch wegen seiner sorgfältiger Originalab-

drucke mittelenglischer Lyrik in Verbindung mit eingehenden sprachlichen, literarischen, sachlichen und künstlerischen Interpretationen seines Herausgebers von besonderem Wert (AA, 66);

б) столкновение отрицательной и положительной оценки (фон составляет отрицательная оценка). В этом случае упоминание положительной оценки смягчает категоричность и силу отрицательной. Например:

Die weiterhin behandelten Konstenverläufe bei Einproduktarten-Produktion *führen* in der mathematischen Darstellung zu *keinen neuen ökonomischen Aussagen*, können sich aber als brauchbare Verständigungsmittel zwischen Mathematiker und Ökonom erweisen (MO, 340).

Кроме того, и сама отрицательная оценка в этом случае часто выражается уступительным придаточным предложением, что еще больше снижает силу этой оценки. Например:

Zwar schließt die Liste der Quellen bei manchen Kapiteln ziemlich früh (bei der Bedingungstheorie 1961), aber stets spürt man, wie der aktuelle Stand der Anwendung die Erläuterung der Grundmodelle gewichtend beeinflusste (MO, 328).

Эти основные способы столкновения положительной и отрицательной оценки могут, естественно, иметь различные модификации и последовательно чередоваться в тексте, образуя целые «цепочки». Например:

Diese Arbeit stellt eine schöpferische Zusammenfassung der umfangreichen bürgerlichen Literatur über die Produktions- und Kostentheorie dar. Leider *liegt dabei eine Ignoranz* der Theorien von Karl Marx und auch der Arbeiten von Oskar Lange zum behandelten Gegenstand vor. Ansonsten kann der große Fleiß des Verfassers anerkannt werden, der sich in der exakten literaturmäßigen Belegung der Gedanken ausdrückt, was andererseits *ein flüssiges Lesen erschwert* (MO, 339).

Как видно из приведенных выше примеров, положительная и отрицательная оценки соседствуют в пределах одного простого предложения, в рамках сложного предложения (сложносочиненного или сложноподчиненного), а также в стоящих рядом предложениях (в более широком смысле и в стоящих рядом значительных отрезках текста, где первую часть составляет положительная оценка, а вторую — отрицательная).

Основными синтаксическими способами выражения этого столкновения служат, как можно было видеть на многочисленных примерах, противительная и уступительная связь и парантезы (см. ниже). В лексическом плане следует отметить наличие значительного количества антонимов (*erleichtern—erschweren; folgerichtig—sprunghaft* и т. п.).

2. Включение в текст отрицательной оценки в виде парантез, придающее этой оценке характер оговорки, побочного значения, что вовсе не означает, что это действительно так¹³. Например:

Zum Abschluß wird die Erweiterung zum dynamischen Modell von Arrow-Harris-Marschak dargestellt (die m. E. zu schwach ausgefallen ist) und ein Kostenvergleich... (МО, 335);

Außerdem enthält dieses Kapitel -- in nicht ganz einleuchtender Auswahl und Reihenfolge — Ausführungen... (АА, 79).

Более того, парантеза скрывает в некоторых случаях чрезвычайно важный недостаток, гораздо более существенный, чем тот, на фоне которого она появляется, поскольку последний имеет частный или ограниченный характер, а отрицательная оценка в парантезе носит более общий, обобщающий и широкий характер. Например:

Leider fehlen hier (wie überhaupt in der ganzen Monographie) Hinweise auf die Wirksamkeit von Beimischungen wie Edelgasen oder an der Oberfläche von Elektroden wirksamen Stoffen, wie z. B. Jod (К1, 190).

Иногда в этом случае имеет место как бы парантеза в парантезе. Например:

In einem Nachwort stellt R. J. H. Beverton die Bedeutung der marinen Küstengewässer als Erdgas- und Erdöllagerstätten heraus — leider ohne die industrielle Gewinnung der Grundstoffe mit den Gefahren der Wasserverseuchung zu verknüpfen, wie überhaupt verändernde Konsequenzen zur Erreichung eines effektiven Umweltschutzes in Darstellungen kaum vorgeschlagen werden (В, 245).

3. Помещение отрицательной оценки (в виде вкрап-

¹³ О синтаксических особенностях оформления парантезы см.: Самолетова Р. С. Структурно-семантические свойства и функционально-стилистический статус парантезы в современном немецком языке. Канд. дис. Минск, 1980.

лений) в раздел, описывающий структуру работы или ее достоинства, а также в конечный раздел в виде рекомендаций и пожеланий. Это композиционное построение, на котором мы останавливались в начале статьи, также несет на себе стилистическую нагрузку смягчения отрицательной оценки.

* * *

Таковы основные способы смягчения отрицательной оценки в научной рецензии (да, по-видимому, и в научной литературе вообще). Это, однако, не означает, что полноценная (не смягченная, не сдержанная) отрицательная оценка в научной рецензии не употребляется. Такая оценка не невозможна, но менее типична, встречается значительно реже. Пример, приведенный ниже, содержащий целый ряд довольно резких оценок, представляет собой в какой-то мере исключение (смягчение отрицательной оценки имеет место только в первом предложении):

Leider sind einige Definitionen, unklar, was gerade dem Lernenden große Schwierigkeiten bereitet (z. B. ist der Begriff «edge sequence» — als fundamentaler Begriff für Wege, Zyklen, Kreise usw. undeutlich; der Begriff «path distance» wird nicht definiert, aber beim Begriff «diametral path» verwendet. Die auf Seite 48 gegebene Definition eines Homomorphismus steht im Widerspruch zu der anschließend gemachten Bemerkung, daß der vollständige Graph mit zwei Knotenpunkten ein homomorphes Bild eines beliebigen vollständigen Graphen ist, da Schlingen unvermeidlich sind. Die Definition des dualen Graphen S. 77 ist unvollständig, insbesondere sind in Fig. 55 die Graphen G und G^+ nicht dual zueinander (MO, 331—332).

Такие слова и сочетания, как *entstellen, vermissen, fehlen, erschweren, Ignoranz, unklar, unvollständig, unverständlich, einseitig, unnötig großräumig, kritiklos, im Widerspruch stehen* и т. п. (например, *eine unklare Definition, ein undeutlicher Begriff, unverständlich bleiben, kritiklos übernehmen, zu ernsthaftem Widerspruch herausfordern, zu einer einseitigen Bewertung verleiten* и т. д.), всегда выражают отрицательную оценку и притом, если нет соответствующего «смягчения», очень резкую.

Резкую эмоциональную оценку мы встретили лишь в одной из рецензий гуманитарного профиля: *Kann man der Charakterisierung der ersten Gruppe... eine gewisse Berechtigung nicht absprechen, so vermag die Be-*

hauptung . . . nur ungläubiges Staunen auszulösen (AA, 71). Правда, довольно экспрессивна отрицательная оценка с усилительной частицей *selbst*, которая встречается значительно чаще: *Zugleich fehlt eine, wenn auch nur kurze Beschreibung von Methoden zu Cot-Wertbestimmung . . . und selbst der Begriff Cot-Wert, obwohl von Britten und Kohne 1968 geprägt, wird nirgends erwähnt* (B, 242).

Отрицательная оценка выражается не только эксплицитно, при помощи слов, как бы специализированно употребляющихся с этой целью в научной рецензии, но и логически, т. е. раскрываясь на основе наших фоновых знаний. (Если, например, о важнейших произведениях и известнейших авторах в работе, претендующей на серьезность, говорится вскользь, ограничиваясь упоминанием или перечислением, то наш опыт подсказывает нам, что это плохо, и мы не пуждаемся в эксплицитной оценке, что «это плохо», «это — недостаток», поскольку последнее само собой разумеется): *Die Folge ist, daß die wichtigsten Werke auch der bedeutendsten Autoren kaum je mit mehr als einem Satz kommentiert werden und ein großer Teil literarischen Arsenalts sich überhaupt mit bloßer Erwähnung und Aufzählung begnügen muß* (AA, 67).

Однако основная тенденция заключается именно в эксплицитном (хотя и смягченном) выражении отрицательной оценки, почему нередко в такого рода оценочном тексте можно встретить сочетания *kritische Hinweise, ein wesentlicher Nachteil, ein kleiner Mangel*, и т. д., прямо говорящие о недостатках.

В заключение следует также указать на то, что любая оценка (положительная или отрицательная), как правило, имеет в рецензии более или менее обстоятельное обоснование и представляет собой как бы выводное суждение¹⁴. Это касается и заключительной оценки работы (см. первый пример ниже), и оценок, вкрапленных в текст (см. второй пример):

Das Buch kann deshalb — auch auf dem Gebiet der Kerntechnik — uneingeschränkt allen empfohlen werden, die polytechnische Texte nicht zu speziellen Inhalts aus dem Deutschen ins Russische zu übersetzen haben, und sollte im Bücherschrank jedes Übersetzers vorhanden sein (KI, 191);

¹⁴ *Синдеева Т. И.* Указ. соч.

Ohne auf die recht heftige Diskussion zu der von Chomsky und Halle aufgestellten *main stress rule* näher einzugehen, sei hier lediglich der Verdacht geäußert, daß diese Regel zumindest für die Praxis nur von beschränktem Wert ist, *da* sie Wissen voraussetzt, das sich für den Nichtmuttersprachler erst aus der Kenntnis der Lage des Hauptons ergibt (AA, 80—81).

Подводя итог всему сказанному, следует еще раз подчеркнуть, что выражение отрицательной оценки подчиняется в научном тексте довольно строгому стилистическому правилу, которое требует смягченной, сдержанной, некатегоричной оценки, для чего в научном стиле выкристаллизовался уже ряд достаточно стандартизованных способов, широко используемых авторами.

СОКРАЩЕНИЯ

- AA — Zeitschrift für Anglistik und Amerikanistik, 1975, Jg. 23, Hf. 1.
AG — Zeitschrift für angewandte Geologie, 1974, Bd 20, Hf. 5.
AM — Zeitschrift für angewandte Mathematik und Mechanik, 1968, Bd 48, Hf. 4.
B — Biologisches Zentralblatt, 1974, Bd 93, Hf. 2.
E — Der Elektro-Praktiker, 1975, Jg. 29, Hf. 2.
G1 — Geologie, 1965, Jg. 14, Hf. 4.
G2 — Berichte der geologischen Gesellschaft, 1965, Bd 10, Hf. 5.
K1 — Kernenergie, 1975, Jg. 18, Hf. 6.
K2 — Kernenergie, 1975, Jg. 18, Hf. 2.
MO — Mathematische Operationsforschung und Statistik, 1973, Bd 4, Hf. 4.
PhCh1 — Zeitschrift für physikalische Chemie, 1974, Bd 255, Hf. 2.
PhCh2 — Zeitschrift für physikalische Chemie, 1974, Bd 255, Hf. 5.

РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ПРИЕМА
В ОРГАНИЗАЦИИ
НАУЧНОГО ОЦЕПОЧНОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ)

О. К. Кудасова

В существующей лингвистической литературе по функциональному стилю научной прозы нет единства мнений в трактовке речевой образности и функций, выполняемых ею в научной речи.

Известно, что наука стремится выявить объективную природу предмета, показать, каким он является вне и независимо от человека, его чувств, эмоций, желаний. Поэтому стилеобразующим началом всех научных работ является логическая последовательность изложения, ориентация не на эмоционально-чувственное, а прежде всего на логическое восприятие, стремление к максимальной объективности. В связи с этим нередко высказывается мысль о том, что образные средства, в которых, как известно, значителен элемент субъективного, индивидуального и, следовательно, эмоционально-оценочного, могут повредить ясности изложения, точному и систематическому освещению научных вопросов.

Кроме того, образные высказывания обладают более широкими возможностями семантической интерпретации, вызывают дополнительные ассоциации, истинность которых часто нуждается в обосновании и уточнении, тогда как научная проза характеризуется преобладанием прямой терминологической денотации, свобода выбора лексических средств здесь ограничена в большей мере, чем в других функциональных стилях. Все это, казалось бы, дает право рассматривать образное словоупотребление как случайное явление в стиле научной прозы, привносимое в него из других сфер функционирования общелитературного языка.

Между тем авторы научных сочинений часто прибегают к способу выражения мысли, основанному на образности¹. Это объясняется прежде всего тем, что по-

¹ В. Гейзенберг считает, что физики пришли сейчас к такому применению языковых средств, которое «напоминает скорее функционирование языка в повседневной жизни и в художе-

мимо стремления человеческого сознания к объективному отражению мира для него характерна также квалификативно-оценочная деятельность.

Выясняя взаимосвязи материального мира, доказывая определенные положения, гипотезы, излагая научные вопросы в целях определения и объяснения явлений природы и общественной жизни, оценивая работу своих коллег, ученый привносит, наряду с логической констатацией факта, свою собственную субъективно-чувственную оценку, неразрывно связанную с эмотивностью, образностью, экспрессией.

Как показывают исследования психологии научного творчества, мышление и его языковое выражение даже на самом абстрактном уровне не может быть совершенно лишено оценочности, воображения, интуиции и экспрессии. В силу единства языка и мышления это непременно находит выражение в стиле речи, в языке². Поэтому образные средства, как проявление оценочной деятельности сознания, не могут быть полностью устранены из научного изложения.

Помимо внесения в научный текст эмоциональных и эстетических элементов, образность имеет также существенную семантическую нагрузку, раскрывая, дополняя и уточняя существующие понятия. Отвечая задачам научного повествования, образное словоупотребление является носителем информации, действенным средством возбуждения мыслительной деятельности и воображения читателя. В этом заключается его функциональная целесообразность.

При анализе образности в научном стиле необходимо иметь в виду ее сугубо рациональный характер, который проявляется в наличии специфических ограничений в ис-

ственной литературе». Он замечает, например, что в нашей речи многие смысловые оттенки «возникают благодаря ассоциациям, вызываемым побочными значениями слов». Такое словоупотребление, с его точки зрения, может иногда служить средством более полного отображения реальности, чем «логико-аналитический подход к языку» (цит. по: *Славгородская Л. В.* Об использовании образных средств в языке современной физики. — В кн.: *Функциональный стиль научной прозы.* М., 1980, с. 189).

² См.: *Кожина М. Н.* О понимании научного стиля и его эволюции в период научно-технического прогресса. — В кн.: *Научно-техническая революция и функционирование языков мира.* М., 1977, с. 188.

пользовании образного словоупотребления. Эти ограничения проявляются прежде всего в том, что научная проза имеет тенденцию использовать языковую образность, не вызывающую каких-либо дополнительных эмоционально окрашенных ассоциаций³. Использование речевой образности строго ограничено ее употреблением в определенных функциях.

Результаты исследования П. И. Пахуткина⁴ показали, что речевая образность в стиле научной прозы выполняет следующие основные функции:

- 1) экспрессивно-гносеологическую (или эвристическую) функцию выражения новых «зарождающихся» понятий;
- 2) эмоционально-оцепочную функцию;
- 3) эстетическую функцию.

Рассматривая функции образного словоупотребления, следует принимать во внимание разнообразие жанрового состава современной научной прозы. Речевая образность используется практически во всех жанрах английского научного письма, однако соотношение выполняемых ею функций в различных жанрах неодинаково. В жанрах, связанных с описанием эксперимента, методики исследования и т. п., стремящихся к недвусмысленности характеристик, точности и лаконичности описаний, выбор образного способа выражения научной мысли предопределяется прежде всего гносеологической необходимостью и, следовательно, ведущей здесь является экспрессивно-гносеологическая функция. Однако существуют такие жанры научной прозы, в которых на первое место выступают не констатация и обоснование тех или иных наблюдаемых ученым закономерностей, а оцепочное отношение, полемическая сторона дела или же научно-дидактическая цель изложения. Это прежде всего научная рецензия, научная лекция, жанр научной публицистики, научно-популярный жанр⁵. В таких жанрах научного письма образность используется преимущественно в эмоционально-оцепочной функции, которая часто представлена в единстве с функцией эстетической.

³ См. об этом: *Разинкина Н. М.* Развитие языка английской научной литературы. М., 1978, с. 160.

⁴ *Пахуткин П. И.* Функциональные особенности речевой образности в научном стиле. Канд. дис. М., 1972, с. 116.

⁵ См.: *Разинкина Н. М.* Указ. соч., с. 161, 162.

Данная статья посвящена рассмотрению некоторых специфических черт функционирования образного словоупотребления в одном из жанров научной прозы — рецензии на научную работу. Мы ограничимся рассмотрением метафоры и сравнения, поскольку образность, выявленная нами в жанре научной рецензии, представлена в основном этими двумя стилистическими приемами⁶.

Анализ проводился на материале рецензий из английских и американских научных журналов. В общей сложности было проанализировано около 500 рецензий.

Среди разнообразных жанров научной прозы языковому и стилевому своеобразию рецензии уделялось чрезвычайно мало внимания. Между тем исследование языковых особенностей данного жанра представляет значительный интерес: рецензия на научную работу — жанр, специально ориентированный на оценку. В рецензии обычно дается критический разбор научного произведения, а также необходимые сведения о содержании оцениваемой публикации, о круге научных проблем, затронутых в ней. Отличительной особенностью данного жанра является то, что объектом рецензии служат не непосредственные факты действительности, на которых основываются труды ученых, а факты, явления уже изученные, осмысленные и представленные в форме научных публикаций. Однажды отображенный, обобщенный материал как бы заново пересмысливается рецензентом, который на основании аргументированного анализа труда ученого выявляет важные, значимые и актуальные моменты содержания, высказывает свои соображения в связи с рецензируемым произведением, дает ему оценку.

В настоящее время в связи с численным ростом научных публикаций рецензия становится все более распространенным видом научной коммуникации: информируя читателя о содержании книги, статьи и т. п., а также критически анализируя и оценивая научное произведение (т. е. являясь информационно-оценочным жанром), рецензия упорядочивает знания читателя-ученого о выходящей в мире научной литературе, помогает ориентироваться в непрерывном потоке публикаций, выбрать нужную книгу, дает ученому возможность лучше осо-

⁶ Определение данных стилистических приемов и описание их лингвистического механизма приводится в работе: Galperin I. R. Stylistics. M., 1977, p. 139—144; 167—169.

знать свои информационные потребности. Все это невозможно без формирования у читателя установки на активное отношение к рецензируемому произведению. Поэтому, наряду с использованием логических средств воздействия и убеждения, рецензент обращается к образным средствам, которые, вызывая у читателя определенную эмоционально-оценочную реакцию, повышают убедительность приводимых аргументов.

Следуя канонам функционального стиля научной прозы, жанр научной рецензии имеет заметную тенденцию широко использовать средства языковой образности (в основном, языковую метафору) для оценки труда ученого. В рамках данного жанра сложился определенный набор таких средств, ставших трафаретным способом выражения авторского оценочного отношения. Оценивая научное произведение, рецензент не стремится к разнообразию способов выражения оценки, а использует в большинстве случаев уже готовые метафорические оценочные клише: to highlight a problem, to throw light on, to bridge (to fill) a gap, a wealth (a source, a mine) of detail (data, information, ideas).

Известно, что языковая метафора традиционна, штампованна, лишена индивидуального, субъективно-оценочного. Такая метафора зачастую перестает удовлетворять авторов рецензий, стремящихся к тому, чтобы вызвать у читателя эмоционально-оценочную реакцию, создать у него определенное отношение к рецензируемой публикации. Поэтому тенденции выражать оценку научного труда с помощью средств языковой образности противостоит не менее заметная тенденция использовать для этой цели оригинальные образные средства (для жанра научной рецензии это прежде всего речевые метафоры и сравнения), что позволяет автору рецензии в яркой и наглядной форме показать, оттенить наиболее характерные особенности труда ученого. Это происходит благодаря самой сущности стилистических приемов, основанных на образности. Метафора, «обобщая наиболее типичное, характерное... синтезирует новый образ. Выявляя и называя ту или иную сторону предмета или лица, метафора как бы анализирует, вычленяет наиболее индивидуальное»⁷. Поскольку «сравнивать предметы надо по таким

⁷ Калмыкова Е. И. О динамике метафоры в научном стиле. — НДВШ, сер. «Филол. науки», 1974, № 2, с. 84.

признакам, которые имеют важное, существенное значение»⁸, сравнение как стилистический прием также может быть использовано автором для выделения в рассматриваемом объекте какой-то одной характерной особенности, специфику которой автор хочет показать или углубить.

Употребление речевой образности в рецензии на научную работу предопределено особенностями композиционного построения текстов данного жанра. В композиционном плане рецензия представляет собой нерасторжимое единство трех основных звеньев — вводной части, основной части и заключения. Вводная часть рецензии содержит библиографическое описание публикации, здесь сообщается о типе рецензируемой книги и ее назначении (монография, учебник, справочник и т. п.), о задачах, поставленных автором, о принадлежности автора к определенной научной школе или направлению; очерчивается круг научных проблем, затронутых в книге; указывается место научного произведения в ряду других работ, написанных на ту же тему. Во введении дается также общая оценка публикации. Таким образом, вводная часть научной рецензии содержит общие сведения о рассматриваемой работе.

Организуя центр научной рецензии является основой раздел — наиболее информативный участок оценочного текста, задачей которого является более подробно ознакомить читателя с содержанием книги, раскрыть ее основные положения. Если во введении рецензент как бы априорно оценивает произведение, в основном разделе он дает аргументированный анализ труда ученого, доказывает, иллюстрирует свои положения.

Являясь выводом из того, что сообщалось в основной части, заключение содержит итоговую оценку работы. Здесь рецензент сообщает, на специалистов какого профиля рассчитана информация, содержащаяся в публикации, высказывает свои соображения по поводу технических характеристик и стоимости издания. Таким образом, введение и заключение рецензии как бы обрамляют основную часть — анализ, описание, систему доказательств. Такое построение делает текст научной рецензии монопольным, логически стройным, композиционно завершенным.

⁸ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975, с. 568.

Если средства неоригинальной, традиционной образности могут появиться в любой композиционной части научной рецензии, использование оригинальных образных средств ограничено рамками вступления и заключения. В основной части, которая, как указывалось, представляет собой анализ научного произведения, систему аргументов и доказательств, употребление оригинальных стилистических приемов вряд ли целесообразно: вызывая в воображении читателя тот или иной образ, приводя к возникновению дополнительных ассоциаций, они могут увести в сторону от логически последовательной аргументации мысли, от характеристики особенностей рецензируемого произведения.

Использование речевой образности во введении и заключении оправдано, вероятно, самим назначением данных композиционных звеньев. Введение выполняет сигнальную функцию, его задача — дать общие сведения о публикации, представить общую, как бы априорную оценку. Рецензент сразу определяет свое отношение к рассматриваемой работе. При этом образ, сравнение, использованные им, «настраивают» определенным образом читателя, задают общую тональность всей рецензии.

Оценка, данная рецензентом в заключительной части, имеет обобщающий характер, она подводит итог анализу научного произведения. Используя речевую образность в заключительной оценке, автор рецензии может преследовать цели, связанные с особенностями психологии запоминания: известно, что «значительно лучше, скорее и прочнее запоминаются те сведения, которые «эмоционально окрашены», вызывают живые, яркие чувства...»⁹, поэтому рецензент может надеяться, что итоговая оценка научного произведения, в которой присутствует элемент образности, лучше запомнится читателю и в дальнейшем поможет ему ориентироваться в потоке научных публикаций:

The chief result of such general recommendations, without any guidance about what can be recommended... must surely be *to produce severe indigestion* (N, 1967, v. 213, p. 19);

... The intelligent non-psychologist can perhaps be forgiven if after reading this volume in the hope that new

⁹ Лук А. Н. Эмоции и чувства. М., 1972, с. 38.

directions might lead to new destinations, *he feels that he has been taken for a ride* (BJPL, 1967, v. 58, p. 179).

В жанре рецензии на естественнонаучную работу мы находим прежде всего неразвернутые метафоры и сравнения, строящиеся на основе одного образа. Приведенные выше примеры демонстрируют, насколько ярко и выпукло выступают данные стилистические приемы, заметно оживляя изложение и приковывая к себе внимание читателя. Однако их значение для организации текста научной рецензии практически равно нулю: неразвернутые метафоры и сравнения являются инкрустациями, вкраплениями, безусловно, очень интересными, несущими большую функциональную нагрузку (оценка публикации, характеристика области науки, проблемам которой посвящен труд ученого), однако не участвующими в организации текста рецензии в целом, в создании его единства. Эту задачу способны выполнить метафоры и сравнения, которые не ограничиваются одним образом, а реализуют несколько образов, связанных между собой единым, центральным, стержневым словом¹⁰. Такие развернутые метафоры и сравнения могут охватывать всю композиционную часть рецензии (вступительную или заключительную):

These two volumes are the first to appear in a series of five. A reviewer thus faces a similar dilemma to a diner passing judgement on a complete meal after sampling only the soup and fish. In this instance, however, the renown of the chef de cuisine, Dr. Hugh Darson, is such that it is only necessary to decide for what type of clientele he is catering to predict what is in store. It turns out that, along with his co-author, Dr. Segal, he is providing good, solid and easily digestible fare without too many sophisticated trimmings but also without succumbing to the hazards of oversimplification (N, 1976, v. 259, p. 428).

В приведенном выше примере сложный образ развивается на протяжении всей вступительной части рецензии: сравнение, используемое в самом начале, дает толчок развитию метафоры, строящейся на основе тематики, связанной с областью кулинарного искусства.

Единство образа, охватывающего всю композиционную часть, обеспечивает единство и целостность данной ком-

¹⁰ См.: Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958, с. 126.

позиционной части, способствует ее относительной самостоятельности. Нередко вступление или заключение рецензии, построенное на основе сложного образа, может быть прочитано изолированно от остального текста рецензии и воспринято как относительно законченная характеристика научной публикации, составляющая достаточно полное представление о научном труде. В качестве примера приведем вступительную часть рецензии, построенную на основе сложного образа:

There is a long standing joke that one can doze off during one of Wagner's Ring of the Nibelungen operas, only to wake up ten minutes later to find the same singer standing on the same spot singing the same song. One gets the same impression from Le Bas' book. No matter where one dips into it, there is a certain sameness about the text. Tortuous rock names like uncomphagrite, turjaite, melteigite, ijolite and urtite keep cropping up in prose like Wagnerian leitmotive. To appreciate the Ring one has to be able to recognize the leitmotive. The same is true of this book: without a firm grasp of the convoluted terminology of hyper-alkalik volcanism, one is lost (N, 1977, v. 270, p. 546).

Интересно отметить, что текст рецензии на научную работу имеет, как правило, лишь один образный центр, т. е. метафора, сравнение (развернутые или неразвернутые) употребляются только в одной композиционной части рецензии — либо во вступлении, либо в заключении. Это, вероятно, имеет свои причины. Если бы и во вступительной, и в заключительной частях рецензии были использованы стилистические приемы, основывающиеся на различных образах, это в какой-то степени препятствовало бы созданию целостной, однонаправленной характеристики публикации, требовало бы переключения внимания читателя с одного образа на другой. С другой стороны, если бы и вступление и заключение были охвачены стилистическим приемом, основанным на одном сложном образе, нарушилась бы целостность образа, поскольку в основной части рецензии, как указывалось выше, присутствие образных средств нежелательно. Таким образом, в использовании оригинальных метафор и сравнений в жанре рецензии на естественнонаучную работу нет разбросанности, аморфности. Их употребление, как правило, ограничено рамками лишь одного композиционного звена (вступления или заключения), которое

является образным центром оценочного текста. Однако в ряде случаев развернутые метафоры и сравнения прослеживаются на протяжении всего текста научной рецензии. Причем в каждой композиционной части по мере развития сложного образа, на основе которого строится развернутый стилистический прием, рецензент показывает новые стороны рассматриваемой публикации, характеризует ее с иной точки зрения. Например¹¹:

I. Peter Gay's magnificent eighteenth-century opera in three acts has reached completion with the publication of his second volume. From his Overture in 1967 to his Finale this year the quick rhythms of his principal theme tunes never falter.

II. ... Alfred Cobban... wrote of the Enlightenment: '...it was primarily an attitude of mind... It was... an age of rational optimism'.

It is just this rational optimism..., which provides the unifying theme for the rich diversity and changes of key which characterize Volume II of Gay's interpretation. As in the previous volume, the theme emerges more clearly in the admirable orchestration of the bibliographical essay which completes the work.

III. ... this volume can be read satisfactorily on its own, it is clear that both on operatic and dialectical grounds it would be better taken in concert with its predecessor. The order in which they are studied is probably less important. The eminent operatic cast is always on stage; and dialectical development often becomes more meaningful in reverse (BJS, 1970, v. 21, p. 470).

Развернутая метафора, пронизывающая весь текст рецензии, тематически связана с областью музыкального искусства. Научный труд сравнивается здесь с оперным произведением. Единство этого образа сохраняется во всех композиционных звеньях и достигается семантической однородностью образно употребленных лексических единиц и внутренней взаимосвязанностью обозначаемых ими явлений. Развитию и углублению образа, передаваемого данной метафорой, способствует прежде всего употребление терминологической лексики, характерной для сферы музыкального искусства: opera, overture, finale, rhythm, principal theme tunes, unifying theme, diversity and

¹¹ Римские цифры I, II, III обозначают соответственно вступительную, основную и заключительную части научной рецензии.

changes of key, orchestration, concert, operatic cast. Следует подчеркнуть, что единство образа обеспечивает единство и целостность всего оценочного текста. Образ прочно скрепляет, «цементирует» композиционные звенья рецензии. Однако случаи использования подобных образов в научной рецензии довольно редки.

Таким образом, наблюдаются три степени (стадии) охвата текста научной рецензии стилистическими приемами (метафорами, сравнениями):

1-я степень. Стилистический прием не способствует целостности, единству текста научной рецензии. Это имеет место в случае использования неразвернутых метафор и сравнений, которые воспринимаются как инкрустации, вкрапления, не спаивающие текст рецензии в единое целое. Эту стадию можно назвать исходной, или нулевой.

2-я степень. Стилистический прием охватывает всю композиционную часть рецензии (либо вступление, либо заключение). Эта степень охвата может быть реализована только с помощью развернутых метафор и сравнений, строящихся на основе сложных образов. Единство сложного образа, пронизывающего композиционную часть рецензии, обеспечивает целостность и единство этой композиционной части, способствует ее относительной законченности и автономности.

3-я степень. Стилистический прием охватывает весь текст рецензии. В этом случае сложный образ, развивающийся на протяжении всех композиционных частей, обеспечивает единство всего оценочного текста, способствует более тесной связи между композиционными звеньями рецензии. Оговоримся, однако, что такие случаи довольно редки. Как правило, развитие сложного образа ограничено рамками лишь одной композиционной части рецензии — либо вступления, либо заключения, что свидетельствует об отсутствии разбросанности в использовании оригинальных стилистических приемов в жанре рецензии на научную работу.

СОКРАЩЕНИЯ

- VJPl — The British Journal of Psychology.
VJPt — The British Journal of Psychiatry.
BJS — The British Journal of Sociology.
JAE — The Journal of Animal Ecology.
JAS — The Journal of the Astronautical Sciences.
N — Nature.
S — Science.

О ЛОГИЧЕСКОЙ СВЯЗНОСТИ УСТНОГО НАУЧНОГО СООБЩЕНИЯ

Л. В. Славгородская

Ведущая роль письменного, а точнее — печатного, слова в сфере науки не подлежит сомнению. Если когда-то науку называли «книжной премудростью», имея в виду прежде всего форму существования научного знания, то сейчас без печати немислим и процесс научного взаимодействия. Над созданием научных ценностей трудятся независимо друг от друга люди в разных концах земного шара, и зачастую именно сеть публикаций знакомит их друг с другом, превращая в единое научное сообщество. Благодаря публикации результаты научного исследования становятся предметом осмысления и стимулом для новых работ. «Наука отличается от современных художественных творений своим коллективным характером. Научное достижение может быть результатом работы и отдельной личности, по его значению зависит исключительно от его роли как части единого здания, воздвигнутого коллективными усилиями прошлых и настоящих поколений ученых. Эти усилия прикладываются учеными всего мира», — говорит выдающийся физик В. Вайскопф о коллективном характере современной науки¹, реализацию которого пельзя себе представить без современных средств информации, прежде всего печати.

В то же время стремительное нарастание лавины публикаций не может не сказываться как на их качестве, так и на реальных возможностях освоения их учеными той или иной отрасли. «В современных условиях публикация статьи перестала быть гарантией того, что с результатами исследования ознакомится наибольшее число работников пауки»², — к такому выводу приходят как социологи и науковеды, так и специалисты по информатике и, наконец, ученые самых разных областей. «Научные исследования находятся под угрозой быть задавленными собственным порождением — научной литературой», — пишет профессор Марсельского университета Ю. Гурвич в жур-

¹ Вайскопф В. Физика в двадцатом столетии. М., 1977, с. 257.

² Мирская Е. З. Система научных коммуникаций. — В кн.: Социологические проблемы науки. М., 1974, с. 372.

пале «Мир науки» — органе Всемирной федерации научных работников³.

В этих условиях вновь возрастает ценность устного слова в науке — и не только в процессе непосредственного общения, но и в функции сообщения.

От первого отчета о проделанной работе в группе, отделе, лаборатории и до доклада на представительном научном форуме устное сообщение является, как правило, главным «оформителем» результатов исследования и наиболее информативным каналом ознакомления с ними. Устное сообщение первым дает материал для бесед, обсуждений, творческой критики в узком кругу сотрудников и становится источником «научной молвы», которая доносит новую информацию и до более широкого круга коллег.

«Сроки введения в социокультурный цикл новых идей... равняются в среднем 8—10 месяцам, — пишет французский социолог А. Моль. — ... Но те же самые идеи вводятся в социокультурный цикл за гораздо более короткий срок в микросредах различных культурных метрополий... когда совместный чай в лаборатории или пребывание в соседнем пивном баре оказываются, при всей случайности такого рода встреч, хорошим средством коммуникации — более быстрым и эффективным, чем какая-нибудь научная публикация»⁴.

Конечно, более менее случайные встречи не могут удовлетворить коммуникативных запросов массы ученых. Поэтому основными местами получения информации и обмена ею являются разного рода конференции, которые «представляют собой заранее планируемый вид научной коммуникации и фиксируют значительную долю информации, которая производится в той или иной области»⁵. При этом, как подчеркивает Е. З. Мирская, «для научных конференций характерна своеобразная, «сверхскорострельная» обработка информации. Если в первый день участникам конференции «подбрасывается» важная новая идея... то она будет моментально раскритикована, разоб-

³ Гурвич Ю. Профессия ученого и развитие науки. — Мир науки, 1981, т. XXV, № 2, с. 22.

⁴ Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973, с. 231 [Перев. с фр.].

⁵ Иванова Т. П. Коммуникация как показатель связей в системе научной деятельности. — В кн.: Системные исследования. М., 1977, с. 63.

рана на части и слова собрана подчас в уже неузнаваемом виде»⁶.

Таким образом, устные формы коммуникации обеспечивают не только быстрый обмен информацией, но и эффективное ее освоение, превращаясь, по очень точному определению Ф. Лезера, в коммуникативные формы творческого мышления: «Различие этих коммуникативных форм объясняется спецификой и функцией при решении определенных проблем»⁷.

Однако определенной функциональной спецификой обладает не только форма коммуникации, но и форма кода, с помощью которого она осуществляется, ибо, как известно, «каждая форма опредмечивания, объективации того или иного познавательного содержания означает определенное изменение последнего»⁸.

Устная научная речь отлична от письменной как по способу передачи, так и по способу восприятия. Следовательно, и характер научной информации, передаваемой устно, чем-то отличен от информации, заключенной в письменном тексте, даже если последний создан на основе первой (или наоборот). Во всяком случае письменная и устная речь в науке далеко не всегда взаимно заменяемы: в процессе преподавания даже среднего лектора, как правило, предпочитают хорошему учебнику, а с другой стороны, математики и в устном изложении всегда прибегают к письменной фиксации цифр и формул.

Дело, видимо, в том, что, по словам Б. М. Гаспарова, говорящие «интуитивно владеют специфическим механизмом построения смысла, присущим устной коммуникации, и пользуются позитивными возможностями, открываемыми данным способом, для получения результатов, в чистом виде недостижимых в письменном тексте»⁹.

Особенности построения смысла в устном сообщении проявляются, конечно, и на лингвистическом уровне. Они отражаются, в частности, и на характере языковых средств, обеспечивающих связность устного речевого единства. «В норме устная и письменная речь... проте-

⁶ Мирская Е. З. Указ. соч., с. 379.

⁷ Лезер Ф. Новое в логике и возможности ЭВМ. — В кн.: Кибернетика. Современное состояние. М., 1980, с. 124.

⁸ Лекторский В. А. Субъект. Объект. Познание. М., 1980, с. 171.

⁹ Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект. — В кн.: Семантика номинации и семиотика устной речи. Тарту, 1978, с. 171.

кают по совершенно различным правилам и строятся грамматически совершенно различно», — констатирует А. Р. Лурия в своей последней книге «Язык и сознание»¹⁰.

Для научного сообщения особенно важны средства логической связности, поскольку логичность является одним из основных качеств научной речи¹¹. Анализ характера логической связности в устном научном сообщении поможет выявить некоторые черты устной научной речи, отличающие ее от письменной.

Наиболее наглядное представление об этих различиях дает сопоставление фрагментов письменного и устного сообщения, сделанного одним и тем же автором на одну и ту же тему. Приведем такой пример:

Письменный вариант

Устный вариант

Всем известно, что опыты Резерфорда 1911 г. обнаружили совершенно новый, неизвестный до той поры, вид сил, способных спрессовать основную часть материи до размеров крошечного ядра. Природа этих сил осталась загадкой (Е, 31).

Начну с небольшой истории, которую вы наверняка знаете. 1911 год. Резерфорд. Открытие атомного ядра. Открытие того, что вся материя атома сосредоточена в маленьком ядрышке. И сразу возникает вопрос: какие силы сжимают ее в это маленькое пространство? (Е, УНС)¹².

В устном варианте практически отсутствуют почти все средства связности, которые есть в письменном. Высказывание, казалось бы, распадается на составные части. Информация поступает порциями. Но сама последовательность их поступления уже обеспечивает внутреннюю взаимосвязь, так как отражает закономерность возникновения проблемы, сформулированной в заключительном вопросе. Автор заставляет нас заново пережить рождение этой проблемы, тогда как в письменном тексте он лишь напоминает ее содержание.

¹⁰ Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979, с. 214.

¹¹ См.: Троянская Е. С. К общей концепции понимания функциональных стилей. — В кн.: Особенности стиля научного изложения. М., 1976.

¹² Здесь и далее в записях устной научной речи знаки препинания расставлены мною в соответствии с интонацией. — Л. С.

Эта особая динамичность обусловлена прежде всего особыми свойствами устной речи, которая «в отличие от письменной подчиняется фактору физического времени»¹³. Речь, воспринимаемая «со слуха», возникает синхронно восприятию: слушатель не может «заглянуть вперед», чтобы узнать, «чем дело кончилось». При устной передаче сообщения, хотя бы и подготовленного заранее, произнесение имитирует процесс создания. Поэтому композиционно-логическое развертывание содержания в устном сообщении совпадает с его поступательным движением во времени и выявляет прежде всего *процесс становления* смысла в его динамике. Эта особенность устного сообщения особенно важна для научного изложения, и ее издавна использовали ученые в своих лекциях и докладах.

Так, известный русский юрист и педагог Петражицкий считал, что «лекция отнюдь не сводится к изложению определенной суммы сведений, добытых наукой. Лекция — это *логический процесс*, воспроизводящий научное исследование»¹⁴ (курсив мой. — Л. С.).

С. И. Вавилов отмечал, что и восприятие слушателями новых знаний идет гораздо успешнее, если лектор пользуется методом «активного слушания», если изложение ведется таким образом, что слушатели «открывают для себя тот или иной вывод прежде, чем его сформулирует лектор»¹⁵.

А теоретик ораторского мастерства (и сам блестящий лектор) А. К. Шнейдер подчеркивал, что публичная речь лектора «должна идти от разговора, который представляет собой как бы чистую импровизацию... Речь есть не продукт, а процесс творчества»¹⁶.

Последнее замечание характеризует уже не столько мастерство оратора, сколько специфику устной речи как таковой. Поскольку она существует всегда как процесс, причем процесс необратимый, то и сложная иерархия логико-смысловых связей, типичная, например, для многих письменных научных текстов, в устном сообщении предстает развернутой во времени и превращенной в однона-

¹³ Лаптева О. А. О грамматике устного высказывания. — ВЯ, 1980, № 2, с. 48.

¹⁴ Цит. по кн.: Этюды о лекторах. М., 1974, с. 110.

¹⁵ Там же, с. 139.

¹⁶ Цит. по: Энштейн С. Энтузиаст живого слова. — Наука и жизнь, 1980, № 7, с. 40.

правленную последовательность смысловых элементов. При этом сам порядок следования несет значительную смысловую нагрузку. Если в письменном тексте доминируют связи между отдельными элементами, а характер этих связей достаточно четко выражен, то в устном каждый из них воспринимается прежде всего на фоне всего предыдущего смыслового ряда. Поэтому новый смысловой элемент всегда ощущается в известной мере как результат всего предшествующего ряда, так что «результативность» суждения присуща устному изложению имплицитно, зато конкретный характер причинно-следственных связей часто остается неуточненным:

Нейтрон — легкая частица — без взаимодействия — она несется себе и все. Ее нельзя туда упихнуть, как белку в колесо (УНС).

Перед нами по существу выводное суждение, выраженное, однако, нанизыванием речевых сегментов, так что характер промежуточных логических операций остается невыясненным.

Пренебрегая эксплицитными формальными способами связи, устная речь полнее использует реляционные отношения лексико-семантического плана высказывания. Соположение речевых сегментов и слов в их исходных формах дает возможность такого соотнесения лексических значений, которое вызывает у слушателей нужные ассоциации, а отсутствие формальных ограничителей позволяет реализовать одновременно разные стороны и оттенки значений. Залогом адекватного восприятия является — в научном сообщении — общность специальных фоновых знаний говорящего и слушающего, понятийный характер языка науки.

Однако формально-логическое содержание реляционных отношений в устной речи остается неоднозначным и не поддается трансформациям типа: микротекст — сложное предложение, тогда как в письменной речи «экспериментальные преобразования в рамках микротекста или его отрезков с целью эксплицирования семантики межфазовых связей принципиально всегда возможны»¹⁷.

Для разговорно-бытовой устной речи «модельным» стал в этом отношении пример, приведенный Б. М. Гаспаровым:

¹⁷ Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981, с. 69.

Пирожки свежие — только что купила — на углу магазин — свежие такие (Г, 79)

Гаспаров показывает, как любая попытка превратить это высказывание в «правильное» обедняет его содержание¹⁸. Подобные «пирожки» не столь уж редки (вопреки утверждению Е. А. Земской и Е. Н. Ширяева¹⁹) и в научном выступлении, если только оно является спонтанным или, во всяком случае, не зачитывается по готовому тексту:

Разрешение у нас лучшее сейчас, пожалуй. Ну, установки такие, близкие вернее, в Гренобле — мы можем с ними конкурировать (УНС).

Исследуются кислоты — какая собственно кислота? — протон на отшибе (УНС).

Первый пример можно истолковать двояко: 1) Поскольку у нас сейчас лучшее разрешение, мы можем конкурировать с аналогичными установками в Гренобле. Или: 2) Раз мы можем конкурировать с аналогичными установками в Гренобле, значит у нас сейчас лучшее разрешение. Оба эти варианта совмещены в устном высказывании. Еще труднее однозначно истолковать характер логических взаимосвязей во втором примере, который тем не менее не вызывает никаких недоумений у специалистов соответствующей области физики.

Такая емкость и многомерность связей восполняет отсутствие в устном научном сообщении характерных для письменного текста «разветвленных» логико-синтаксических конструкций и отчасти компенсирует «ассимметрию» между планом содержания и планом выражения²⁰, которая часто возникает в устных коммуникатах как результат сугубо линейной реализации речи.

Другим способом преодоления этого несоответствия служат разного рода повторы, без которых не обходится, как правило, устное научное выступление. Однако если в письменной речи они могут создать впечатление сбивчивости, то в устной, напротив, — обеспечивают ясность изложения, столь необходимую для языка науки. В одной из античных риторик по этому поводу говорится: «Для ясности довольно часто требуется повторить одно и

¹⁸ Гаспаров Б. М. Указ. соч., с. 79.

¹⁹ Земская Е. А., Ширяев Е. Н. Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? — ВЯ, 1980, № 2, с. 65.

²⁰ Терминология К. Кожевниковой. См.: Кожевникова К. Спонтанная речь в эпической прозе. Прага, 1970, с. 32.

то же, ибо кратость скорее делает речь приятной, чем ясной»²¹.

Функции повторов в устном сообщении весьма многообразны. Можно выделить повторы-подхваты, повторы-усиления, повторы-уточнения:

Нейтроны входят в камеру — цилиндрическая камера — входят в камеру, блуждают там и рано или поздно выходят из нее через канал (УНС).

Ведь вы учтите, что все импульсы должны быть большие, все импульсы. Таких процессов, где все импульсы большие, — раз-два и обчелся (УНС).

Это, можно сказать, впервые ставится такая задача, в релятивистском подходе впервые (УНС).

Нередко повторяемый речевой сегмент попадает в новое словесное окружение и обретает новые связи, так что за счет новой порции информации происходит и «наращивание» нового смысла, и уточнение старого:

Через 5 лет такой блок практически устарел, устарел и его приходится выкидывать. 5 лет — это большой срок, и через 5 лет вы блок должны выкидывать. Просто даже обязаны. Хранить старую технику вредно, потому что она будет на вас давить. Надо выкидывать, иначе груз прошлого будет на вас давить (УНС).

Переход от частного к общему в этом фрагменте осуществляется так, что каждый следующий смысловой элемент и обосновывает исходное положение, и подготавливает заключительное. Повторы при этом «передаются по цепочке», обогащаясь новыми оттенками смысла. Одновременно происходит и обоснование, разъяснение мысли, и ее развитие — рождение нового смысла из старого.

Весьма характерно для устного научного выступления и использование вопросно-ответных связей:

Вообще этот распад очень интересный. Почему он интересный? Интересный он прежде всего тем, что нижнюю границу его можно предсказать. Можно предсказать нижнюю границу, связанную с мнимой частью. Вот реальная часть, а вот мнимая. Какова здесь мнимая часть? (УНС).

Вопрос здесь выступает как связующий элемент, так как он осуществляет «передачу информации об идентичной теме из одного сегмента текста в другой»²². Но эта

²¹ Деметрий. О стиле. — В кн.: Античные риторики. М., 1978, с. 269.

²² Так, Брчакова определяет сущность связности текста, см.: Брчакова Д. О связности в устных коммуникатах. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 260.

связь носит, если можно так выразиться, проблемный характер. Говорящий как бы «подталкивает» собственную мысль, задает ей задачу, от решения которой уже нельзя уклониться:

Как это можно обеспечить? — Охлаждением до -269°C . При такой температуре проводник теряет сопротивление. Совсем (УНС).

Важно тут что? — Что по одной теме подбирается много текстов. 12—18 текстов. По одной теме (УНС).

Поскольку вопрос в устном научном монологе может — как и вопрос в дискуссии — содержать скрытое возражение или сомнение, то он может объединять высказывания, связь между которыми отнюдь не очевидна, и придавать таким образом изложению неожиданный оборот:

Изучать структуру генома, даже в самом общем плане, дело хлопотливое, дорогостоящее. Поэтому важен выбор объекта. Так почему же все-таки тетрахимена? Да еще переформис? — Здесь есть несколько аргументов разного свойства (УНС).

Лурия определяет диалог как «психологический процесс, который разделен между двумя людьми... Функцию формирования мысли берет на себя собеседник, задающий мне вопрос, и для меня не остается ничего другого, как ответить на этот вопрос. Поэтому диалогическая речь есть не активная, а реактивная речь»²³. Диалогическое единство, введенное в монолог, обеспечивает лексическую связность именно благодаря тому, что ответная реплика является неизбежной реакцией на предыдущую: говорящему «не остается ничего другого как ответить».

Однако стимулом для ответа может стать в научном монологе не только вопрос. Всякое положение, провоцирующее говорящего на возражение, опровержение, сомнение, может превратиться в потоке речи в реплику, за которой следует ответная:

Вильямс и другие показали, что в макронуклеусе как будто бы есть молекулы ДНК длиной с хромосому. — Хорошо. Пусть там будут хромосомы. Пусть сильно вытянутые, но молекулы ДНК длиной с хромосому. Однако... (УНС).

Тенденция к противопоставлению стимула и реакции

²³ Лурия А. Р. Курс общей психологии. Лекции 41—46. М., 1965, с. 34.

проявляется и на уровне сегментации речевого потока, и даже в сфере актуального членения. В разговорной речи, как отмечает О. А. Лаптева, чаще всего «информативные центры высказывания доносятся до слушателя раздельно»²⁴. Устная монологическая научная речь тоже охотно пользуется такой типично разговорной моделью, как «именительный темы», благодаря которому получают самостоятельное синтаксическое оформление и четко противостоят друг другу тема и рема высказывания:

И вот эта загадка, она разрешена, разрешена просто, без дополнительных гипотез, так сказать (УНС).

Зависимость эта, она удобна, если есть точки, которые мы приводили в нашей работе (УНС).

Стихи, Волоховой посвященные, они вошли во второй том поэзии Блока (УНС).

Как раз это именно развитие новых свойств, появляющихся в пределах атомного ядра, оно и привело таких ученых, как Лаптевен, например, к убеждению, что нет иного пути правильного понимания науки, направления ее развития, как путь диалектического развития (УНС).

Б. Ю. Норман видит в «именительном темы» «скорее стимул, ключ к порождению высказывания, чем часть высказывания как такового», «фрагмент внутренней речи, пробившийся наружу»²⁵.

Таким образом, реактивный характер связей в устной речи как бы обнажает работу мысли: высказывание рождается как непосредственная реакция на предшествующую порцию информации. При этом многообразные и неоднозначные смысловые отношения «не успевают» оформиться в «жесткую конструкцию»: к ним тут же добавляются новые, логическое построение не получает окончательной завершенности, а демонстрируется в процессе его создания. В центре внимания говорящего — не структура, а динамика логических связей.

Такой характер логической связности в устном научном сообщении имеет как познавательную, так и коммуникативную функцию. Ведь если говорение психологи определяют как процесс формирования и формулирования своей мысли, то слушание является, по очень верному

²⁴ Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976, с. 119.

²⁵ Норман Б. Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1978, с. 112—113.

замечанию Нормана, «процессом формирования и формулирования чужой мысли»²⁶. Благодаря этому и становится возможным «интеллектуальное сопереживание», которое в научной аудитории является главным средством создания контакта между оратором и слушателями: «Лектор, излагая свою точку зрения, как бы публично мыслит, и аудитория, активно следя за развитием его мысли, совершает ту же мыслительную работу»²⁷.

Поскольку в устном сообщении знание воплощается заново независимо от того, добыто ли оно накануне или много веков назад, то говорящий всегда предстает перед реципиентом в роли творца, а слушатель, который присутствует при создании речевого произведения, чувствует себя сопричастным к его созданию, т. е. к процессу интеллектуального творчества.

Этим определяется ведущая роль устной формы речи в процессе приобщения к научному творчеству — как во время учебы, так и в период самостоятельной работы. «Все же я думаю, что самое лучшее решение проблемы образования — это понять, что самым превосходным обучением является прямая личная связь между учеником и хорошим учителем»²⁸, — говорит известный американский физик Р. Фейнман, автор «Фейнмановских лекций по физике», записанных первоначально на магнитофонную ленту, а потом уже «переведенных» в письменную форму.

С другой стороны. «хороший ученый, когда преподает, всегда учится сам. Во-первых, он проверяет свои знания. . . Во-вторых, когда ищешь форму ясного описания того или иного вопроса, часто приходят новые идеи»²⁹, — пишет академик П. Л. Капица. Поэтому в науке иногда очень трудно провести грань между обучающим и обучаемым, между лекцией и докладом — например, в работе столь популярных в наши дни школ молодых специалистов — между обучением и творчеством.

В то же время особая динамичность устного научного слова, передающего идеи в процессе их становления, делает его как нельзя более пригодным для сообщений

²⁶ Там же, с. 62.

²⁷ Зимняя И. А. Психология и учет ее требований в устной пропаганде. М., 1980, с. 6.

²⁸ Фейнман Р. Предисловие. — В кн.: Фейнман Р., Лейтон Р., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. М., 1977, с. 15.

²⁹ Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1981, с. 261.

с «переднего края» научных исследований, так как устное выступление не требует еще окончательной завершенности и логической цельности, но зато активно «заражает» слушателей новыми идеями, планами, гипотезами.

Однако окончательную доработку, шлифовку, отделку эти идеи получают обычно лишь в результате работы над письменным текстом: «Письменная речь создает новые возможности для воссоздания предмета в его целостности. Без письменности развитие науки, очевидно, невозможно»³⁰.

Итак, устная речь выполняет в науке совершенно особые — познавательные и коммуникативные — задачи, которые соответствуют особым свойствам ее смыслообразующего механизма, прежде всего — особому характеру логической связности устного сообщения.

СОКРАЩЕНИЯ

- Г — *Гаспаров Б. М.* Устная речь как семиотический объект. — В кн.: Семантика номинации и семиотика устной речи. Тарту, 1978.
- Е — *Ефремов А. В., Радюшкин А. В.* Протоны, жесткие процессы и квантовая хромодинамика. Дубна, 1979.
- УНС — Устное научное сообщение. — Цит. по записям автора данной статьи.

СОВМЕЩЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ НАУЧНОЙ И ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ В СИНТАКСИСЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ДОКУМЕНТА

Н. Н. Ивакина

В последние годы в советской лингвистике появляется значительное количество работ по исследованию функциональной стороны языка, по обнаружению специфических средств выражения в различных сферах речевой деятельности на разных языковых уровнях. В эпоху научно-технической революции внимание лингвистов при-

³⁰ *Лекторский В. А.* Указ. соч., с. 249.

влечено к изучению функционирования языка в сфере науки.

Определенный интерес для лингвистики в теоретическом и практическом плане может представлять исследование языка юриспруденции, обслуживающего потребности людей в сфере правового регулирования их отношений. Интерес к языку права может быть вызван несколькими факторами; одним из них, как нам представляется, является стилевая многоплановость юридического языка. Так, «судебная речь различных участников судебного разбирательства, — отмечает Д. Н. Шмелев, — вряд ли способна представить какое-либо стилистическое единство»¹.

Язык юриспруденции — это прежде всего язык закона, нормативных и процессуальных актов предварительного расследования и судебного производства; это язык допроса во время предварительного и судебного расследования дела, устных выступлений прокурора и адвоката в судебном заседании, публичных лекций на правовые темы; кроме того, это язык науки, так как юриспруденция — это совокупность наук о праве (например: история и теория государства и права, уголовное право, гражданское право, международное право и др.).

В сфере правовых отношений основная функция языка — выражение воли господствующего класса (в советском праве — это выражение волевых предписаний Советского государства, передача этих предписаний советским гражданам и учреждениям), обслуживание государственных отношений, официально-деловых отношений между людьми. Следовательно, язык права представляет собой разновидность официально-делового стиля.

С другой стороны, устная публичная юридическая речь монологического характера может быть соотнесена с публицистическим стилем, так как обвинительная и защитительная речь в судебном процессе, публичная лекция на правовую тему направлены на убеждение, отличаются нравственно-правовым характером, служат важным средством идеологического воздействия на слушателей, способствуют формированию у них общественно-политического сознания.

¹ Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977, с. 72.

Одной из существенных задач лингвистической стилистики В. В. Виноградов определил изучение жанрового своеобразия стиля². Судебная речь как жанр ораторского искусства и ее языковые особенности привлекают внимание многих исследователей³, менее изучен язык нормативных правовых актов, язык закона, уголовного и гражданского. О языке советского Уголовного закона юристами написан ряд статей, в которых ставится вопрос о точности словоупотребления, выражается мнение о специфичности юридического языка⁴, о выделении «законодательной стилистики»⁵. Однако, в чем специфичность языка права, этот вопрос в лингвистике пока не изучен.

Наше обращение к языку закона, Уголовного кодекса РСФСР (М., 1978), представляет собой попытку 1) выявления синтаксических средств, обусловленных функцией и стилеобразующей чертой закона как одного из жанров официально-делового стиля; 2) сопоставления средств выражения официально-делового и научного стилей, так как и тот и другой воплощают особенности книжно-письменной речи.

При различных целевых установках научной и законодательной речи качественные характеристики их во многом совпадают. Одной из главных особенностей научной речи является точность. Для языка закона характерна предельная точность. Язык закона, как отмечал Л. В. Щерба, не допускает «каких-либо кривотолков»⁶.

В дореволюционной России язык закона, с использованием в нем архаичных слов, крайне сложным синтаксисом, был трудным, малопонятным, отличался консервативностью, с его помощью маскировалась антинародная сущность буржуазного правосудия. После победы Октябрьской революции началось формирование новой, социалистической законности, начал создаваться и язык законодательства, обусловленный его новыми социальными функциями. В советском праве закреплены требования,

² Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 17.

³ См., например: Михайлов М. М. Стилистика русской речи. Чебоксары, 1968; Михайловская Н. Г., Одинцов В. В. Искусство судебного оратора. М.: Наука, 1981.

⁴ Шатков Н. Г. О языке закона. Вопросы кодификации советского права. ЛГУ, 1960, вып. 3, с. 118—119.

⁵ Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.

⁶ Щерба Л. В. Избр. работы по русскому языку. М., 1957, с. 119.

предъявляемые к языку законов, — это точность, ясность, доступность. В постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 29 июля 1929 года было сказано: «... особенно обратить внимание на то, чтобы законы излагались понятным для широких трудящихся масс языком»⁷. С этой целью все архаичные слова, характерные для языка старого закона, были исключены (кроме слова *деяние*, которое наиболее точно называет любое преступное действие или бездействие), был упрощен и синтаксический строй, в результате чего язык уголовного закона стал точным, конкретным, понятным.

Лингвистические признаки научного и официально-делового стилей во многом одинаковы. Это использование терминологии, избытие сложных предложений, преобладание сложноподчиненных предложений и редкое употребление сложносочиненных; ограниченное использование предложений простого состава и бессоюзных сложных предложений; широкое употребление причастных оборотов, предложений с несколькими обособленными членами; использование полных предложений с прямым порядком слов; преобладание имени над глаголом, последовательное нанизывание генитивов; большое количество сказуемых именного типа в результате обилия глаголов с ослабленной семантикой; пассивная форма выражения.

Большая близость официально-делового и научного стилей обусловлена их родственным происхождением, тем, что они «в период своего становления в качестве самостоятельных стилей наряду с процессами дивергенции всегда показывали и много пунктов конвергенции, сближения, в результате чего образовался сложный конгломерат исходных общностей и позднейших схождения и взаимопропикновений»⁸.

Так, точность, обобщенность научной речи достигается прежде всего использованием терминологии; в этом отношении язык закона близок языку науки, так как мысль законодателя выражается с помощью понятий, в результате чего явление раскрывается не как частное,

⁷ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета СССР и постановлений правительства РСФСР, 1928—1929, т. 2. М.: Гос. изд. юрид. лит-ры, 1949, с. 286.

⁸ Лаптева О. А. Внутрстилевая эволюция современной русской научной прозы. — В кн.: Развитие функциональных стилей русского языка. М.: Наука, 1968, с. 127.

а как обобщенное. Не останавливаясь подробно на анализе лексических средств, скажем, что вся терминология определяется содержанием Уголовного кодекса РСФСР как закона, предусматривающего ответственность за различные виды преступлений. Терминология Уголовного закона более конкретна, чем научная, и довольно своеобразна. Своеобразие ее мы усматриваем в том, что, во-первых, термины называют преступные действия или бездействия, следовательно, в качестве терминов используются: а) отглагольные существительные, например: *отобрание* (ст. 267), *неоказание*, *хищение*, *недонесение* и др.; б) сочетания отглагольных, гораздо реже отвлеченных существительных с падежными формами, характеризующими признак преступления, например: *превышение пределов необходимой обороны*; в) сочетания отлагательных, крайне редко отвлеченных существительных с прилагательными и причастиями, уточняющими признак правонарушения, например: *менее тяжкие телесные повреждения*, *смягчающие вину обстоятельства*; во-вторых, наблюдается употребление в роли терминов стилистически маркированных и устаревших слов, которые наиболее точно называют правонарушения в определенных статьях Кодекса, например: *приискание* (ст. 15), *промотание* (ст. 250), *родичи* (ст. 232).

Наиболее важно рассмотреть синтаксические явления Уголовного закона, так как именно синтаксический строй, непосредственно связанный с оформлением, выражением мысли, в значительной степени определяет его стилевые особенности и именно на уровне синтаксиса черты сходства официально-делового и научного стилей проявляются наиболее ярко.

Требование точности номинации ведет к преобладанию имени над глаголом, к последовательному нанизыванию генетивов. Это явление официально-деловой и научной речи в большинстве случаев связано с тем, что термины нередко выражаются словосочетаниями, и, соединенные подчинительной связью, они образуют цепочку генетивов, например: *Познание закономерностей функционирования языка* (Кожина, с. 19); *о некоторых особенностях употребления аналитических форм сослагательного наклонения* (Зверева, с. 269); *нарушение правил охраны линий связи* (УК РСФСР, ст. 205).

Кроме того, требование точности обусловило появление такой синтаксической особенности, как информатив-

ная насыщенность предложения. Необходимость проявления причинно-следственных связей, логического подчинения одних фактов другим в том и другом стиле, необходимость конкретно представить все обстоятельства дела в их взаимосвязанности (в законодательной речи) и выразить сложную систему научных понятий, установить взаимоотношения между ними (в научной речи) порождает использование сложных и осложненных предложений, в которых вмещается максимум информации. Сложные предложения являются самой значительной синтаксической чертой научного стиля. Для языка закона также характерно преобладание сложных и осложненных предложений над предложениями простого состава. Мы произвели следующие подсчеты: в Уголовном кодексе РСФСР представлено 635 предикативных конструкций, из них 195 — сложные (2 из которых сложносочиненные, 193 — сложноподчиненные), 358 — осложненные и 82 — простые. Отмечены сложные предложения, включающие в свой состав 3 придаточных предложения, например: *Занятие промыслом, относительно которого имеется специальное запрещение, если это деяние не влечет административной ответственности или если оно совершено после наложения административного взыскания за такое же деяние*, — наказывается исправительными работами на срок до 1 года или штрафом до двухсот рублей (ст. 162). Из придаточных в преобладающем большинстве используются определительные и условные, что обуславливается назначением Кодекса предусмотреть преступления со всеми их характерными признаками и последствиями. Нами отмечено в Общей части Уголовного кодекса РСФСР всего 3 придаточных изъяснительных и 3 придаточных уступительных; в Особенной части, предусматривающей виды преступлений и наказания, их не обнаружено.

Следует отметить различное функционирование придаточных условных в законодательном и научном синтаксисе. В научной речи они используются преимущественно для сопоставления частей предложения, например: Если же антитеза не имеет четкого параллельного построения, основанного на лексическом и синтаксическом повторе, то в сферу противопоставления втягивается одно контрастное сопоставление (Разинкина, с. 100). Если С. А. Андреевский стремится вызвать у аудитории сочувствие, то Ф. Н. Плевако хочет заставить понять ду-

шевное состояние, пережитое его подзащитным (Михайловская, с. 169); ... если художественная речь отличается широтой использования синонимии и ей свойственно обогащение ее за счет индивидуального употребления, то, например, научный и официально-деловой стили по самой своей коммуникативной природе ... ограничены в возможностях обращения к разнообразным синонимическим средствам языка (Кожина², с. 31). В языке закона придаточные условные, входящие в состав темы и определяющие ее, семантически сближаются с конструкциями присубстантивно-определяющего типа, например: Неосторожное повреждение морского телеграфного кабеля, если оно вызвало или могло вызвать перерыв телеграфного сообщения, — наказывается исправительными работами на срок до трех месяцев или штрафом до ста рублей (ст. 205 УК РСФСР). Ср.: Неосторожное повреждение морского телеграфного кабеля, которое вызвало или могло вызвать перерыв телеграфного сообщения. . .

Осложненные предложения в Уголовном законе нередко содержат несколько обособленных конструкций (чаще его причастные обороты), в состав которых входят однородные члены предложения, например: При назначении наказания совершеннолетнему трудоспособному лицу, *впервые осуждаемому к лишению свободы за умышленное преступление на срок до трех лет, а за преступление, совершенное по неосторожности, — на срок до пяти лет, суд, учитывая характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного и иные обстоятельства дела, а также возможность его исправления и перевоспитания без изоляции от общества, но в условиях осуществления за ним надзора,* может постановить об условном осуждении этого лица к лишению свободы, с обязательным привлечением его на срок назначенного наказания к труду в местах, *определяемых органами, ведающими исполнением приговора.* с указанием в приговоре мотивов такого решения (ст. 42)⁹.

Выражению предельной точности, логичности в статьях Кодекса способствует порядок слов в предло-

⁹ Более подробно рассматривать осложненное предложение мы будем в связи со словорасположением в статьях Уголовного кодекса.

женин. Рассмотрим некоторые явления, связанные со словорасположением, на примере статей Особенной части Уголовного кодекса. В официально-деловом стиле, как и в книжно-письменной речи вообще, не наблюдается яркого проявления актуального членения предложения. Этим определяется прямой порядок слов, от данного (темы) — к новому (реме). Напомним, что цель каждой статьи Особенной части Кодекса — предусмотреть вид преступления со всеми его дифференцированными признаками и последствиями и определить меру наказания за его совершение. Наименование преступления, мотивов и способов его совершения является данным, темой высказывания; определение меры наказания — ремой. Темой в статьях Уголовного кодекса всегда является подлежащее со всеми распространяющими его членами (нередко — с придаточными определительными и условными). Тема дается названием статьи Кодекса, и начало статьи повторяет ее. Ремой служит обстоятельство, расположенное после сказуемого, выраженного глаголом страдательного залога, например:

Ст а т ь я 89. Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи.

Тайное похищение государственного или общественного имущества (кража)

— наказывается лишением свободы на срок до трех лет или исправительными работами на срок до одного года.

Такого рода словорасположение по «классической» схеме П+С+обст., как отмечает О. А. Лаптева, присуще в научном стиле предложениям «констатирующего» характера, «где глагол-сказуемое обычно не несет нового сообщения, а ремой в высказывании служит, как правило, обстоятельственный член, занимающий конечное положение»¹⁰. Однако в статьях Кодекса в составе темы широко используется обратный порядок слов, при котором распространенное согласованное определение находится в постпозиции по отношению к определяемому слову, например: Тяжкое или менее тяжкое телесное поврежде-

¹⁰ Лаптева О. А. О некоторых синтаксических тенденциях в стиле современной научной прозы (по материалам редакторской правки). — В кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. М.: Наука, 1966, с. 214.

ние, причиненное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 111); Коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла или в целях обогащения (ст. 153).

Расположение слов в подобных случаях обусловлено коммуникативным заданием, необходимостью создать добавочный смысловой оттенок, т. е. постпозитивное согласованное определение, обладающее свойством полупредикативности, приобретает особую информативную значимость, называет признаки, постоянно присущие субъекту мысли (Незаконный обыск, незаконное выселение или иные незаконные действия, нарушающие неприкосновенность жилища граждан. — ст. 136) или характеризующие его в момент проявления (Грабеж, соединенный с насилем, — ст. 90)¹¹. Там, где нет необходимости уточнения признаков преступления, в составе темы наблюдается прямой порядок слов, при котором распространенное согласованное определение находится в препозиции: нарушение отдельными гражданами ... правил сдачи государству добытого ими из недр земли золота или других драгоценных металлов... (ст. 167); Заранее не обещанное укрывательство преступлений... (ст. 189).

Нередко несколько согласованных постпозитивных определений в статьях Кодекса соединены между собой подчинительной связью, образуют как бы цепочку частных оборотов, так как одна из языковых единиц первого постпозитивного определения, называющая субъект преступления или признак деяния, требует уточнения, и последующее определение выполняет эту уточняющую функцию: Те же действия, совершенные повторно или лицом, ранее совершившим одно из преступлений, предусмотренных частями первой и второй статьи 224, статьями 224¹, 224², 226¹ настоящего Кодекса... (ст. 225); Умышленное убийство, совершенное в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилем или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего (ст. 104).

¹¹ В языке науки, как отмечает О. А. Лаптева, распространенное определение стремится к постпозиции и способствует актуализации той части предложения, которая содержит сообщение о свойствах предмета изложения (Лаптева О. А. Внутрисистемная эволюция..., с. 181).

В качестве второго компонента, выполняющего уточняющую функцию по отношению к первому постпозитивному определению, могут выступать придаточные определительные с союзным словом *который*, выражающие, как правило, качественные отношения: *То же деяние, совершенное повторно или по предварительному сговору группой лиц, либо совершенное лицом, которому огнестрельное оружие, боевые припасы или взрывчатые вещества выданы для служебного пользования или вверены под охрану* (ст. 218); *нарушение уставных правил караульной (вахтенной) или конвойной службы, сопровождавшееся наступлением вредных последствий, для предупреждения которых установлен данный караул или конвой* (п. Д. ст. 255).

Довольно часто статьи Уголовного кодекса называют не один субъект мысли, а несколько, и каждый из них имеет свои характерные признаки, требующие уточнения. В этом случае синтаксическая конструкция, представляющая тему, может быть осложнена несколькими причастными оборотами или придаточными частями, относящимися к разным субстантивам, например: *Ношение в районе военных действий знаков Красного Креста или Красного Полумесяца лицами, не имеющими на то права, а равно злоупотребление в военное время флагами или знаками Красного Креста и Красного Полумесяца или окраской, присвоенной транспортным средствам санитарной эвакуации...* (ст. 269); *Дурное обращение с военнопленными, имевшее место неоднократно, или сопряженное с особой жестокостью, или направленное против больных и раненых, а равно небрежное исполнение обязанностей в отношении больных и раненых лицами, на которых возложены лечение их или попечение о них, при отсутствии признаков более тяжкого преступления...* (ст. 268).

Широко представлены в языке закона конструкции, составляющие тему высказывания, в которых постпозитивные причастные обороты отделены от определяемого слова зависящей от него предложно-падежной группой, например: *Нападение с целью завладения государственным или общественным имуществом, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья лица, подвергнутого нападению, или с угрозой применения такого насилия (разбой) ...* (ч. 1, ст. 91); *Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем*

кражи (ст. 89). Эти предложно-падежные группы, образовавшиеся в результате процесса переразложения¹² (в них отсутствует компонент, управляющий предложно-падежной группой), обусловленные в официально-деловом стиле стремлением к точности, конкретности, называют соответствующее явление более дифференцированно, с его индивидуальными признаками, характеризующими мотивы и способы совершения преступления, и примыкают к имени существительному. (Подобное расположение компонентов наблюдается и в письменной научной речи: ... каждый из названных стилей располагает своими средствами *выражения оценки*, соответствующими в данном случае требованиям эксплицитности (Шмелев); Типизированный характер *синтаксиса научной прозы*, проявляющийся с разной степенью отчетливости в большинстве жанровых разновидностей научной прозы, дает возможность представить... (Разинкина, с. 89—90), но, как нам представляется, оно обусловлено использованием рядом двух терминов).

Требование объективности, сближающее научный и официально-деловой стили, ведет к преобладанию пассивной формы выражения над активной. По нашим наблюдениям, конструкции с пассивной формой выражения составляют в Уголовном кодексе более 75%. Предложения с активной формой выражения отмечены в Общей части Кодекса, в Особенной части они не употребляются.

Как особенность синтаксиса статей Кодекса отмечаем неполную реализованность валентности слов-терминов. Чаще всего не реализуются подчинительные связи субъектного характера, устанавливающие отношение действие — производитель действия: *Уклонение* от призыва по мобилизации в ряды Вооруженных Сил СССР... (ст. 81); *Неоказание* лицу, находящемуся в опасном для жизни состоянии, необходимой и явно не терпящей отлагательства *помощи* ... *несообщение* надлежачим учреждениям или лицам о необходимости оказания *помощи*... (ст. 127); *Нарушение* правил безопасности горных работ, если оно причинило вред (ст. 214). В данных примерах наблюдаем проявление слабого управления, когда нет необходимости выражать все подчинительные связи (явление слабого управления отмечено и в науч-

¹² Шведова Н. Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М.: Просвещение, 1966, с. 25.

ных текстах, например: *Изучение* синтаксиса текста предполагает прежде всего выявление и функциональную характеристику компонентов, обеспечивающих связность текста (Леоненко, с. 197); *Рассмотрение* такого частного явления, как употребление указательных местоимений в качестве замены существительного в различных функциональных стилях немецкого языка ... дает возможность сделать некоторые выводы (Троянская, с. 108). Термины, определяющие виды преступления (а в научной речи — название действий исследователей), информативно достаточны; подчинительная связь, выражающая субъективные отношения, является здесь не обязательной, а возможной, поэтому не реализуется. Однако в тех случаях, когда необходимо указать субъект преступления, подчинительная связь в родительном и творительном падежах субъектного характера находит свое выражение. Ср.: *Злостное уклонение родителей* от уплаты по решению суда средств на содержание несовершеннолетних детей ... (ст. 122); *Неоказание помощи капитаном судна* людям, гибнущим на море или на ином водном пути... (ст. 129); *Нарушение отдельными гражданами* правил разработки недр. ... (ст. 167). В этих примерах управляющее имя семантически связано с глаголом, содержит в себе элемент процессуального действия, поэтому подчинительная связь субъектного характера становится необходимой.

В уголовном законе нашли отражение и общезыковые синтаксические изменения нашей эпохи, связанные с демократизацией литературного языка (О. А. Лаптева, Н. М. Разинкина отмечают широкое привлечение в научное повествование языковых средств разговорной речи¹³. Проникновение конструкций разговорной речи в книжно-письменные стили Г. А. Золотова объясняет усилением «роли разговорно-деловой сферы в общественно-речевой практике»¹⁴). В языке Кодекса наблюдаются изменения глагольного и именного управления, случаи специфиче-

¹³ Лаптева О. А. О некоторых синтаксических тенденциях... с. 223; Разинкина Н. М. Некоторые общие проблемы изучения функционально-речевого стиля. — В кн.: Особенности стиля научного изложения. М.: Наука, 1976, с. 99.

¹⁴ Золотова Г. А. К развитию предложно-падежных конструкций. — В кн.: Развитие синтаксиса современного русского языка. М., 1966, с. 4.

ской сочетаемости слов, так называемых контаминаций, в которых объединение компонентов происходит под влиянием факторов аналогических воздействий, обусловленных смысловым сближением слов и уподоблением их синтаксических свойств¹⁵.

Глагол *осудить*, имеющий значения: 1. выразить неодобрение кому-, чему-нибудь, признать дурным; 2. приговорить к какому-либо наказанию; 3. обречь на что-нибудь¹⁶, в третьем значении управляет винительным падежом с предлогом *на*, что является нормой литературного языка. Однако во втором значении он близок к глаголу *приговорить*. В результате семантической близости глагол *осудить* приобретает свойство сочетаемости, характерное для глагола *приговорить*, и в языке уголовного закона управляет дательным падежом с предлогом *к* (*осудить к ...*); причастие *осужденный*, существительное *осуждение* также управляют дательным падежом с предлогом *к*: *при осуждении к лишению свободы*; *осужденные к общественному порицанию*; *осужденные к лишению свободы*.

Существительное *приговор* под влиянием синтаксической аналогии с глаголом *приговорить* в языке Уголовного кодекса управляет дательным падежом с предлогом *к*: исполнение *приговора к лишению свободы*. Также под воздействием синтаксической аналогии с существительным *постановление*, управляющим предложным падежом, глагол *постановить* в языке юриспруденции управляет предложным падежом: *постановить об условном неприменении наказания*.

В результате изменений в смысловой структуре глаголов *загладить*, *устранить* образовались словосочетания *загладить ущерб*, *устранить ущерб*.

Новые словосочетания характеризуются отступлением от литературной нормы, стилистической маркированностью и закреплены только в речевой сфере юриспруденции. Однако, введенные в язык закона, они являются нормой во всех правовых процессуальных актах, в устной публичной речи юристов. Е. Ф. Петрищева отмечает, что «вырабатываются коллективные привычки употреблять или не употреблять окрашенные элементы в тех или

¹⁵ Шведова Н. Ю. Указ. соч., с. 54.

¹⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1953.

иных условиях. Эти привычки ... можно определить как речевую стилистическую норму»¹⁷.

Рассмотренные в данной статье явления позволяют сделать некоторые выводы: в законодательном синтаксисе нашли отражение основные черты официально-делового и научного стилей, обусловленные некоторыми общими экстралингвистическими признаками, что является конкретным подтверждением взаимодействия, взаимопроникновения функциональных стилей книжно-письменного типа речи; все черты синтаксиса уголовного закона функционально мотивированы назначением документа, требованием предельной точности и способствуют ее проявлению. В заключение можно сказать, что язык советских законов не был до сих пор предметом специальных лингвистических наблюдений и дальнейшие исследования в этой области дадут немало интересных сведений о функциональной природе языка.

СОКРАЩЕНИЯ

- Зверева — *Зверева Е. А.* О некоторых особенностях употребления аналитических форм сослагательного наклонения в английской научной прозе. — В кн.: Язык и стиль научной литературы. М.: Наука, 1977.
- Кожина — *Кожина М. Н.* О стилистическом изучении речи и речевом функциональном стиле. — Учен. зап., Пермь, 1966, № 160.
- Кожина₂ — *Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977.
- Леоненко — *Леоненко М. А.* Сопоставительные предлоги и их роль в синтаксисе текста. — В кн.: Синтаксис текста. М.: Наука, 1979.
- Михайловская — *Михайловская Н. Г., Одинцов В. В.* Искусство судебного оратора. М.: Юридическая литература, 1981.
- Разинкина — *Разинкина Н. М.* Об экспрессивности синтаксиса английской научной прозы XIX и XX вв. (стилистические приемы нарастания и антитезы). — В кн.: Язык и стиль научной литературы. М.: Наука, 1977.
- Троянская — *Троянская Е. С.* К вопросу о проявлении общего и индивидуального в стиле научной речи (указательное местоимение в качестве замены существительного). — В кн.: Язык и стиль научной литературы. М.: Наука, 1977.

¹⁷ *Петрищева Е. Ф.* Стиль и стилистические средства. — В кн.: Стилистические исследования. М.: Наука, с. 133.

УК РСФСР — Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. М.: изд-во «Юрид. лит-ра», 1978.

Шмелев — Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М.: Наука, 1977.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ УЗУАЛЬНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ПЛАН ТЕКСТОВ

Т. С. Глушак, В. В. Маргынюк

В последнее время заметно возрос интерес к функциям языковых элементов в тексте, к тексту вообще как объекту лингвистического исследования, причем и элементы и текст рассматриваются в различных аспектах: в грамматическом (особенно синтаксическом), стилистическом, функционально-семантическом, формально-композиционном и др. Но полностью отграничить один аспект от другого исследователям практически не удается, потому что текст базируется на взаимодействии и взаимопроникновении различных аспектов (уровней), а значит и различных элементов языка. Так, если исследование ведется в стилистическом аспекте, то внимание концентрируется не на каких-то абстрактных стилистических сущностях, изолированных, например, от синтаксиса; семантики и др., а чаще всего на комплексе характеристик языковых единиц, форм, структур, под углом зрения их использования в определенном тексте или текстах различной функционально-стилистической принадлежности и с учетом их парадигматического статуса в конкретной подсистеме языка (или в языке вообще).

Данная статья выполнена именно в таком русле и представляет собой попытку освещения функционально-семантических потенций одного из типов словосочетаний, занимающего в языковой парадигматике промежуточное положение между свободными синтаксическими и фразеологическими словосочетаниями и характеризуемого составом «деадъективное абстрактное существительное на -heit, -keit, -igkeit + глагол». Этот тип словосочетаний

прослеживается в текстах трех стилей¹ современного немецкого языка — научном (научно-техническая разновидность), газетно-публицистическом и литературно-художественном.

При рассмотрении роли тех или иных явлений в тексте исследователи нередко настаивают на необходимости разделения структуризации (создания) и восприятия (понимания) текста. Но если такое разделение оправдано в отношении текстов художественной литературы, образность которых модифицирует структуризацию и предполагает субъективность восприятия, разную его глубину, многообразие модально-оценочных отношений, то к научным текстам возможно, как представляется, подходить иначе. Здесь организация текста и его восприятие или совпадают или приближаются к этому, чем обеспечивается объективная надежность научной коммуникации. Ведь давно признанными свойствами научного текста являются однозначность его основной лексики, нормативность грамматики и др. В научном стиле сложились стабильные закономерности в построении текста, его семантической кодификации, которые и обеспечивают возможно точное, четко осмысливаемое восприятие передаваемой информации.

Однако изучение особенностей научного текста (стиля) не исключает постижения того, как передается та или иная информация, лингвистов интересует при этом проблема информативной емкости, т. е. семантических потенций элементов или явлений языка, участвующих в конституировании этого текста (стиля).

Среди прочих примет текстового оформления характерным признаком научного стиля нередко считают использование «свободно-устойчивых словосочетаний со скрытой предикативностью», объясняя это их способностью более адекватно «отражать структуру научного мышления»², чем обычные однословные обозначения. Получается, что, в частности, глагол в комплексе с абстрактным (часто терминологическим) существительным

¹ Анализировались следующие издания: *Zeitschrift für physikalische Chemie*, 1975, Bd 256, Hf. 1—4; газета «*Neues Deutschland*», 1977; художественные произведения современных авторов ГДР (условные сокращения даны в конце статьи).

² *Васильева А. Н.* Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976, с. 43.

девербативного или деадъективного происхождения «оказывается более пригодным для формулирования обобщений, дефиниций и других специфических форм высказывания, характерных для научной речи»³, чем обычный глагольный предикат. То, что такого рода словосочетания (в различной терминологии — глагольно-субстантивные устойчивые конструкции, поминализованные предикаты, апалитические глаголы, узуальные словосочетания и др.) являются одним из формально-синтаксических маркеров плана выражения научного текста, уже доказано рядом исследований⁴. Вопрос же об их семантическом вхождении в текст, т. е. об их роли в плане содержания текстов, заслуживает более тщательного изучения.

Анализ отобранного материала — картотеки узуальных словосочетаний с деадъективными именами на *-heit*, *-keit*, *-igkeit* из объема в 100 000 словоформ — позволяет прежде всего обобщенно констатировать, что эти словосочетания передают различные смыслы в содержательной канве научно-технического текста, причем их общая семантико-категориальная характеристика в основном ассоциируется со значением «процессуальность».

«Процессуальность» в широком смысле слова воспринимается как последовательность (непрерывность) определенных операций (движений), адекватных для данного процесса. Ее более конкретные семантические модификации отражены в тех или иных группировках словосочетаний. Так, выделяется смысловая подгруппа с лексической семой «*контроль за процессом*», например: *Die Gültigkeit des Lambert-Beerschen Gesetzes wurde... überprüft* (PhCh, 450); ... wurden... Konzentrationsreihen durchgeführt, um *Reproduzierbarkeit* der Elektrode zu überprüfen (PhCh, 240).

³ Гяч Н. В. К вопросу о развитии номинализации в научном стиле. — В кн.: Язык и стиль научной литературы. М., 1977, с. 201.

⁴ Daniels K. Substantivierungstendenzen in der deutschen Gegenwartssprache. Düsseldorf, 1963; Beneš E. Nominalisierungstendenzen in der deutschen wissenschaftlichen Fachsprache. — In: Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam, 1967, S. 147 ff.; Гяч Н. В. Указ. соч.; Коваль А. С. Глагольно-субстантивные устойчивые словосочетания с абстрактными именами действия на *-ung* в современном немецком языке. Автореф. канд. дис. Минск, 1978, и др.

Другая смысловая подгруппа определяется семей «исследование процесса», как об этом свидетельствуют следующие текстовые репрезентации: *Untersucht man die Geschwindigkeit chemischer Reaktionen...* (PhCh, 690); *In dieser Arbeit wird das Kihara-Potential... und seine Anwendbarkeit untersucht* (PhCh, 412).

В силу сложившихся в данном функциональном стиле синтагматических закономерностей рассматриваемые словосочетания обладают тенденцией к образованию парадигматических рядов в их именной и глагольной позициях, т. е. дистрибутивных зон обоих компонентов. Так, в дистрибутивную зону глагольной лексики *untersuchen* входят как приведенные в примерах именные компоненты *Geschwindigkeit*, *Anwendbarkeit*, так и *Beweglichkeit*, *Abhängigkeit* и др. В дистрибутивную зону глагольного компонента *überprüfen* включаются имена *Gültigkeit*, *Reproduzierbarkeit* и др. В другой лексико-семантической подгруппе, которую конституирует общая сема «параметризация», глагольная дистрибутивная зона предстает как еще более вместительная: *bestimmen* сочетается с *Beweglichkeit*, *Abhängigkeit*, *Genauigkeit*, *Geschwindigkeit*, *Häufigkeit*, *Empfindlichkeit* и др. Но и в дистрибутивную зону имени, например *Abhängigkeit*, входят разные глаголы — *bestimmen*, *berechnen*, *messen* и др. (*Abhängigkeit bestimmen*; *aus der Abhängigkeit, durch Abhängigkeit berechnen*; *Abhängigkeit (G) messen* и др.).

Один из этапов научно-творческого процесса, отражающий фиксацию, установление определенного научного факта, научной истины, может быть назван констатацией. Общее содержание смысловой подгруппы с семей «констатация» опирается на лексические значения таких глагольных компонентов, как *beweisen*, *nachweisen*, *feststellen*, *aufstellen*, *belegen* и др. Именными компонентами могут быть *Gültigkeit*, *Anwendbarkeit*, *Eindeutigkeit* и др. Тексты дают примеры парадигм: *Anwendbarkeit (G)*, *Gültigkeit (G)*, *Wellenlängenabhängigkeit* и т. д. *nachweisen*; *Richtigkeit (G)*, *Zuverlässigkeit (G)*, *Beeinflussbarkeit (G)*, *Abhängigkeit (G)* и т. д. *bestätigen*; *Abhängigkeit (G)*, *Eindeutigkeit (G)* и т. д. *feststellen* и др.

В качестве своеобразного семантического варианта широкого понятия «констатация» вычленяется значение «зрительная констатация», но не как конкретно-предметное восприятие чего-то, а как целенаправленный интро-

спективно-мыслительный процесс и его следствие, например: Hierfür wurde keine *Abhängigkeit* vom Umsatz beobachtet (PhCh, 680); Daraus ergeben sich gewisse Unterschiede, je nachdem, ob man... die korrigierte *Polarisierbarkeit*... betrachtet (PhCh, 51); Außerdem ist hier auch eine kleine *Besonderheit* zu bemerken (PhCh, 213).

Проявление (обнаружение) в ходе процесса специфических свойств, фиксация информации об этом графиками и схемами включаются как смыслы в словосочетания подгруппы «экспозитивность». Примерами могут служить: Eine *Ähnlichkeit* mit Gefügen... zeigt besonders der Versuch 36 (PhCh, 214); Die *Temperaturabhängigkeit* dieser Mittelwerte ist in Abb. 2 dargestellt (PhCh, 663). Дистрибутивная зона глаголов *zeigen* и *darstellen*, характерных для этой подгруппы словосочетаний, отмечена узкографиченной сочетаемостной тематикой именного компонента. Наиболее частотной именной лексемой является *Abhängigkeit*. Она вступает во взаимодействие с глаголом при наличии различных определителей: *Temperatur-, Konzentrations-, Wellenlängen-, Beladungsabhängigkeit zeigen, darstellen*. Наблюдается также и семантическое варьирование глагольного компонента: *zeigen—aufzeigen—angeben—demonstrieren—darstellen—wiedergeben—aufweisen—hinweisen* и т. д., например: ...um die gute lineare *Abhängigkeit* zu *demonstrieren* (PhCh, 64); Erst in den letzten Jahren ist ...die *Möglichkeit aufgezeigt worden*... (PhCh, 145); In dieser Arbeit *geben* wir die *Temperaturabhängigkeit an*... (PhCh, 587). Подобное варьирование адекватного смысла стоит, бесспорно, на службе как смысловой точности, так и стилистики научного текста; оно не создает образности или оценочности, как в художественном тексте, а служит целям детализированной дефиниции определенного процесса, экспликации нескольких существенных признаков его проявления, а через это — настойчивому влещению понятия в сознание реципиента текста⁵.

Отдельными фрагментами «процессуальности» являются оппозитивные смыслы «экстенсификация» — «редукция», «протективность» — «контрадикторность» и др.

Значение «экстенсификация» обуславливают своей семантикой глагольные лексемы *zunehmen, ausdehnen, erhö-*

⁵ Гяч П. В. Указ. соч., с. 203.

hen, steigern и т. д. Например: Dabei *nimmt* die *Fähigkeit* zur Ausbildung von Hydrathüllen zu (PhCh, 432); ... die *Anwendbarkeit* der Methode auf höhere Frequenzen *auszudehnen*. . . (PhCh, 594).

Значение «*редукции*» опирается на семантику глагольных компонентов *abnehmen*, *herabsetzen*, *sich verringern* и др. и реализуется, например, в следующих контекстах: Bei unseren früheren Untersuchungen. . . *war* die *Löslichkeit* der Salze beachtlich *herabgesetzt* (PhCh, 421); Toluol *erniedrigt* die *Zerfallgeschwindigkeit* *deutlich*. . . (PhCh, 663).

Значение «*протективность*» формируется глаголами *begünstigen*, *gewährleisten*, *fördern*, аналитическими глаголами *Möglichkeit bieten*, *geben*, *eröffnen* и др., например: Die *Anwesenheit* des Elektrolytes *fördert* die *Trennung* (PhCh, 533); In diesem Zusammenhang stellt sich die Frage, inwieweit die *Wirksamkeit* und *Gültigkeit* des Einschubmechanismus. . . *gewährleistet sind* (PhCh, 647); Die Messungen der chemischen Verschiebungen. . . *geben* die *Möglichkeit*, . . . (PhCh, 423).

Значение противоположного характера — «*контрадикторность*» определяют глаголы *verhindern*, *ausscheiden*, аналитический глагол *Schwierigkeiten bereiten*. Например: Theoretische Untersuchungen sollten diese *Möglichkeit ausscheiden* lassen (PhCh, 702); Experimentelle *Schwierigkeiten bereiteten* bisher Messungen bei geringen Bedeckungsgraden (PhCh, 370).

Разумеется, в рамках статьи возможно показать лишь некоторую часть того большого материала, который заключают в себе тексты. Но, можно полагать, она достаточно для того, чтобы вскрыть функциональную суть рассматриваемого явления в соответствии со спецификой текстов — их принадлежностью к стилю научного изложения. В этой связи целесообразно проследить само явление сопоставительно, по нескольким стилям, в противном случае не будет оснований говорить о специфике его вхождения в ту или иную текстовую репрезентацию, т. е. в тот или иной функциональный стиль.

Для сопоставительного рассмотрения привлекается поначалу газетно-публицистический стиль, который хотя и причисляется немецкими стилистами к деловой прозе, однако представляет собой ее особый вариант. Выборка из одинакового с предыдущим объема материала (100 000

словоформ) подводит к следующему выводу: более характерной общей семантической категорией в газетном стиле оказывается значение «деятельность», отражающееся и в исследуемых словосочетаниях, претерпевая в них многообразные модификации.

Первой его модификацией можно считать смысл «социальная активность», суммарно воплощающий целенаправленную деятельность социального типа⁶. Он четко выражается лексической семантикой глаголов *kämpfen*, *ringen*, *konfrontieren*, *protestieren*, *mobilisieren* и т. д. и часто осмысливается при восприятии как политическая активность масс. Например: *Die sowjetische Öffentlichkeit bekämpft aktiv kriminelle Verbrechen* (ND, 23.3.77); *Die MPLA-Führung hat festgelegt, ... den ideologischen Kampf zu verstärken, um die Einheit und Geschlossenheit der Volksbewegung zu festigen* (ND, 16.6.77); *Junge Gewerkschaften protestieren gegen die Arbeitslosigkeit in der BRD* (ND, 25.4.77).

Второй характерной модификацией названного общего значения является смысл «институциональная деятельность», имплицитно включающий такие фрагменты, как «административность», «коллегиальность», «законодательность» и т. д. Например: *Die Führer der militärisch-industriellen Komplexe der USA, der BRD, Japans... erörtern die Möglichkeit der Lieferung von Waffen und militärischen Austrüstungen an China* (ND, 28—29.5.77); *Wahre Freiheit, Demokratie und Menschlichkeit wird nur dort verwirklicht, wo die Selbstbestimmung des Volkes Realität ist* (ND, 26.5.77); *Die Konferenz lenkt die Aufmerksamkeit anderer zwischenstaatlicher Organisationen auf die dringende Notwendigkeit, ...* (ND, 24.5.77).

Следующая модификация главного значения — «информативная деятельность», т. е. смысл, конституируемый глаголами говорения и информации. Существенно, что преимущество здесь имеют не глаголы прямой коммуникации (типа *sagen*, *berichten*, *mitteilen* и др.), а глаголы косвенной коммуникации (типа *unterstreichen*, *hervorheben*, *bekräftigen*, *betonen* и т. д.), по-видимому, в силу их большей емкости и официальности. Например: *... hob Waldheim die Notwendigkeit der Genfer Nahost-Konferenz hervor* (ND, 14.7.77); *Der Präsident unterstrich die Not-*

⁶ Арутюнова Н. Д. Предложения и его смысл. М., 1976, с. 126.

wendigkeit, die Einheit des angolischen Volkes zu sichern (ND, 8.6.77); Er *betonte* die *Notwendigkeit* des Zusammengehens aller Demokraten gegen die Berufsverbote (ND, 22.6.77). Налицо парадигматический ряд: при одном и том же именном компоненте дистрибутивно «разрешены» различные глагольные компоненты — die *Notwendigkeit* hervorheben, betonen, unterstreichen.

Фиксируются и другие парадигматические ряды глагольных и именных компонентов, например: die *Entschlossenheit* bekräftigen, bekunden, erklären, unterstreichen; die *Fähigkeit* (G), *Gegenseitigkeit* (in D), *Nützlichkeit* (G), *Wachsamkeit*, *Zuverlässigkeit* и т. д. hervorheben. Многие из частотных узуальных словосочетаний газетного стиля практически перешли (или переходят) в смысловые клише, утратив (или утрачивая) свою первоначальную синтаксическую природу и даже известную метафоричность⁷.

Хотя определенные различия между обоими сопоставленными стилями проступают достаточно четко, картина будет еще более полной, если привлечь к сопоставлению и третий стиль, не относящийся к деловой прозе, в данном случае литературно-художественный. В нем чаще всего, как уже отмечалось выше, организация и восприятие текста соотносятся не по прямой, логической связи, т. е. не непосредственно, а опосредованно, через систему создаваемых образов. Если языковые элементы и их вариации в научном и газетном стилях, как мы пытались показать, в большей или меньшей степени предсказуемы, то, по мнению исследователей, средства и вариации «языкового выражения в стиле художественной литературы останавливают внимание получателя информации своей оригинальностью»⁸, основу которой составляют метафоричность и другие факторы. Через такую косвенную номинацию создаются характеристики лиц, оценки состояний, событий, качеств, отношений и т. д. Материал, вошедший в картотеку (при том же исходном объеме), показывает, что наиболее релевантную для текстов художественной литературы общую семантическую категорию образует «с о с т о я н и е». В ее рамках реализуется ряд субкатегорий или смыслов, которые рассматриваются ниже.

⁷ Климовская Г. И. Субстантив-атрибутивная синлексика современного русского языка. Томск, 1978, с. 126.

⁸ Гальперин И. Р. О понятиях «стиль» и «стилистика». — ВЯ, 1973. № 2, с. 24.

Смысл «эмоциональное состояние» формируется у узальных словосочетаний двояко: с одной стороны, он обязан своим становлением узколексической семантике глаголов — *fürchten*, *erschrecken*, *schwelgen*, *verzweifeln* и т. д.; с другой стороны, сам характер чувств или состояния определяется семантикой именованного компонента — *Verlassenheit*, *Verlorenheit*, *Traurigkeit*, *Ergriffenheit*, *Freundlichkeit* и др. Например: ...*er war angeekelt von seiner Feigheit* (RB, 17); *Zuweilen erschrak sie vor... seiner Offenheit* (НО, 116); *Da befiel ihn die Traurigkeit* (GB, 116).

Смысл «физическое (внутреннее) состояние» связывается с понятийной шкалой «здоровье» — «усталость» — «болезнь»: *Bienkopps Gesundheit kehrt zurück* (ES, 91); ...*aber dann kam plötzlich die Müdigkeit* (НК, 460); *Es fiel alle eine Krankheit an* (НМ, 130).

В обоих рассмотренных случаях явно обозначена и «фазисность состояния», проступая в таких аспектуально-видовых значениях, как «вхождение в состояние (наступление состояния)», «смена состояния», «экстенсификация/редукция состояния» и др. Например: *Dieses Befund aufnehmen versetzte Käthe in ärgerliche Verlegenheit* (BU, 187); *Anngret gerät in Verlegenheit* (ES, 105); *Springs erwachte aus seiner Bewußtlosigkeit* (GB, 159); *Es war eine Besorgnis, die in Heiterkeit umschlagen würde* (RB, 57); *Sie spüren wohl, wie die Fremdheit zunimmt...* (НО, 187); *Meine Wachsamkeit um den Vater hatte etwas nachgelassen* (НМ, 21).

Аспектуально-видовая семантика перечисленных состояний сближает их с процессами. Она привносится в словосочетания глагольными лексемами: *geraten*, *kommen*, *gleiten*, *versetzen*, *bringen* (вхождение в состояние); *erwachen*, *wegbleiben*, *aufwecken*, *übergehen* (смена состояния); *zunehmen*, *steigen* (экстенсификация); *fehlen*, *mangeln*, *nachlassen* (редукция состояния). В основе их употребления лежит яркий метафорический перенос.

Семантическая подгруппа «преодоление состояния» обнаруживает следующие сложившиеся в художественных текстах или потенциально возможные парадигматические ряды: *seine Verlegenheit*, *Unsicherheit* и т. д. *überwinden*; *seine Verlegenheit*, *Befangenheit* и т. д. *verbergen*; *die Krankheit überstehen*, *bekämpfen*; *die Übelkeit vertreiben*, *sich der Müdigkeit erwehren*, *mit seiner Unentschlossenheit*

gingen и др. II здесь метафорический перенос ощущается очень живо.

При всей значимости семантической категории «состояние», она не покрывает собой основной части массива рассматриваемых словосочетаний в стиле художественной прозы. В текстах весьма значительна роль и семантической категории «деятельность», в ее модификациях: «социальная деятельность», «ментальная деятельность», «информативная деятельность», «бытовая» или «повседневная деятельность» и т. д. В рамках последней очень широка дистрибутивная зона глагола *tun*, например: *etw. aus Eitelkeit, aus Gewohnheit, nach Möglichkeit, trotz Schwierigkeit, mit Geschicklichkeit, mit Selbstverständlichkeit, mit Entschiedenheit* и т. д. *tun*. Многие из таких узуальных словосочетаний как раз именуют обычные (традиционные) действия, характеризующие ежедневную жизнь людей, общества, будучи конституированы, наряду с *tun*, и другими глаголами, например: *eine Tätigkeit aufnehmen, Sauberkeit üben, etw. auf seine Gültigkeit prüfen, die Öffentlichkeit beschäftigen* и др.

Значение «ментальная деятельность» сближено с «процессуальностью» и включает в себя различные психо-мыслительные акты: осознание, осмысление, размышление, мечтательность, вспоминание, убежденность, сомнение и мн. др. Примеры: *An ihrem Blick erkannte er, daß sie die Zweideutigkeit verstanden hatte* (НО, 71); *Er begriff plötzlich die Ungereimtheit der Gegenüberstellung* (IW, 28); *An Eitelkeit konnte man dabei nicht denken* (НМ, 39); *Da träumt man am heftigsten an Freiheit* (НК, 86); ... *besann ich mich ihrer Bescheidenheit* (НМ, 234).

Легко заметить синонимическое варьирование глагольного компонента и образование на этой основе парадигматических рядов, например: *Zweideutigkeit (G), Gleichgültigkeit (G) verstehen, begreifen, erkennen* и т. д.

В рамках значения «информативная деятельность», опирающегося на семантику глаголов прямой информации *sagen, reden, sprechen, mitteilen, erzählen* и др., реализуются также различные смыслы, в их числе «косвенная информация», «апеллятивность» и др. Наиболее типичным для этой семантической категории является словосочетание *die Wahrheit sagen*, образующее большой парадигматический ряд: *Die Wahrheit sprechen, hören, erzählen, reden, berichten* и т. д. Объемной дистрибутивной зоной от-

личается глагол *reden* (*Dummheit, Wahrheit, Schamlosigkeit* и т. д.).

На первый взгляд может показаться неубедительным, что столь общие семантические выводы делаются из наблюдения над частным языковым явлением. Однако если иметь в виду, что ядром формирования рассматриваемых словосочетаний является глагол и преимущественно он задает как структурный, так и семантический тип групп словосочетаний, то все становится вполне логичным: три указанные категории (процесс, деятельность, состояние) воплощают в глобальных чертах семантику всего глагольного класса, ими предопределяется семантическая типология предложений, а значит — и наиболее общие категории, организующие текстовую семантику. Имена качества (обобщающее значение деадъективных дериватов на *-heit, -keit, -igkeit*) приносят в семантику словосочетаний существенную часть смысла, которая во взаимодействии с категорией глагола обуславливает тот факт, что подавляющее большинство словосочетаний не передает абсолютного значения деятельности, а отражает разнообразные оттенки процессуальности, сближающиеся то с деятельностью, то с состоянием. Именно так и показана в рамках статьи специфика вхождения словосочетаний в содержательный план текстов различной функционально-стилистической принадлежности.

Как видно из изложенного, функциональная семантика одних и тех же элементов или явлений языка проявляется по-разному в текстах различной функционально-стилистической принадлежности, что зависит от самой коммуникативной сферы⁹, т. е. от экстралингвистической обусловленности текста (стиля). Общий же межстилевой план содержания komponуется, как показал анализ, вокруг трех центров — фундаментальных семантико-синтаксических категорий: «деятельность», «процесс», «состояние». Их пропорциональное соотношение, статус каждой категории в каждом из трех функциональных стилей различны: в научном стиле доминирующей оказывается «процессуальность», в газетно-публицистическом — «деятельность», для литературно-художественного характерны «состояние» и «деятельность». Все они показывают тенденцию к многообразным взаимным переходам, которыми и

⁹ Лаптева О. А. Современная русская публичная речь в свете теории стиля. — ВЯ, 1978, № 1, с. 20.

отмечена семаптика большинства рассмотренных словосочетаний в текстах: их основное категориальное значение, соотносящееся с одной из трех категорий, обрастает наборами подчиненных или «переходных» смыслов, вплоть до модификаций на уровне конкретных лексических сем. Иной функциональная семантика, воплощаемая в текстах, и не может быть.

СОКРАЩЕНИЯ

- BU — *Uhse B.* Die Patrioten. Berlin, 1962.
ES — *Strittmatter E.* Ole Bienkopp. Berlin—Weimar, 1964.
GB — *Bruyn G.* Der Hohlweg. Halle, 1965.
HK — *Kant H.* Die Aula. Berlin, 1971.
HM — *Marchwitza H.* Meine Jugend. Berlin, 1957.
HO — *Otto H.* Zeit der Störche. Berlin—Weimar, 1967.
IW — *Wangenheim I.* Professor Hudebraach. Halle, 1971.
ND — Neues Deutschland.
PhCh — Zeitschrift für physikalische Chemie.
RB — *Bartsch R.* Geliebt bis ins tiefere Ende. Halle, 1958.

2. Лексика и фразеология

ОСОБЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И СФЕРЫ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В. М. Лейчик

Несмотря на то, что лексическим единицам, обозначающим явления общественной жизни, посвящено значительное количество монографий, статей и диссертаций¹, до настоящего времени нет общепризнанного на-

¹ Библиографию до 70-х годов XX в. см. в работе: *Коготкова Т. С.* Из истории формирования общественно-политической терминологии (по материалам последних десятилетий XIX в.). — В кн.: Исследования по русской терминологии. М., 1971, с. 114—165. — Более поздние работы в кн.: *Протченко И. Ф.* Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. Социолингвистический аспект. М., 1975.

звания для этих лексических единиц. В работе, опубликованной в 1971 г., Т. С. Коготкова совершенно обоснованно пишет: «Не случайно... языковеды-исследователи рассматриваемую терминологию предпочитают называть не как общественно-политическую терминологию, а как общественно-политическую лексику, в особенности если она извлечена из произведений отдельных писателей»². И далее автор приводит целый список работ, в которых фигурирует название «общественно-политическая лексика». Причину этого Т. С. Коготкова видит в общепонятности, доступности общественно-политических терминов, что объясняется их использованием в языке массовой пропаганды и агитации, а также выходом в разговорную (устную) речь, где рассматриваемое свойство общепонятности получает дальнейшее развитие³.

И действительно, многие лексические единицы, относящиеся к предметам, процессам и особенностям жизни человеческого общества, являются или кажутся общепонятными. Однако, во-первых, наряду с ними есть достаточно обозначений, которые известны только узкому кругу специалистов (*политология, вторая демографическая волна, стагфляция*), и об этом говорится в работе Т. С. Коготковой. Во-вторых, указанный признак не является специфическим для общественно-политических терминов; среди научно-технических терминов, которые противопоставляются общественно-политическим, есть также множество единиц, которые понятны представителям самых разных слоев носителей определенного литературного языка (*мотор, арифметика, воздушный лайнер*). Другое дело, что далеко не все носители языка знают точное определение понятий, которые связаны как с теми, так и с другими группами обозначений. И, наконец, в-третьих, при описании явлений общественной жизни применяется огромное количество лексических единиц, не имеющих строгого определения либо потому, что они пока не вовлечены в научный обиход, либо потому, что они не выражают научного понятия (например, *инициативы, повышение уровня, хозяйственный механизм, ударная вахта, оптимизм, авангард, политический кли-*

² Коготкова Т. С. Указ. соч., с. 115. Ср. об этом также: Протченко И. Ф. Указ. соч., с. 112.

³ Коготкова Т. С. Указ. соч., с. 116.

мат, компромисс). Отсутствие точного определения не уменьшает важности этих лексических единиц; более того, они необходимы в устных и письменных произведениях различного жанра, посвященных общественной жизни⁴. Именно об этих лексических единицах и можно с полным основанием сказать, что они обладают признаком общепонятности. Выделение их позволяет сделать вывод о том, что в текстах по общественной тематике содержатся лексические единицы двух достаточно четко противопоставляемых классов: общественно-политическая терминология и общественно-политическая лексика.

Что касается единиц, входящих в первый из этих классов, т. е. терминов, то они, очевидно, должны обладать общими признаками любых терминов: включением в терминосистему, связанностью с известным научным понятием, возможностью строгого определения их значения и др.⁵ Главным же специфическим признаком рассматриваемых терминов является то, что они включаются в терминологию какой-либо одной из общественных наук⁶.

Следует подчеркнуть, что отдельные общественные науки имеют научный аппарат, отработанный в различной степени. Поэтому и совокупности терминов, выражающих понятия этих наук, могут обладать разной степенью совершенства — от стихийно сложившихся или складывающихся терминологий до унифицированных, имеющих

⁴ Много таких лексических единиц наряду с терминами содержится в произведениях В. И. Ленина: *вздор, ложь, фальшь, филистер, начетчик*. См.: *Князькова Г. П.* О лексике ленинского памфлета. — В кн.: *Слово в языке произведений В. И. Ленина*. М., 1979, с. 105; см. также: *Исследования по языку и стилю произведений В. И. Ленина*. М., 1981.

⁵ «„Термин“ — это слово (или словосочетание), являющееся единством звукового знака и соотнесенного (связанного) с ним соответствующего понятия в системе понятий данной области науки и техники» (*Климовицкий Я. А.* Некоторые вопросы развития и методологии терминологических работ в СССР. М.—Л., 1967, с. 34).

⁶ В задачу настоящей статьи не входит перечисление общественных наук и определение их места среди других наук. Об этом см.: *Кедров Б. М.* Классификация наук, т. III. От Ленина до наших дней. М., 1965; *Кедров Б. М.* О современной классификации наук. — *Вопросы философии*, 1980, № 10; *Федосеев П. Н.* Некоторые методологические вопросы общественных наук. — *Вопросы философии*, 1979, № 11; *Black J. B.* Social science data bases and data banks in the United States and Canada. — *Inspel*, 1979, v. 14, № 3—4.

законченную структуру терминосистем (к ним относятся, например, терминосистема марксистской политической экономии⁷ и терминосистема научного коммунизма⁸). Кроме того, некоторые науки, даже и при длительном периоде существования и развития, в силу применения в них описательных методов исследования, не имеют строго очерченной системы понятий, почему и их терминология изобилует терминами с расплывчатым значением.

Тем не менее можно констатировать, что в текстах по общественной тематике содержится класс лексических единиц, которые можно отнести к терминам. Для того чтобы определить границы этого класса, нужно учесть два следующих существенных обстоятельства. Во-первых, политические науки (теория государства и права, международные отношения, политология и др.), по единодушному мнению специалистов, входят в число общественных наук, и, следовательно, «политические термины» включаются в множество «общественных терминов». Во-вторых, все эти термины выражают научные понятия в той же мере, что и так называемые научно-технические термины; разница заключается только в том, что первые выражают понятия общественных наук, а вторые — понятия естественных и технических наук и собственно техники. Поэтому если стремиться к точности, то целесообразно говорить о терминах и терминологии общественных наук, а не об общественно-политической терминологии.

В статье рассматриваются именно термины общественных наук, а то, что называется общественно-политической лексикой, привлекается только в тех случаях, когда нужно сопоставить эти два класса лексических единиц⁹.

⁷ Широкова Т. А. Термины и терминология политической экономии социализма (опыт системного исследования на материале современного немецкого языка). Автореф. канд. дис. М., 1978; Мессерле Е. А. Анализ некоторых языковых элементов первого тома «Капитала» К. Маркса. — Учен. зап. Алма-Атинского гос. пед. института иностранных языков, т. I. Алма-Ата, 1956.

⁸ Панов Г. Н. Роль В. И. Ленина в становлении русской системы общественно-политической терминологии научного коммунизма. Автореф. канд. дис. М., 1972.

⁹ Понятно, что отдельные представители этих классов лексических единиц способны переходить из одного класса в другой: нетерминологические единицы могут включаться в состав терминосистем, например: «В дипломатии есть термин — „благо-

Прежде чем перечислить особенности терминов общественных наук, следует описать сферы использования этих терминов. Можно думать, что таких сфер по крайней мере четыре: собственно научные произведения, деловые документы, публицистические тексты и произведения художественной литературы. Эти сферы соответствуют основным стилям, которые выделяются в последнее время исследователями в литературном языке. В книге О. Д. Митрофановой «Язык научно-технической литературы» показано, что эти стили распадаются на ряд подстилей и реализуются в разных жанрах. Каждый из стилей и подстилей характеризуется отличительными признаками, которые и определяют отбор лексики в нем. Так, публицистическому (научно-публицистическому) стилю присущи пафос, гражданственность и отсюда — оценочные категории и эмоционально окрашенные слова и обороты¹⁰. Продолжая эту мысль, следует подчеркнуть, что перечисленные признаки прежде всего свойственны тому, что выше было названо общественно-политической лексикой. В то же время, как будет показано ниже, оценочный фактор включается и в термины общественных наук. Другое дело, что устные и письменные произведения публицистического стиля содержат как общественно-политическую лексику, так и термины общественных наук, поскольку эти произведения описывают и существенные категории и понятия общественной теории и практики, и отдельные явления общественной жизни. С другой стороны, произведения публицистического стиля рассчитаны на восприятие широких слоев носителей определенного языка, и лексический состав этих текстов должен быть понятен им. Поэтому лексика публицистических произведений представляет собой конгломерат терминов, общественно-политической лексики и общеупотребительных слов, свободных и устойчивых словосочетаний.

приятная среда» (Дангулов С. Творит мысль. — Правда, 19 апр. 1980 г., с. 3); термины отмирающей терминосистемы перестают быть таковыми (*философский камень*).

¹⁰ Митрофанова О. Д. Язык научно-технической литературы. М., 1973, с. 20—21. — Классификацию стилей и анализ природы лингвистических признаков текстов, характеризующих различные функциональные стили, см.: Троянская Е. С. Актуальные проблемы исследования функциональных стилей. — В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. М., 1979, с. 3—11 (приводится библиография по данной проблеме).

В публицистические произведения попадают далеко не все термины общественных наук. По большей части это такие термины, которые обладают признаком общепонятности или, по крайней мере, основные компоненты значений которых общепонятны (*ограничение стратегических наступательных вооружений, капитализм, прибыль*). Кроме того, отбор таких терминов определяется и жанром публицистического произведения. Так, в газетном очерке, посвященном торговле между Востоком и Западом, будет меньше терминов, чем в консультации для пропагандиста по этому же вопросу. В передовой статье газеты, излагающей решения по вопросу о соревновании, встретится больше терминов, чем в рассказе о передовом рабочем в массовом журнале.

В произведении художественной литературы термины общественных наук воспринимаются как чужеродное явление, здесь они представляют собой «цитаты» из лексикки научного, делового или публицистического стиля.

Наконец, в различных жанрах научного (еще говорят «научно-технического») и делового стилей термины общественных наук используются в своей прямой функции: в монографиях, статьях, диссертациях — для изложения определенной теории или части теории; в правовых, плановых, учетных и других деловых документах и служебных письмах — для фиксации социально-экономических объектов и процессов; во вторичных научных документах — обзорах, рефератах, аннотациях — для обозначения предмета исследования, содержащегося в первичном документе; в словарях, справочниках, энциклопедиях, сборниках рекомендуемых терминов, терминологических стандартах — для определения понятий, составляющих теорию, концепцию, систему взглядов¹¹.

Как уже было сказано, основные признаки терминов общественных наук те же, что и признаки терминов естественных и технических наук. В то же время им присущи некоторые специфические признаки или специфические способы проявления этих общих признаков.

Примером того, как общие признаки терминов особым образом проявляются в терминах общественных

¹¹ Перечисление жанров произведений научного и делового стилей см.: *Митрофанова О. Д.* Указ. соч., с. 23—25; *Лейчик В. М.* Некоторые вопросы упорядочения, стандартизации и использования научно-технической терминологии. — В кн.: *Термин и слово.* Горький, 1981.

наук, является прямая, эксплицитно выраженная зависимость терминов от определенной теории, определенной системы взглядов.

В приведенном выше определении термина подчеркивалась его соотнесенность с понятием в системе понятий. Это общепризнанное положение нуждается, на наш взгляд, в существенном дополнении. Дело в том, что сами понятия и системы понятий в свою очередь зависят от той теории или концепции, в рамках которых они образуются и функционируют. В последнее время ученые даже предпочитают говорить не о понятиях, а о теоретических объектах¹². При этом, в связи с многогранностью предметов и явлений объективного мира, одна и та же область может описываться одновременно или последовательно несколькими теориями, обладающими в той или иной степени относительной (релятивной) истинностью. Марксистское понимание этого сложного вопроса характеризуется тем, что, по словам В. И. Ленина, «для объективной диалектики в релятивном есть абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное»¹³. Естественно, что степень истинности теории может быть различной и колебаться от теорий, приближающихся к максимуму, достижимому на данном этапе развития знания, до ложных теорий, в некоторых случаях намеренно искажающих действительность.

В естественных и технических науках тройную зависимость термина: объективная действительность — теория — теоретический объект (понятие) — термин — можно обнаружить при сопоставлении терминосистем, выражающих системы понятий двух теорий, одна из которых сменяет другую в процессе углубления познания. Так, термины квантовой механики существенно отличаются от терминов классической механики, а термины эволюционистской биологии Ч. Дарвина от терминов статической биологии XVIII в. Однако при рассмотрении терминов естественных и технических наук зависимость этих терминов от теории не так заметна и потому, что эти науки развиваются, как правило, достаточно медленно, и потому, что в ряде случаев представляется, что

¹² Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977, с. 218—219.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 317.

различные теории, описывающие определенную область природы, могут сосуществовать, и даже появляются попытки создать некую «интертеорию», объединяющую так называемые эквивалентные описания (описания) ¹⁴.

Специфика терминов общественных наук в этом плане состоит в том, что их зависимость от определенной теории, концепции, системы взглядов, в конечном счете от мировоззрения, является эксплицитной. Называя капиталистическое общество терминами «*свободный мир*», «*общество равных возможностей*», буржуазные теоретики в самих терминах выражают существенные, по их мнению, признаки этого общества. Противопоставление марксистских политических терминов *эксплуатация человека человеком*, *классовое угнетение* термину современной социал-демократии «*классовый мир*» характеризует противоположность теорий, лежащих в их основе.

Ярким примером прямой зависимости терминов общественных наук от концепции, системы взглядов может служить попытка, предпринятая бывшим президентом США Дж. Фордом, отказаться от термина *разрядка* (заимствованного из французского языка слова *détente*). В марте 1976 г. Дж. Форд заявил, что в английском языке нет подходящего слова, которое отражало бы суть политики, характеризующую им как «смягчение напряженности с тем, чтобы США могли и впредь проводить политику мира, опираясь на силу» ¹⁵. Были предприняты усилия заменить термин *разрядка* в английском языке терминами *регулируемое соперничество*, *мир посредством силы* и др. Несмотря на все заверения в том, что изменение термина «не означает изменения самого процесса», Дж. Форд и его приближенные не сумели убедить в этом встревоженную мировую общественность, и в августе 1977 г. термин *разрядка* был снова узаконен в политическом обиходе в США. В Советском Союзе, для которого сама идея разрядки логически вытекает из его последовательной миролюбивой внешней политики, термин *разрядка* начал применяться в 50-х годах как синоним терминов *ослабление*, *смягчение* и закрепился в официальных документах в форме *разрядка международной на-*

¹⁴ Чудинов Э. М. Указ. соч., с. 242 п сл.

¹⁵ См.: Интервью Г. Киссинджера. — Правда, 10 марта 1976 г., с. 5.

пряженности, особенно после советско-французской декларации 1966 г. (как калька французского термина *la détente de la tension internationale*). В ответах Л. И. Брежнева на вопросы американского журнала «Тайм» в 1979 г. значение термина *разрядка* разъясняется следующим образом: «Когда мы говорим „разрядка напряженности“ или для краткости просто „разрядка“, мы имеем в виду состояние международных отношений, противоположное тому их состоянию, которое принято называть „холодной войной“ и для которого была характерна постоянная напряженность, грозившая в любой момент перерасти в открытые конфликты»¹⁶. В последние годы, вслед за термином *разрядка международной напряженности*, появились термины *политическая разрядка*, *разрядка в военной области* (или *военная разрядка*) и др., которые эксплицитно выражают систему взглядов советских политических и государственных деятелей и ученых в сфере борьбы за мир.

Своеобразно проявляется в терминах общественных наук и признак их системности, или, как говорил основатель советской терминологической школы Д. С. Лотте, признак систематичности терминологии. Этот признак, тесно связанный с предыдущим — с зависимостью термина от определенной теории, присущ любому термину. В последнее время взгляд на термин как на элемент известной терминосистемы был доведен даже до достаточно категоричных формулировок: «Отдельно взятый термин сам по себе есть фикция. Он существует только в системе терминов, т. е. наряду с другими терминами, с которыми он связан определенными отношениями»¹⁷. Такой взгляд, правильный в самой общей форме, требует внесения ряда оговорок, когда речь идет

¹⁶ См. материалы газеты «Правда» (16 янв. 1979 г., с. 1). Историю попыток исключения из английского языка термина *разрядка* можно проследить по сообщениям в газете «Правда»: 27 ноября 1975 г., с. 4; 10 марта 1976 г., с. 5; 14 марта 1976 г., с. 4; 18 марта 1976 г., с. 4; 28 марта 1976 г., с. 4; 9 апр., 1976 г., с. 5; 7 июля 1976 г., с. 3; 27 июля 1976 г., с. 4; 30 окт. 1976 г., с. 5; 3 авг. 1977 г., с. 4. См. также: Тимофеева С. У истоков разрядки. — Правда, 13 июля 1979 г., с. 5; Поповцева Т. Н. О формировании новых значений слов путем семантического стяжения (на примере существительного *разрядка*). — В кн.: Новые слова и словари новых слов. Л., 1978.

¹⁷ Место терминологии в системе современных наук. М., 1969, с. 135.

о конкретных совокупностях терминов, в частности терминов общественных наук.

Прежде всего не все совокупности терминов представляют собой законченные терминосистемы. В каждой области имеет место более или менее длительный период ее складывания, накопления знаний, когда система знаний и, следовательно, система терминов еще не устоялись. Нередко говорят, что в этот период в данной области фигурируют предтермины, или терминоиды, или квазитермины. По большей части это переосмысленные термины, взятые из терминосистемы, обслуживающей предыдущий уровень знания, с добавлением некоторого количества новых терминов. Ф. Энгельс следующим образом описывает этот процесс: «... В науке каждая новая точка зрения влечет за собой революцию в ее технических терминах. Лучше всего это видно на примере химии, вся терминология которой коренным образом меняется приблизительно каждые двадцать лет, так что едва ли можно найти хотя бы одно органическое соединение, которое не прошло бы через ряд различных названий. Политическая экономия обычно брала термины коммерческой и промышленной жизни в том виде, как их находила, и оперировала ими, совсем не замечая, что тем самым она ограничивает себя узким кругом понятий, выражаемых этими терминами»¹⁸. Эти высказывания, характеризующие состояние терминологии химии и терминологии политэкономии в переломный период, когда складывалось современное состояние этих наук, позволяет сделать существенный вывод об общности закономерностей формирования терминосистем в общественных, естественных и технических науках. Терминосистемы марксистской политической экономии, диалектического материализма, научного коммунизма, сформулированные Марксом, Энгельсом, Лениным, представляют собой стройные системы, каждое место в которых занято определенным термином, выражающим определенное понятие¹⁹. Такими же законченными являются и многие другие терминосистемы — философская система терминов Гегеля, структуралистская система терминов антропологии и со-

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 31—32.

¹⁹ См., например: Бабенко В. С. Состав и функционирование общественно-политических терминов в немецком языке (по произведению Ф. Энгельса «Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft (Anti-Dühring)»). Автореф. канд. дис. Львов, 1965.

циологии К. Леви-Стросса, лингвистическая система терминов Л. Ельмслева.

В то же время в общественной жизни существует целый ряд сфер, для которых пока не построена система понятий, причем есть и такие сферы, для которых принципиально невозможно создать законченную систему понятий и — соответственно — терминов. Это прежде всего те области знания, которые до настоящего времени исследуются только описательными методами. К ним относятся различные виды искусства, в частности хореография. Веками движения в танцах передавались из поколения в поколение либо путем подражания, либо описательно. Только совсем недавно был создан язык описания танца²⁰. Естественно, не было и системы терминов, выражающих понятия теории хореографии. С другой стороны, такие быстро меняющиеся сферы общественной жизни, как мода на одежду или жилище, не могут быть отражены в устойчивых терминосистемах; даже и названия видов одежды и их деталей устаревают до того, как они успевают закрепиться в нормативных документах. Вот примеры описаний одежды из модного журнала 1981 г.: «Комплект для молодежи: блузон и юбка, выполнен по „морским“ мотивам», «Комплект может быть выполнен из тканей-компаньонов», «Рукава длиной три четверти присборены на узком манжете» и т. д.

Таким образом, наряду со строго очерченными терминосистемами, отступления от которых чреваты грубыми ошибками политического и научного плана (нельзя сказать *трудоуой день* вместо *рабочий день*, нельзя сказать *надежность прогноза* вместо *достоверность прогноза*²¹), существует определенное количество быстро сменяющих друг друга совокупностей квазитерминов, которыми описываются некоторые области общественной жизни.

Не будучи элементами терминосистем, квазитермины не имеют четко обозначенных границ значений. Однако в языке существует определенное количество подлинных терминов с размытыми границами объема выражаемых ими понятий. Как правило, это «термины широкой семантики», выражающие общие по-

²⁰ Система кинетографии, разработанная С. Лисицаи. См.: *Андреотти Ю. В тундру... за танцами.* — Правда, 20 февр., 1979 г.

²¹ Прогностика. Общие понятия. Объект прогнозирования. Аппарат прогнозирования. Терминология. М., 1977, с. 11 (терм. 42).

нения социального характера. К ним относится, например, термин *личность*, который служит термином в социологии, психологии, юриспруденции, философии и т. п., причем в нем имеют место не всегда точно определяемые, но нередко существенные различия значения²². Подобные термины следует отличать от так называемых общенаучных и общеметодологических терминов типа *метод*, *структура*, *система*, *операция*. Эти последние также имеют «широкое значение», но употребляются в терминосистемах каждой отдельной науки именно в этом широком значении, всякий раз конкретизируясь с помощью определителей, специфичных для данной науки: *финансовая операция*, *военная операция*; *аналитический метод*, *метод Монте-Карло*. Что же касается терминов типа *личность*, то они, будучи по происхождению словами общеупотребительными и вошедшими недавно в научный обиход, еще не получили четких определений в каждой из наук, либо же их значение меняется от науки к науке и дать единое определение их значения очень трудно, если не невозможно. Отсюда и одновременное использование этих терминов нечеткой семантики в терминосистемах целого ряда общественных наук, особенно в период складывания их терминосистем. Помимо термина *личность* такими терминами являются *свобода*, *идеал* и др. Понятно, что эти термины широко используются в публицистическом стиле.

К этому, правда, следует добавить, что с течением времени термины нечеткой семантики могут стать элементами законченных терминосистем. В 1980 г. «Комсомольская правда» писала: «Возьмем весьма авторитетный „Справочник мировой истории. Концепции и проблемы“ под редакцией проф. Д. Даннера, изданный в Нью-Йорке в 1967 г. В его составлении приняли участие 100 ведущих американских историков и политологов. Вот что было сочтено нужным сказать в статье о „правах человека“ в этом справочном издании: „...термин недавнего происхождения... Ввиду своей расплывчатости термин „права человека“ имеет ничтожное значение“.

²² Подробнее о таких терминах и связанных с ними трудностях терминологического редактирования рефератов по общественным наукам см.: *Кабанцев Г. Г., Лейчик В. М., Резниченко Л. А.* Проблемы терминологического редактирования документальных источников информации. — Научно-техническая информация, сер. 1, 1978, № 5, с. 21—22.

Откроем другой американский толковый словарь „Новый язык политики“. Даже в издании 1972 г. термин „права человека“ отдельно не значился, а объяснялся в статье „гражданские права“: „также употребляется производный термин „права человека“, зачастую теми, кто хочет выразить благочестивую заботу об индивидуальных правах, но при этом не прослыть сторонником негров“»²³. В настоящее время термин *права человека* используется в терминологии новой научной дисциплины — политологии, а также в терминологии международных организаций, в том числе ООН (*les droits de l'homme; man's rights*).

Специфическим признаком терминов общественных наук являются широко развитые синонимия, омонимия, многозначность. Д. С. Лотте предъявлял к терминам требования устранения синонимии и многозначности. Следует сказать, что это требование выполняется в реальных терминологиях с трудом. Кроме того, оно подвергается обоснованной критике, и за последнее десятилетие появилось довольно много работ, в которых доказывается, что терминам естественных и технических наук присуща вариантность — формальная и семантическая²⁴. Тем не менее тенденция к устранению многозначности и синонимии терминов естественных и технических наук в известной степени все же реализуется, по крайней мере в сфере фиксации: в сборниках рекомендуемых терминов, в терминологических стандартах, где терминам приписывается единственное определение соответствующего понятия и где их синонимы квалифицируются как nereкомендуемые или недопустимые.

С терминами общественных наук дело обстоит несколько иначе. Требование устранения синонимов здесь может предъявляться только в ограниченных пределах. Прежде всего, в связи с широким использованием соци-

²³ Ефремов А., Петров А. Цезарь не состоялся. — Комс. правда, 15 февр. 1980 г.

²⁴ Трефилов Д. Ф. Структурно-семантическая характеристика аффиксальных образований в системе французской химической терминологии. Автореф. канд. дис. Л., 1978; Михайлова В. И. Варианты терминов и их функционирование в современном английском языке (к вопросу о тождестве слова). Автореф. канд. дис. М., 1976; Авербух К. Я. Лингвистическое исследование терминологии химического машиностроения (на материале текстов по гранулированию). Автореф. канд. дис. Горький, 1980; Изергина И. А. Синонимия в современной английской терминологии электроники. Автореф. канд. дис. Л., 1980.

альной лексики в произведениях публицистического стиля нередко трудно провести грань между терминами и нетерминами, обозначающими одни и те же явления общественной жизни и встречаемыми в различных жанрах этого стиля. Исследователи языка произведений В. И. Ленина приводят примеры того, что В. И. Ленин применял различные синонимы для выражения одного и того же понятия во всем его многообразии: *недочет, недостаток, неудовлетворительность; главный и основной урок; отвратительный — мерзкий — отвратный* и др.²⁵ Аналогичная ситуация имеет место и в других языках. Экономическое понятие *утечка капитала* выражается во французском языке словами *reflux, sortie, départ, fuite, évacion, exode*²⁶.

Другая причина широкого развития синонимии в терминологии общественных наук состоит в том, что сфера общественной жизни, как было сказано выше, описывается многочисленными, подчас противоречащими друг другу теориями и концепциями. В диссертации М. Н. Николаева на примере нескольких синонимических рядов, заимствованных из толковых словарей английского языка, показано, что одно и то же политическое понятие выражается разными терминами, причем их дифференциальные семантические признаки достаточно различны, а подчас и противоположны²⁷.

Имеет место несколько причин многозначности терминов общественных наук. Среди них можно выделить превращение нетермина в термин, обозначающий несколько понятий в рамках данной терминосистемы: франц. *la mise* 'вклад, надбавка на аукционе'; уточнение и изменение значения слова, вызванное развитием понятия: франц. *les négociations* вначале обозначало торговые переговоры, а теперь — любые переговоры. Есть и другие причины развития многозначности терминов²⁸; при этом в тех случаях, когда значения многозначного

²⁵ Федорова М. В. Синонимия и градация в работе В. И. Ленина «Успехи и трудности Советской власти». — В кн.: Материалы по языку публицистики. Воронеж, 1972, с. 56—72.

²⁶ Соколова А. М. Особенности внешнеэкономической терминологии в современном французском языке. Автореф. канд. дис. М., 1974, с. 11.

²⁷ Николаев М. Н. О семантической бинарности дефиниции политического термина. Автореф. канд. дис. Калинин, 1979, с. 7—8, 11.

²⁸ Соколова А. М. Указ. соч., с. 24—25.

слова значительно удаляются друг от друга, целесообразно говорить не о многозначности, а о семантической омонимии: франц. *le marché* обозначает рынок, сделку, цену, биржу, курс. Термин *концерт* в музыковедении означает и ряд выступлений одного или нескольких артистов в одном помещении в ограниченный отрезок времени, и вид музыкального произведения.

Как и при развитии синонимии, появление многозначности или семантической омонимии облегчается при наличии ряда теорий, описывающих одну и ту же область общественной жизни, или при полном отсутствии такой теории. Например, испанский термин *el guía* имеет ряд далеко отстоящих друг от друга значений: 'руководитель, проводник, вожатый, наставник'.

Специфическим признаком терминов общественных наук является включение оценочного фактора в семантику и формальную структуру этих терминов. В какой-то мере этот признак присущ любым терминам, поскольку наука, как это доказано, не может быть полностью объективна и нейтральна, и в терминах, особенно на этапе первоначального наименования²⁹, видно отношение учебного к обозначаемому объекту или явлению (ср. астрономические термины *белый карлик, красный гигант*), но эта модальность достаточно быстро исчезает в рамках всей терминосистемы (технические термины *ушко, головка* с суффиксами, этимологически имевшими уменьшительное или ласкательное значение, перестают сопоставляться со словами *ухо, голова*, а включаются в ряд *шпонка, зацепление, бар* и т. п.).

Термины же, обозначающие явления общественной жизни, которая ежедневно и ежечасно волнует тех, кто эти термины употребляет, сохраняют оценочный фактор в течение всего периода своего существования³⁰. Этот оценочный фактор может содержаться прежде всего в семантике термина. Французское слово *le renégat* и

²⁹ Келтуяла В. В. О смысловых несовпадениях в интернациональной лексике немецкого и русского языков. — В кн.: Лингвотомодические основы преподавания иностранных языков. М., 1979, с. 141—142.

³⁰ Подробнее см. в ст.: Цвиллинг М. Я. Лексико-фразеологические особенности общественно-политического текста. — В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М., 1982.

его русские эквиваленты *ренегат*, *отступник* в равной мере являются политическими терминами, имеющими отрицательную окраску. Появившееся в конце 70-х годов нашего века название партии *зеленые* (в ФРГ и ряде других стран) в своей внутренней форме содержит элемент оценки, может быть, не такой яркой, как политические термины *красные*, *белые* в начале XX в., но достаточно выразительной. В формальной структуре терминов также можно обнаружить оценочный фактор: *столыпинщина*, *проимпериалистический*. В западной экономической литературе получил в последнее десятилетие распространение термин *stagflation* 'стагфляция', образованный методом телескопии (начало одного слова в сочетании с концом другого: *stagnation* 'застой' + *inflation* 'инфляция'), которая в силу своей выразительности широко применяется для создания рекламных обозначений³¹. Как показал ряд исследователей, передача оценки явлений общественной жизни, отраженных в значении терминов, осуществляется в ряде случаев сочетанием этих терминов с лексемами оценочного характера, в частности прилагательными: нем. *frei* 'свободный', *Überlegenheit* 'превосходство' и др.³²

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что положительная или отрицательная оценка, входящая в семантическую структуру терминов общественных наук наряду с логико-предметным значением, «образуется на основе реальных признаков явления и выражает мнение о желательности или нежелательности явления, о соответствии или несоответствии классовым интересам социального субъекта, детерминирующим ее содержание. Оценка эта объективна, устойчиво характеризует отраженное в значении термина явление, не зависит от индивидуального употребления, поэтому она в качестве семантического компонента входит в значение термина. В связи с тем, что оценка связана с рациональным, теоретическим осмыслением дей-

³¹ Бельская М. А., Ржанникова А. К. О путях образования сложносокращенных и телескопических слов в английском языке. — В кн.: Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток, 1978, с. 54.

³² Широкова Т. А. Термины и терминология политической экономии социализма (опыт системного исследования на материале современного немецкого языка). Автореф. канд. дис. М., 1978, с. 7.

ствительности ... она квалифицируется как интеллектуальная оценка социального характера»³³.

Объективный характер оценки, содержащейся в терминах общественных наук, приводит в ряде случаев к построению целых терминосистем, описывающих одну и ту же или близкие области знания и различающихся с формальной точки зрения. Так, в экономической литературе ГДР термины *Verteilung* 'распределение', *Betrieb* 'предприятие' применяются для обозначения явлений социалистической экономики, а термины *Distribution*, *Unternehmer* — для обозначения аналогичных явлений капиталистической экономики³⁴. Однако эта тенденция не может быть реализована полностью ни для одной области знания в силу того, что значительная часть терминов, в том числе и терминов общественных наук, тяготеет к нейтральности³⁵.

Еще один специфический признак терминов общественных наук — наличие среди них значительного количества ложномотивированных терминов, т. е. таких лексических единиц, внутренняя форма которых не соответствует их семантике, в данном случае выражаемым ими понятиям. Вообще говоря, имеется четыре основных причины появления ложномотивированных терминов. Первая состоит в углублении нашего познания, при котором признак, положенный в основу наименования, оказывается неверным (хрестоматийный пример — термин *атом*, что значит 'неделимый'). Вторая причина заключается в изменении признаков объекта, названного данным термином, при сохранении самого термина (парикмахер теперь не делает париков, но термин *парикмахер* остается в языке). Третья причина связана с переносом наименования с одного объекта на другой

³³ Там же, с. 14—15.

³⁴ Там же, с. 19. — Ср. также: Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык — идеология — общество. М., 1979, с. 258—281.

³⁵ Напротив, общественно-политическая лексика, используемая в публицистическом стиле, изобилует эмоциональными, оценочными единицами. Так, при отрицательном отношении к явлениям общественной жизни поездка будет названа *вояжем*, собрание или митинг *сборищем*, союз *альянсом*, договор — *сговором*, проект — *прожектом*, вожди — *главарями* и т. п. Часть этих примеров заимствована из статьи: Сиротинина О. Б. В чем лексическое своеобразие публицистического стиля? — В кн.: Лексика, терминология, стили, вып. 6. Горький, 1977, с. 100—102 (дается их анализ).

при сохранении этимологии термина и утере его мотивации, например, *чувствительность (системы к помехам и воздействиям)*. Четвертая причина — стремление к дезинформации, сокрытию подлинной сущности явления (*общество потребления* для обозначения капитализма)³⁶.

Легко увидеть, что три последние причины появления ложномотивированных терминов имеют самое непосредственное отношение к общественным наукам. Апологеты капитализма, будь то политические деятели или ученые-философы и экономисты, создают термины, внутренняя форма которых, соответствуя их теориям, не соответствует содержанию выражаемых понятий. «Подобно тому, как Мах и Авенариус, изобретя словечко „элемент“, ребячески полагали, что „выдумкой нового словечка можно отделаться от основных философских направлений“ (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 51), так и Р. Арон, сочинив термин „единое индустриальное общество“, пытался с его помощью стереть противоположность социальной природы социализма и капитализма, снять конфликт между ними. Социализм и капитализм были представлены в этой концепции двумя „модальностями“ одного рода — индустриального общества... Очередной словесной фикцией, призванной устранить понятие „классы“ и соответственно идеологически замаскировать факт классово́й борьбы в системе государственно-монополистического капитализма, явилась и терминологическая пустышка „постиндустриальное общество“»³⁷. В сфере политических и в целом общественных терминов правильная или ложная мотивация не выступает на первый план, если известно содержание понятия. Достаточно взять эти термины в кавычки, чем подчеркивается несоответствие формы и содержания, и термин может использоваться как сторонниками, так и противниками теории или концепции, в которой эти термины фигурируют.

Таковы некоторые особенности терминов общественных наук, сопоставляющие их с терминами естественных

³⁶ Подробнее см.: *Лейчик В. М.* Методические принципы перевода ложномотивированных терминов. — В кн.: Зональная конференция «Вопросы качества научно-технического перевода», 11—13 дек. 1978 г. Тезисы докладов и сообщений. Челябинск, 1978, с. 34—36.

³⁷ *Садовский Г.* Логика революционного мышления и классовый подход в логике. — *Коммунист*, 1979, № 11, с. 66—67.

и технических наук или противопоставляющие их этим терминам. Все эти особенности нужно иметь в виду при переводе текстов по общественной тематике с одного языка на другой.

ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ОБЩЕПОТРЕБИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Т. П. Омеляненко

В связи с ростом пласта терминологической лексики, вызванного развитием науки, техники и производства, постоянно увеличивается число работ, в которых рассматриваются особенности терминологической лексики вообще, а также отдельных терминосистем в сравнении с общеупотребительной лексикой и другими терминосистемами. Изучается широкий круг проблем, связанных с определением термина, критериями выделения терминов, исследуются лингвистические характеристики терминов. Большинство имеющихся работ посвящено синхронному изучению терминологической лексики, что определяется насущными интересами постоянно развивающейся науки и техники. Однако не подлежит сомнению и то, что крайне важно изучать терминологию в ее историческом развитии, поскольку «опыт прошлого дает нам „рациональное зерно“ для работы сегодня»¹, а также углубляет наши знания о развитии языка. Диахронное исследование, в частности, позволяет выявить некоторые закономерности лексико-семантического образования терминов, что, без сомнения, важно для упорядочения терминологии. Кроме того, данные такого исследования могут быть интересны потому, что позволяют вскрыть динамику процесса терминологизации общеупотребительных слов в истории языка.

Работы, рассматривающие становление терминологических систем, показали, что одним из основных источ-

¹ Бархударов С. Г. О значении и задачах научных исследований в области терминологии. — В кн.: Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970, с. 10.

ников образования терминов является общеупотребительная лексика². У обиходных слов развиваются значения, которые можно отнести к терминам той или иной области науки, техники или производства. Следует отметить, что лексико-семантический способ образования терминов характерен как для ранних этапов развития терминологической лексики, так и для настоящего времени. П. Я. Черных отмечает, что нет такого древнего производства, первичная терминология которого не содержала бы терминов лексико-семантического происхождения³.

Однако замечено, что не все слова обиходной лексики образуют терминологические значения, а те, которые образуют, неодинаково активны в терминообразовании. Как указывает В. И. Прохорова, наибольшую активность в этом отношении проявляют группы слов, обозначающих части тела человека и животных, постройки и их части, предметы домашнего обихода и одежды⁴. Именно такие слова были базой для создания терминов на самых ранних этапах развития техники и ремесел. Теперь эти слова относятся к так называемой общетехнической системе терминов или терминологии. Например: *leg* 1. нога; 2. *tex.* косяк; колено; угольник; 3. *эл.* 1) фаза; плечо (трехфазной системы); 2) стержень (магнитопровода); 4. 1) *tex.* сторона шва, прилегающая к основному металлу; 2) катет углового шва (при сварке); *bull* 1. бык; 2. *горн.* забойник; 3. забойщик; *tail* 1. хвост; 2. *tex.* хвостовик (инструмента); 3. *ав.* хвостовое оперение; хвост (самолета или ракеты); 4. хвостовая (концевая) фракция нефтепродукта; *tower* 1. башня; вышка; 2. *tex.* башенная опора; 3. *архит.* пилон; 4. *геодез.* сигнал-вышка; 5. *горн.* башенный копер; *skirt* 1. юбка; 2. *эл.* юбка (поршня, изолятора); 3. *tex.* стакан; полый цилиндр; 4. плитус, борт, фартук; 5. *ав.* кромка (купола парашюта). Изучение семантического развития таких лекси-

² Лотте Д. С. Изменение значений слов как средство образования научно-технической терминологии. М., 1961; Даниленко В. П. О месте научной терминологии в лексической системе языка. — ВЯ, 1976, № 3.

³ Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, с. 9.

⁴ Прохорова В. Н. Тематические группы лексики русского языка и терминообразование. — В кн.: Славянская филология. Изд. МГУ, вып. XI, 1979, с. 41.

ко-семантических групп представляет большой интерес с точки зрения темпов, интенсивности и направленности⁵ процесса терминологизации общеупотребительной лексики в разные исторические периоды развития языка.

Именно это и определило цель данной статьи, которая представляет собой попытку рассмотреть терминологизацию обиходной английской лексики в древне-, средне- и новоанглийский периоды на материале лексико-семантических групп (ЛСГ) названий животных и частей их тела. В статье предполагается определить, насколько распространена терминологизация существительных в исследуемых ЛСГ в современном английском языке, выяснить, когда началась терминологизация исследуемых ЛСГ, какова ее интенсивность и направленность в различные периоды развития английского языка, а также рассмотреть влияние этимологии на терминологизацию исследуемой лексики.

Несмотря на большое количество работ, посвященных вопросам терминологии⁶, еще нет общепринятого определения термина. Как справедливо заметила З. И. Комарова, если подытожить все исследования по терминологии, то можно прийти к выводу, что нет единицы более многоликой, чем термин⁷. Выработка точного и достаточного определения термина затруднена не только сложностью самого понятия, но и неоднородностью терминологической лексики, в которой можно выделить научный, общетехнический, профессиональный слои и, кроме того, собственно термины и номенклатурные обозначения, или номенклатуру. Однако, поскольку в данной статье процесс терминологизации обиходных слов рассматривается лишь в общих чертах, представляется возможным обратить большее внимание не на различие

⁵ Под направленностью терминологизации понимается принадлежность образованных терминологических значений к терминологической лексике какой-либо специальной области.

⁶ *Виноградов В. В.* Русский язык. (Грамматическое учение о слове). М.—Л.: Учпедгиз, 1947; *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. — В кн.: Сборник статей по языковедению. М., 1939, т. 5; *Реформатский А. А.* Что такое термин и терминология. М.: Изд. АН СССР, 1961; *Канделаки Т. Л.* Значение терминов и системы значений научно-технических терминологий. — В кн.: Проблемы языка науки и техники. М.: Наука, 1970.

⁷ *Комарова З. И.* О сущности термина. — В кн.: Термин и слово. Горький, 1979, с. 3.

этих слоев терминологической лексики, а на их общие черты, т. е. на их терминологическую сущность, к какому бы слою они ни принадлежали.

В данной работе принято определение термина, данное Г. О. Винокуром: «В роли термина может выступать всякое слово... термин — это не особое слово, а только слово в особой функции, функции наименования специального предмета или явления»⁸. Таким образом, терминологическим мы считаем такое значение, которое соотносится со специальным понятием, предметом или явлением в области науки, техники, производства и профессиональной деятельности.

Поскольку рассмотрение динамики терминологизации исследуемой лексики предполагает сравнение ее результатов в различные периоды развития языка, то представляется оправданным ввести понятие терминологичности ЛСГ (или этимологической подгруппы), понимаемое как процент терминологических значений в общем числе значений ЛСГ (или этимологической подгруппы), появившихся в определенный исторический период развития исследуемого языка.

Материалом для анализа послужили существительные двух лексико-семантических групп, обозначающих животных (ЛСГ₁) и части тела и органы животных (ЛСГ₂). Выбор именно этих групп определяется их древностью, устойчивостью и продуктивностью. Отбор материала производился методом сплошной выборки по семи томам Большого Оксфордского словаря и двум томам приложения к нему⁹. Рассматривались общеупотребительные многозначные слова, первичные значения которых входят в указанные выше ЛСГ, всего отобрано 301 существительное, 195 из которых вошли в ЛСГ₁, а 106 — в ЛСГ₂.

Анализ показал, что из всех отобранных слов 77 (или 25,5%) имеют как общеупотребительные, так и терминологические значения. Интересно отметить, что исследуемые ЛСГ характеризуются различным процентом слов, подвергшихся терминологизации: так, у названий животных (ЛСГ₁) из 195 существительных 24 развили терминологические значения (12,3%), а у названий ча-

⁸ Винокур Г. О. Указ. соч., с. 5.

⁹ The Oxford English Dictionary on historical principles. Oxford, 1933.

стей тела и органов животных (ЛСГ₂) из 106 действительных терминологических значения имеют 53, что составляет 50%. Это, по-видимому, объясняется различной денотативной соотношенностью исследуемых ЛСГ, выражающейся в разной степени сложности выражаемых понятий и неодинаковой выделяемостью наиболее характерных признаков понятия: части механизмов чаще уподоблялись частям тела животных, чем сами механизмы — животным.

Определив, какая часть исследуемой лексики подверглась терминологизации, перейдем к анализу развития терминологических значений у общеупотребительных слов. Поскольку многозначные слова, не имеющие терминологических значений, не являлись предметом исследования, то представляется возможным условно исключить их из рассматриваемых ЛСГ. Таким образом, в дальнейшем будут анализироваться только слова, имеющие в своей лексико-семантической структуре не менее одного терминологического значения с общим числом значений 1284 (в том числе 320 терминологических, что составляет 24,9%). Из этих слов 24 входят в ЛСГ₁, а 53 — в ЛСГ₂. Кроме того, внутри каждой ЛСГ выделены подгруппы исконных и заимствованных слов, чтобы проследить влияние этимологии слова на его терминологизацию. Распределение слов и значений по ЛСГ и подгруппам, а также терминологичность групп и подгрупп в современном английском языке отражены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, доля заимствованных слов в исследуемых ЛСГ неодинакова. В первой группе из 24 слов (262 значения) 11 слов (83 значения) являются заимствованными. Это составляет 45,8% слов (31,3% значений), т. е. почти половину всех слов ЛСГ₁ или третью часть значений этой группы. Что же касается роли заимствований в образовании терминов, то оказывается, что 38,7% всех терминологических значений в ЛСГ₁ образованы заимствованными словами. Сравнивая терминологичность исконной и заимствованной подгрупп, можно видеть, что в последней она выше на 8,1%.

ЛСГ₂ характеризуется менее высоким процентом заимствований, так как из 53 слов (1022 значения) этой ЛСГ заимствованных слов всего 12 (166 значений), т. е. 22,6% слов или 16,2% значений, что составляет $\frac{1}{5}$ всех слов этой ЛСГ. Заимствованиями образовано всего 19,3% терминологических значений ЛСГ₂, а это вдвое меньше

Таблица 1

Терминологичность исследуемой лексики
в современном английском языке

		Количество слов	То же в %	Количество значений	То же в %	Количество терминоло- гических значений	То же в %	Терминоло- гичность (в %)
ЛСГ ₁	Искон- ные слова	13	54,2	182	68,7	38	61,3	20,8
	Займст- вованные слова	11	45,8	83	31,3	24	38,7	28,9
		24		262		62		23,4
ЛСГ ₂	Искон- ные слова	41	77,4	853	83,8	208	80,7	24,3
	Займст- вованные слова	12	22,6	166	16,2	50	19,3	30
		53		1022		258		25,2
Итого		77		1284		320		24,9

в сравнении с ЛСГ₁. Терминологичность исконных и заимствованных существительных различна и составляет соответственно 24,3% и 30%. Нетрудно заметить, что в обеих ЛСГ терминологичность заимствований выше терминологичности исконных слов.

Итак, сопоставляя ЛСГ₁ и ЛСГ₂ с точки зрения этимологии, можно сделать вывод о том, что заимствований в ЛСГ₁ гораздо больше и они играют более важную роль в процессе терминологизации группы, чем в ЛСГ₂. Общим для обеих групп является то, что для заимствований характерна более высокая терминологичность. Однако разница между терминологичностью заимствованных и исконных слов в ЛСГ₁, составляющая 8,1%, больше в сравнении с ЛСГ₂, где она равна 5,7%.

Говоря о терминологичности исследуемой нами лексики в синхронном плане, следует отметить следующее: общая терминологичность всех 77 существительных со-

ставляет 24,9%, это значит, что четвертая часть всех значений терминологические. ЛСГ₁ и ЛСГ₂ характеризуются разной терминологичностью: 23,4% и 25,2% соответственно. Следовательно, ЛСГ₂ имеет более высокую терминологичность.

Охарактеризовав терминологичность исследуемых существительных в современном английском языке, перейдем к рассмотрению процесса терминологизации в различные периоды истории развития этого языка.

В древнеанглийском периоде ЛСГ₁ состояла из 14 слов, из которых десять были исконными (bear, sock, dog, duck, fish, fox, frog, goose horse, mouse) и четыре заимствованными (camel, crab, lion, mule). У исконных существительных насчитывалось 14 значений, так как слова horse и mouse были неоднозначными, терминологические значения у них отсутствовали.

У заимствованных четырех слов было пять значений. Слово crab имело два значения, второе из которых — название зодиакального созвездия — может быть отнесено к астрономической области. Отсюда можно было бы заключить, что терминологичность заимствований в ЛСГ₁ составила 20% в древнеанглийский период и началась раньше в сравнении с подгруппой исконных слов, однако следует заметить, что этот вывод справедлив только в отношении исследованной лексики, поскольку состав подгрупп невелик и каждое значение составляет довольно большой процент всех значений в подгруппе.

В ЛСГ₂ в древнеанглийский период насчитывалось 27 существительных: 26 исконных (85 значений) и одно заимствованное слово agn, имевшее два значения. Большинство исконных существительных были многозначными, некоторые из них имели четыре и более значений (foot, head, heart, horn), но всего лишь два слова образуют по одному терминологическому значению: *foot* 1. *стих.* стопа; 2. *horn архит.* бельведер. Терминологичность этой подгруппы составила 2,3%, а заимствование agn не имело терминологических значений, следовательно, в целом по ЛСГ₂ терминологичность равна 2,2%.

Таким образом, в древнеанглийском периоде терминологизация исконных существительных в ЛСГ₁ не обнаружена, а в ЛСГ₂ терминологичность составляет всего 2,3%, несмотря на многозначность большинства существительных. У заимствованных слов лишь одно слово из ЛСГ₁ имеет терминологическое значение, что состав-

ляет 20% от общего числа значений в подгруппе. Терминологические значения в ЛСГ₁ относятся к астрономии, а в ЛСГ₂ — к архитектуре и стихосложению.

В среднеанглийский период ЛСГ₁ состояла из 18 слов, так как к подгруппе исконных слов добавилось *bull*, а к подгруппе заимствований добавились *crocodile*, *maskerel*, *lizzard*. У исконных слов в этот период появилось 30 значений, из которых два были терминологическими: *bear астр.* название зодиакального созвездия; *dog tex.* название различных механических устройств для зажима или захвата. Таким образом, терминологичность этой подгруппы в среднеанглийском периоде составляла 6,6%. В подгруппе заимствований появилось девять значений, одно из которых является терминологическим: *lion астр.* название созвездия и знака зодиака. Следовательно, терминологичность подгруппы равна 11,1%.

Таким образом, в среднеанглийском периоде в ЛСГ₁ началась терминологизация исконных существительных, а также продолжалось и увеличивалось образование терминологических значений у заимствованных слов, терминологичность которых почти вдвое выше, чем у исконных (см. табл. 2). Терминологичность всей ЛСГ₁ в этот период составляет 7,6%. Направленность терминологизации астрономическая и общетехническая.

В ЛСГ₂ в среднеанглийский период насчитывалось 28 исконных и семь заимствованных слов. У первых появилось 133 значения, из которых 14 терминологических, что составляет 10,5%. Терминологические значения образовались у девяти слов, причем некоторые слова имеют более чем одно такое значение. Например, *head* 1. *охот.*, геральд. оленьи рога; 2. *астрол.* начало знака зодиака; *кпее* 1. *мор.* кусок дерева, изогнутый под прямым углом, служащий для прочного соединения частей корабля; 2. *мор.* изогнутый кусок железа, служащий той же цели; *comb* 1. *текст.* чесальная машина; 2. *верх.* езда скребница; *body* 1. *архит.* главный корабль церкви; 2. *юр.* юридическое лицо.

У заимствованных существительных ЛСГ₂ семь слов дали 29 значений, три из которых терминологические: *face астрол.* начальная часть обозначения зодиака, распространяющаяся на 10 градусов долготы; *crest* 1. *геральд.* условный знак на шляпе; 2. *архит.* облицовка из камня. Терминологичность этой подгруппы составляет 10,3%, что несколько ниже терминологичности исконной

подгруппы (10,5%). В целом же по всей ЛСГ₂ терминологичность равна 10,4%.

Итак, в среднеанглийский период терминологизация исконных существительных усилилась по сравнению с древнеанглийским периодом почти в пять раз. У заимствованных слов этой ЛСГ терминологизация началась лишь в среднеанглийский период, однако терминологичность подгруппы была почти такая же, как и у исконных слов, т. е. процесс терминологизации у заимствований протекал интенсивнее. Эта же тенденция наблюдалась и в ЛСГ₁, где терминологичность заимствований в 1,5 раза выше, чем у исконных. Сравнивая терминологизацию ЛСГ₁ и ЛСГ₂, можно заключить, что терминологичность первой группы увеличилась по сравнению с предыдущим периодом на 2,4%, а второй — на 8,2%. Это свидетельствует о более быстрых темпах терминологизации ЛСГ₂.

Направленность терминологизации в исследуемых группах в среднеанглийском периоде, как и в древнеанглийском, не совпадает. Терминологические значения ЛСГ₁ относятся к астрономической (75%) и технической (25%) областям, тогда как терминологическая направленность ЛСГ₂ более разнообразна, особенно в подгруппе исконных слов. Появившиеся в среднеанглийском периоде значения относятся к морской (12,5%), технической, астрологической, охотничьей (по 6,2%) и другим специальным областям. У заимствованных слов основными областями являются архитектура, астрология и геральдика (примерно по 3,4%).

В новоанглийском периоде терминологизация употребительных слов значительно усиливается. В связи с бурным развитием науки, техники и производства происходит так называемый «терминологический взрыв», который прослеживается и в исследуемых группах лексики. В этот период ЛСГ₁ пополнилась 138 значениями, из которых 36 терминологических, т. е. терминологичность составляет 28%, тогда как за два предыдущих периода в общей сложности появилось 58 значений и терминологичность группы в древне- и среднеанглийский периоды составляла 5,2% и 7,6% соответственно.

В подгруппе исконных слов, которая осталась такой же по своему составу, как и в среднеанглийском периоде, терминологичность составляет 26%. Наиболее активными в лексико-семантическом термиинообразовании являются слова *sock* (7 терминологических значений),

horse и mouse (по 5 терминологических значений). Появившиеся терминологические значения относятся более чем к 15 различным специальным сферам деятельности. У некоторых слов появившиеся значения относятся к одной и той же специальной области, но не являются синонимами, например, *horse мор.* 1. веревка, протянутая под реей, на которой стоят матросы, управляя парусами; 2. направляющая паруса; 3. леер для постановки косых парусов; 4. такелаж, т. е. различные веревки, используемые для поддерживания или направления; 5. горизонтальная балка из железа или дерева, используемая для блокировки шкотов косого паруса.

Подгруппа заимствований в ЛСГ₁ увеличилась на четыре слова (*alligator, алпаса, giraffe, monkey*) и составила 11 слов, у которых появилось 69 значений, в том числе 22 терминологических, что составляет 31,8%. Особенно много терминологических значений имеется у слов *mule* и *monkey*: *mule* 1. *текст.* прядильная машина периодического действия, мюль-машина; 2. *мор.* лодка, объединяющая свойства плоскодонки и шлюпки; 3. *тех.* толкач, тягач; 4. *пумизм.* монета, лицевая и обратная стороны которой одинаковы; 5. *тех.* различные механизмы гибридного типа; *monkey* 1. *архит., тех. мор.* баба для забивания свай; 2. *горн.* вентиляционный ходок; копровая баба; 3. *тех.* тележка подъемного крана; клещевой захват; 4. *воен.* вид пушки; 5. *охот.* фляжка, термос; 6. *тех.* раствор хлорида цинка, используемый в качестве разжигателя при паянии.

Рассматривая направленность терминологизации ЛСГ₁ в новоанглийский период, можно обнаружить, что наибольшее число терминологических значений обеих подгрупп относится к общетехнической области. Что же касается других областей применения терминологических значений, то они характерны в различной степени для исконных и заимствованных подгрупп. Исконные терминологические значения чаще всего относятся к общетехнической (31%), морской (21%), астрономической (13%), спортивной (7,8%) областям, а заимствованные — к общетехнической (29%), горной (12,5%), астрономической и морской (по 8,9%).

ЛСГ₂ в этот же исторический период была особенно продуктивной в образовании новых общеупотребительных и терминологических значений. Появилось 773 общеупотребительных и 239 терминологических значений,

тогда как за два предыдущих периода появилось всего 226 общеупотребительных значений и 21 терминологическое. Терминологичность ЛСГ₂ в новоанглийский период составляет 30,9% по сравнению с 2,2% и 10,4% в древне- и среднеанглийский периоды.

Подгруппа исконных существительных ЛСГ₂ насчитывает 41 слово, у которых в этот период появилось 856 значений. Терминологичность ее равна 30%. Большинство слов этой подгруппы имеет более трех терминологических значений, а такие слова, как *body*, *eye*, *foot*, *horn*, *leg*, имеют их более десяти. Появившиеся в новоанглийский период терминологические значения вошли в имевшиеся еще в прежние периоды системы терминов, такие как общетехническая (13,7%), морская (10%), архитектурная (9%), а также в новые терминологии: зоологическую (3,7%)¹⁰, автомобильную, авиационную (по 2,9%), электротехническую (2%) и др. Так, слово *horn*, помимо прочих терминологических значений, приобрело следующие: 1. *эл.* рог разрядника; 2. *ав.* короткий штырь на рулевой плоскости, к которому крепится трос управления; 3. *ав.* часть элерона или другой рулевой поверхности, выступающая поперек оси вращения и служащая для улучшения равновесия поверхности. Наибольшее число терминологических значений исконной подгруппы ЛСГ₂ относится к общетехнической терминологии (13,7%), затем идут морская (10%), архитектурная (9%) и горная (6%) и др.

Заемствованные слова этой ЛСГ менее многозначны по сравнению с исконными, однако терминологичность подгруппы заимствований выше и составляет 34,8%. Следует отметить, что эта подгруппа отличается от всех прочих подгрупп направленностью терминологизации. Самое большое количество терминологических значений относится к архитектурной и ботанической терминологиям (по 9,8%), затем идут военная (7,9%) и общетехническая (5,7%). Во всех других подгруппах исследуемой лексики наибольшее количество терминологических значений относится к общетехнической терминологии (ЛСГ₁ у исконных 31%, у заимствованных 29%, в ЛСГ₂ у исконных 13,7%).

¹⁰ Зоологическая и ботаническая терминологии регистрируются в словарях лишь с XVIII в.

В новоанглийский период появились и терминологические значения иного качества: они стали более абстракт-

Таблица 2

Динамика терминологизации исследуемых ЛСГ (в %)

		Терминологичность					
		древнеанглийский период		среднеанглийский период		новоанглийский период	
ЛСГ ₁	Исконные слова	5,2	0	7,6	6,6	28	26
	Займствованные слова		20		11,1		31,8
ЛСГ ₂	Исконные слова	2,2	2,3	10,4	10,5	30,9	30
	Займствованные слова		0		10,3		34,8

ными. Например: *foot* — 1. *горн.* мера измерения каменноугольного газа; 2. *ювелир.* мера измерения драгоценных камней. Термины с высокой степенью абстракции обнаружены не были, что, видимо, объясняется конкретностью денотации существительных исследуемых ЛСГ, которая и определила общетехническую направленность их терминологизации.

Сопоставляя развитие терминологических значений у исконных и заимствованных слов, следует отметить, что почти во все исторические периоды развития английского языка подгруппы заимствований имели несколько более высокую терминологичность (исключая ЛСГ₂ в среднеанглийский период). Это хорошо видно из табл. 2.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

Процесс терминологизации охватил примерно четвертую часть исследуемой лексики и имеет важное значение для рассматриваемых ЛСГ. Эти группы подверглись терминологизации в различной степени: в ЛСГ₁ терминологические значения развили 12,3% слов, а в ЛСГ₂ — 50%.

Терминологизация существительных ЛСГ₁ и ЛСГ₂ началась еще в древнеанглийский период и протекала не-

одинаково. Если в древнеанглийском периоде терминологичность ЛСГ₁ была несколько выше в сравнении с ЛСГ₂, то все последующие периоды развития ЛСГ₂ характеризуется большей интенсивностью процесса терминологизации, а значит и большей терминологичностью. Направленность терминологизации у обеих исследуемых групп в основном общетехническая, однако перечень других специальных областей у ЛСГ₁ и ЛСГ₂ различен.

Сопоставление исследуемой лексики в этимологических подгруппах показало, что терминологизация заимствований имеет свои особенности в сравнении с терминологизацией исконных слов. В ЛСГ₁ терминологизация заимствований началась раньше, чем у исконных, а в ЛСГ₂ — позже. Процесс образования терминологических значений у заимствованных слов происходил интенсивнее во все периоды развития английского языка, что доказывается более высокой терминологичностью подгрупп заимствований в сравнении с исконными словами. Подгруппы заимствований имеют различия в направленности терминологизации, что особенно заметно в ЛСГ₂, где эта направленность отличается не только от направленности исконных существительных, но и от заимствований ЛСГ₁.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРЫ, СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Т. К. Караулова

Предметом исследования, изложенного в данной статье, являются структурно-семантические особенности устойчивых словесных комплексов, функционирующих в текстах научных лингвистических произведений. Устойчивые словесные комплексы представляют собой микросистему средств, которые определяют основные характеристики языка научной лингвистической литературы.

Как и любой текст научного стиля, лингвистический текст характеризуется прежде всего логичностью изложения, подчеркнутую специальными средствами. Общеизвестно, что логическая строгость, объективность, последо-

вательность и точность — свойства, которые считаются идеалом научной прозы¹. Отсутствие непосредственного контакта между автором и читателем порождает требование повышенной точности и аргументированности изложения. Научный текст характеризуется не просто логичностью изложения как таковой, но логичностью эксплицитно выраженной, подчеркнутой специальными средствами, в первую очередь языковыми. Это касается как лексических, так и синтаксических особенностей языка научного изложения. При отборе языковых средств в научном тексте автор должен учитывать и то, что им необходимо ввести получателя информации в лабораторию мышления отправителя, шаг за шагом раскрывая ход его мыслей и таким образом способствуя на каждом этапе изложения «смышлению» получателя информации и ее отправителя².

Специфика языка научной литературы заключается в том, что он должен адекватно передавать реальное соотношение вещей и явлений, и это безусловно требует специфического отбора языковых средств. Такой отбор осуществляется за счет терминологии и в еще большей степени за счет большого количества устойчивых сочетаний³.

Изучение свойств устойчивых словесных комплексов в языке английской научной литературы дает возможность исследовать их структурно-семантические особенности, помогает выявить закономерности использования этих единиц в научном тексте и глубже познать природу научного стиля.

Устойчивые словесные комплексы, функционирующие в лингвистических текстах, неоднородны по структурным и по семантическим характеристикам. Их можно распределить по классам и разрядам, исходя из различия структурно-семантических характеристик исследуемых единиц. Предварительный анализ корпуса устойчивых словесных комплексов, интенсивно функционирующих

¹ *Разинкина Н. М.* Стилистика английской научной речи. М., 1972, с. 28.

² *Троянская Е. С.* К общей концепции понимания функциональных стилей. — В кн.: Особенности стиля научного изложения. М.: Наука, 1976, с. 42.

³ *Воробьева М. Б.* К вопросу об устойчивых сочетаниях в языке научной прозы. — В кн.: Преподавание иностранных языков. Теория и практика. М.: Наука, 1971, с. 74.

в лингвистических научных текстах, дает возможность выделить две основные группы устойчивых единиц: фразеоматические сочетания и рекуррентные сочетания.

Основанием для выделения этих двух групп устойчивых словесных комплексов являлись различия в степени устойчивости, частотности и традиционности употребления, а также зависимость от типа текста, в котором функционирует тот или иной вид устойчивого комплекса. Естественно предположить, что указанные параметры послужат основанием как для выделения основных структурно-семантических характеристик рассматриваемых нами двух видов устойчивых словесных комплексов, фразеоматических сочетаний и рекуррентных сочетаний, так и особенностей их функционирования в научном тексте.

Основные теоретические положения, из которых мы исходили при решении поставленных задач, следующие:

1) выделение тех или иных типов устойчивых сочетаний слов, не являющихся фразеологизмами, зависит от того, как понимать фразеологическую единицу⁴. Под фразеологизмами понимают устойчивые словесные комплексы различных структурных типов с единичным сцеплением компонентов, значение которых возникает в результате полного или частичного семантического преобразования компонентного состава⁵. Они включают как собственно фразеологические единицы, так и устойчивые сочетания нефразеологического характера, т. е. фразеоматические сочетания (по терминологии А. В. Кунина);

2) устойчивые словесные комплексы нефразеологического характера составляют многочисленную и неоднородную группу, своеобразие лингвистических свойств которой представляет собой недостаточно изученную область устойчивого фонда современного английского языка;

3) частотность словосочетаний в тексте, которая рассматривается не просто как связь понятий, а привычная связь понятий, коррелирует с устойчивостью. О существовании подобной корреляции свидетельствует то, что именно частотность может быть положена в основу разделения устойчивых и неустойчивых словосочетаний⁶;

⁴ Кунин А. В. Английская фразеология. М., 1970, с. 217.

⁵ Чернышева И. И. Фразеология современного немецкого языка. М., 1970, с. 29.

⁶ Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977, с. 205.

4) устойчивость словосочетаний является текстовой характеристикой, так как выбор слов, определяющий появление готовых словосочетаний в тексте, а также редко встречающихся сочетаний для обозначения внеязыковых ситуаций, зависит от коммуникативного задания текста⁷.

Материалом для анализа послужила английская и американская лингвистическая литература. Анализ 24 528 стр. лингвистической научной литературы дал возможность выделить 950 языковых единиц, включающих фразеоматические и рекуррентные сочетания, интенсивно функционирующих в научном тексте, различных по своим структурно-семантическим моделям⁸. Собственно фразеологические единицы, имеющие весьма низкую частотность употребления в научном тексте, не рассматривались.

Основными методами исследования являлись количественные подсчеты для установления частотности фразеоматических сочетаний и рекуррентных сочетаний и метод элиминации, заключающийся в опущении языковых единиц с целью установления эффекта нормативных окказиональных изменений изучаемых единиц в тексте.

Представляется необходимым дифференцировать основные характеристики фразеоматических сочетаний и рекуррентных сочетаний в научном тексте.

Фразеоматическое сочетание определяется как сочетание двух или более полнозначных слов, в котором один из компонентов выступает в связанном значении, а сумма значений компонентов осложняется комплексом дополнительных семантических свойств, ведущих к фразеоматической устойчивости данного сочетания⁹.

Фразеоматические сочетания являются кодифицированными языковыми единицами, которые фиксируются лексикографическими источниками, характеризуются полифункциональностью и как готовые единицы могут

⁷ *Беляевская Е. И.* Устойчивость словосочетаний и структура текста в английском языке. — Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, 1979, вып. 145, с. 110.

⁸ Модель, вслед за М. Д. Степановой, понимается как постоянная выкристаллизовавшаяся в языке структура, связанная с тем или иным обобщенным значением и способная наполняться различным лексическим материалом (*Степанова М. Д.* Грамматическое моделирование. — Ин. яз. в школе, 1963, № 3, с. 3).

⁹ *Уралова Л. А.* Компликативность фразеоматических сочетаний. — Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца, 1978, вып. 131, с. 146.

функционировать в разных типах текстов, например: to come to an agreement, to pay a visit, to make an attempt.

Рекуррентные сочетания¹⁰ не являются кодифицированными единицами, но они присущи текстам всех типов. Они проявляют известную устойчивость в определенном функциональном стиле и, следовательно, в определенном типе текста, т. е. являются монофункциональными единицами. Устойчивость зависит и от традиционности сочетания в определенном типе текста, его релевантности и повторяемости в этом типе текста. Как отмечалось лингвистами, основной экстралингвистической причиной повторяемости языковых комплексов является типичность обозначаемых ими предметных или предметно-речевых ситуаций¹¹.

Таким образом, можно говорить о том, что фразеоматические сочетания не имеют функционально-стилистического ограничения, в то время как каждый функциональный стиль имеет свою номенклатуру рекуррентных сочетаний.

Необходимо отметить и такую характеристику фразеоматических сочетаний, как серийная сочетаемость. Серийная сочетаемость поддерживается типовым значением переменных членов, и все сочетание распадается на две части: константную и переменную, где состав переменных членов ограничен типовым значением. В этой связи важным становится такое свойство сочетаний, как непереосмысленность значения и возможность моделирования по ограниченной структурно-семантической модели.

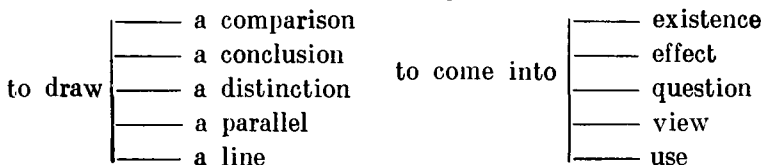
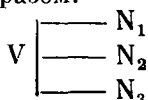
Рассмотрим основные синтактико-семантические особенности выделенных моделей этих сочетаний.

Самую многочисленную группу составляют устойчивые глагольные комплексы. С точки зрения структурной организации, среди них можно выделить комплексы, в составе которых имеется предлог (модель V+prep.+N): to arrive at a decision, to bring into contact, to get into contact, to come to life, и сочетания, в составе которых нет предлога (модель V+N), например: to take a resolution, to make an attempt, to pass a rule и др. Как неодно-

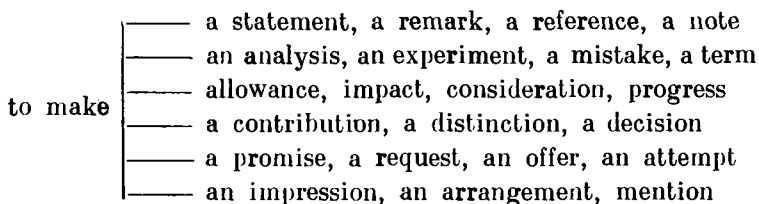
¹⁰ Термин заимствован у Н. Н. Никитиной (*Никитина Н. Н.* Рекуррентные синтагмы структурного типа «прил.+сущ.» в современном английском диалоге. Автореф. канд. дис. Калинин, 1969, с. 2).

¹¹ *Райхштейн А. Д.* Немецкие устойчивые фразы и устойчивые предикативные единицы. Докт. дис. М., 1974, с. 14.

кратно отмечалось, выбор модели зависит от характера исследуемого материала¹², который детерминирует второй член устойчивого словесного комплекса и способствует созданию пучка сочетаемости для моделирующего элемента (в данном случае — глагола). Представим это графически следующим образом:

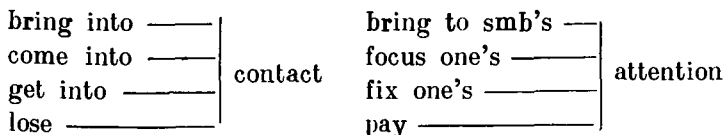

Самый разветвленный пучок сочетаемости в нашем материале дал глагол *to make*:

Фактический материал исследования подтверждает теоретическое предположение о том, что любой язык должен допускать безграничные возможности сочетания слов, однако в тех рамках, которые диктуются познавательной ценностью высказывания¹³.

Анализ материала показал, что моделирующим элементом для устойчивых словесных комплексов этого типа может быть не только глагол, но и существительное, например:

¹² Ревзин И. И. Модели языка. М., 1962, с. 15.

¹³ Колшанский Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте. — В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976, с. 21.

Вполне очевидно, что характер исследуемого материала, научной лингвистической литературы в частности, накладывает отпечаток на структуру, семантику и особенности использования языковых единиц. Из анализа материала видна высокая степень близости значений и синонимичность, проявленная глагольными устойчивыми комплексами, например: to keep in mind — to bear in mind, to convey an idea — to give an idea, to deliver a speech — to make a speech, to make a resolution — to take a resolution, to take a decision — to adopt a decision, to play a part — to play a role.

Материал исследования также демонстрирует интенсивное функционирование в научном тексте не одного отдельно взятого комплекса, а группы близких по семантике комплексов, которые в отдельных случаях вступают в синонимические отношения, например: to take part in — to have a part in — to have a share in; to place emphasis on — to lay emphasis on — to lay stress on — to lay weight on; to attract smb's attention — to direct smb's attention — to draw smb's attention — to call smb's attention.

Устойчивые глагольные комплексы рассматриваемых структурных моделей проявляют как однотипность в отношении синтаксической и семантической структур, так и различие в синтаксической структуре при сохранении семантической близости, например: to take effect — to come into effect, to reach a conclusion — to come to a conclusion, to take a decision — to come to a decision, to come to an agreement — to make an agreement.

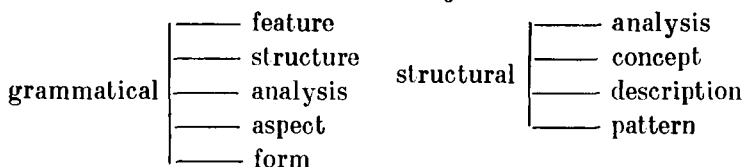
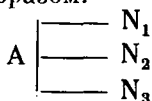
Кроме семантической близости и синонимичности в устойчивых словесных комплексах структурных моделей V + N и V₁ + prep. + N наблюдаются и антонимические отношения, например: to come into use — to fall into disuse, to keep in sight — to lose sight, to attract smb's attention — to distract smb's attention.

Однако следует отметить, что в исследуемом корпусе устойчивых словесных комплексов преобладают синонимические отношения. Таковы основные структурно-семантические характеристики самой многочисленной группы устойчивых словесных комплексов.

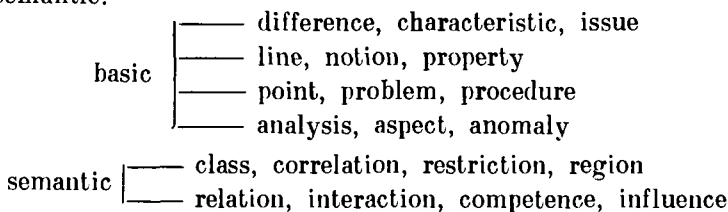
Мы не можем ограничиваться исследованием структурно-семантических особенностей только одного разряда устойчивых словесных комплексов, даже если он является центральным и наиболее специфичным. Это, как считают ученые, не может быть оправданным с точки зрения

функциональной значимости языковых знаков различных типов в общественной коммуникации¹⁴. Перейдем к рассмотрению особенностей устойчивых словесных комплексов структурно-семантической модели А + N.

Как показал анализ материала, моделирующим элементом для устойчивых словесных комплексов этой структуры в большинстве случаев является прилагательное, имеющие широкие валентные связи. Представим это графически следующим образом:

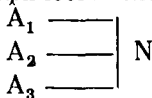

Самые разветвленные пучки сочетаемости в исследованном материале дали моделирующие элементы basic и semantic:

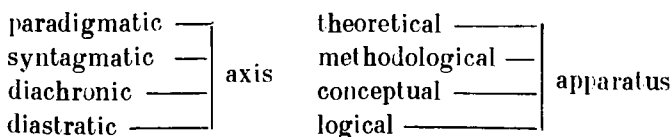

Устойчивые словесные комплексы данной структурной модели могут группироваться и вокруг существительного как моделирующего элемента.

Представим это графически следующим образом:

Например:

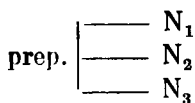

¹⁴ Чернышева И. П. Актуальные проблемы фразеологии. — ВЯ, 1977, № 5, с. 42.

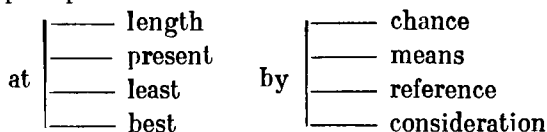
Для устойчивых словесных комплексов данной модели характерно отсутствие прямой корреляции между синтаксической и семантической структурами, значительно меньше имеется синонимических и антонимических сочетаний или они отсутствуют. Особенности этих комплексов можно объяснить, учитывая тот факт, что многие из них являются номенклатурными обозначениями и составными терминами, используемыми для номинации тех или иных объектов внеязыковой действительности. Свойство терминологичности, присущее словесным комплексам рассматриваемой структурной модели, как раз указывает на устойчивость этих языковых образований. Правильность такого вывода подтверждается специальным исследованием, где терминологичность выделяется как один из критериев устойчивости на фразеоматическом уровне¹⁵.

Изучение семантико-синтаксических особенностей устойчивых словесных комплексов структурных моделей *prep. + N* и *N + prep. + N* в научном тексте показывает, что семантической близости между этими языковыми единицами не наблюдается, например: *in fact, in short, in conclusion, polarity of meaning, rate of change, at least, at present, face to face, side by side, a bulk of vocabulary*.

Устойчивые словесные комплексы модели *prep. + N* группируются вокруг своего моделирующего элемента — предлога, образуя однонаправленные пучки сочетаемости. Представим это графически следующим образом:

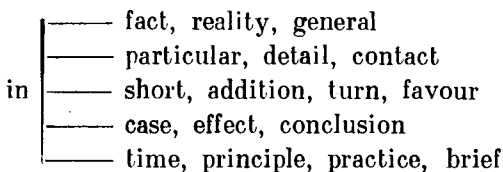

Например:

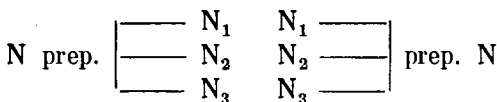

Самый разветвленный пучок сочетаемости дал предлог *in*:

¹⁵ Уралова Л. А. Опыт исследования устойчивости фразеоматических сочетаний (на материале глагольных сочетаний типа *V + N* в современном английском языке). Канд. дис. М., 1979.

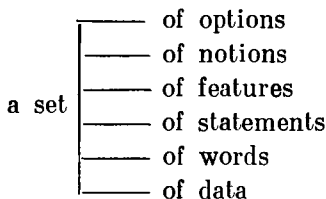
Представляется целесообразным отметить, что устойчивые словесные комплексы структурной модели N + prep. + N, являющиеся в основном рекуррентными словосочетаниями, проявляют способность группироваться либо вокруг первого члена комплекса, либо вокруг второго. Представим это графически следующим образом:

Например:

synonymy of items	loss of words
synonymy of notions	rejection of words
synonymy of words	definition of words

Самый разветвленный пучок сочетаемости для этой модели отмечен с моделирующим элементом set:

Таким образом, исследование материала научной лингвистической литературы дало возможность выделить некоторые структурно-семантические особенности устойчивых словесных комплексов (фразеоматических и рекуррентных сочетаний).

Рассмотрим особенности их функционирования в научном тексте.

Как известно, практика человеческого общения выработала определенные приемы и способы организации языкового материала в соответствии со спецификой научного познания. В научном стиле с его ориентацией на предельную точность и четкость описания, логическая последова-

тельность развертывания научной мысли находит свое выражение в использовании устойчивых языковых средств различных структур, которые способствуют более адекватной передаче научной информации. Необходимо отметить, что разная лингвистическая сущность структурно-семантических типов устойчивых словесных комплексов, выражающаяся прежде всего в особенностях их семантики, их разные функциональные потенции по-разному участвуют в формировании текстовой специфики научного произведения.

Исследование материала показало, что устойчивые словесные комплексы могут быть использованы без изменений, т. е. быть употреблены в своей прескриптивной форме, или могут подвергаться определенным модификациям под воздействием прагматической установки текста.

Как следует из работ по фразеологической стилистике, потенциальная способность фразеологических единиц к разным модификациям базируется на двух основных свойствах: раздельнооформленности и образной основе. В. Л. Дашевская отмечает, что раздельнооформленность в равной мере относится и к фразеоматическим комплексам, но в отличие от фразеологических единиц они не имеют образного переосмысления. Более того, им свойственны некоторые характеристики, присущие клише и штампу. Для фразеоматических комплексов вторым фактором, детерминирующим их потенциальную способность к окказиональным преобразованиям, является характер семантической зависимости между компонентами, который наряду с другими факторами определяет их устойчивость и воспроизводимость в готовом виде¹⁶. Приемы окказиональных изменений устойчивых комплексов можно разделить на две группы: приемы, в результате которых комплекс обновляется за счет нарушения его внутренней сочетаемости, т. е. происходит замена узуального компонента окказиональным, и приемы, в основе которых лежит нарушение внешней сочетаемости всего комплекса или одного из его компонентов¹⁷.

Рассматривая приемы, основанные на нарушении внешних связей комплекса или одного из его компонентов, следует прежде всего остановиться на приеме вклю-

¹⁶ Дашевская В. Л. Окказиональные преобразования глагольных фразеоматических комплексов. — Сб. науч. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, вып. 168, 1980, с. 94.

¹⁷ Там же, с. 94.

нпвания. Известно, что он является одним из наиболее распространенных приемов окказиональных стилистических трансформаций. Он уточняет, усиливает или ослабляет значение комплекса, не нарушая его тождества. Не менее известно и то, что фразеоматические комплексы допускают нормативное расширение компонентного состава комплекса. Например: *to make a contribution — to make a fitting contribution, to exert an influence — to exert a powerful influence, to make a distinction — to make a clear distinction.*

Во фразеоматических комплексах разных структурных типов нормативное расширение обычно сводится к включению прилагательного, уточняющего именной компонент и акцентирующего его актуализацию в контексте.

Из анализа исследуемого материала следует, что вклинивание в научном тексте — явление распространенное и носит нормативный характер. Более того, оно детерминировано спецификой научного изложения. Сам устойчивый комплекс, которому свойственна логичность и четкость выражения, нуждается в уточнении и пояснении, чтобы не нарушались основные параметры научного стиля. Наш материал показал, что вклинивание в научном тексте может иметь уточняюще-конкретизирующий и оценочный характер. Приведем несколько примеров: *The existence of border-line cases must not, however, obscure the basic principles: the need to keep description and history scrupulously apart in etymological studies, since the two approaches may yield diametrically opposite and irreconcilable results* (S. U., 34).

В данном абзаце присутствие элементов вклинивания *diametrically, opposite, irreconcilable* диктуется смыслом всего высказывания, заданного автором. В этом легко убедиться, если исключить элементы вклинивания из состава комплекса. Смысл высказывания изменится, так как нарушается прагматическая установка — показать необходимость соблюдения различных подходов к материалам этимологических исследований, иначе результаты будут иметь диаметрально противоположный характер. Кроме того, благодаря вклиниванию компонент *diametrically, irreconcilable* именной компонент *results* уточняется и получает оценку.

В следующем примере вклинивание прилагательных *clear, technical* в комплексе *to make a distinction* уточняет его именной компонент и одновременно оценивает

роль ученого в разработке многих проблем лингвистики: De Saussure was first in many things. He was the first to *make a clear technical distinction* between the historical study of changes in meaning and the synchronical study of signs, words, sentences in our daily life (J. F₁, 17).

Если исключить элементы вклинивания из комплекса, то логическая смысловая связь, которая лежит в основе объяснения ведущей роли Ф. де Соссюра в теоретическом объяснении многих положений языковой действительности, нарушается.

В примере ниже вклинивание прилагательного *powerful* имеет явно выраженный оценочный и усилительный характер: *The broadcasting of carefully prepared scripts in a socially acceptable style of speech will undoubtedly exert powerful influence both ways — both on written composition and spoken style. It is to be hoped that the authorities will exercise their control of the privileged voices of the air in the most catholic spirit* (J. F₂, 51).

Представляется необходимым отметить, что в данном случае исключение вклинивающего прилагательного полностью не меняет смысл высказывания, а лишь снижает его оценочный потенциал.

Использование синонимичных комплексов как с элементами вклинивания, так и без них является частым явлением в пределах одного абзаца, например: *It is not possible to establish systems to comprehend the relevant features of both singular and plural forms, since consonant and vowel terms are not to be placed in the same systems. It is, however, possible to set up two vowel systems characterised as back and front, relatable to consonant elements which may equally be characterised as back and front* (F. P., 141). Использование синонимичного комплекса *to set up systems* развивает и конкретизирует информацию, заданную сочетанием *to establish systems*, что дает автору возможность развернуть информацию от общего к частному в пределах короткого отрезка текста.

Для устойчивых словесных комплексов модели $A+N$ вклинивание элементов носит оценочно-уточняющий характер. Например, вклинивание прилагательного *methodological* в сочетание *basic point* подчеркивает важность и недопустимость игнорирования такого основного показателя, как вариативность при социолингвистическом исследовании процессов речи: *The basic methodological point is to ensure that analysis of non-segmental variability does*

not continue to be ignored or minimised in sociolinguistic investigation of speech; its explanatory power seems to be considerable (D. C., 104).

В устойчивых словесных комплексах типа prep.+N, N+prep.+N вклинивание в подавляющем большинстве случаев носит уточняющий характер. Например: *At a practical level, electronic computers and other mechanical devices have already been applied with good effect to a wide variety of lexical data. At the same time, these new contacts, however valuable, are bound to create problems of communications* (S. U., 7).

Следующий пример интересен тем, что уточняющий характер высказыванию придает вклинивание в модель комплекса двух элементов borrowed и French: *Another noteworthy feature of this later set of borrowed French words is the French mode of pronunciation which persists to some extent in most of them* (G. M., 141). Кроме вклинивания, в научном тексте широко используется добавление переменных компонентов к началу комплексов. Добавление переменных компонентов к началу устойчивых словесных комплексов модели A+N имеет в тексте уточняющий характер. Например: *Notice that it is not sufficient to assign stylistic values to particular lexical entries since stylistic phenomena might very well be the function of the particular semantic and syntactic interaction of the basic elements. In any case, every theory of meaning that tries to incorporate such problems must be based on a systematic account of the problems of cognitive meaning* (J. L., 183).

В рассматриваемом примере двойное добавление компонента particular к началу двух разных сочетаний уточняет значение этих комплексов и способствует более эксплицитному пояснению необходимости систематического учета когнитивного значения при обращении к семантике.

В следующем примере конвергенция двух окказиональных приемов — вклинивания и добавления способствует более четкому отграничению и выделению описываемых в тексте фонетических данных: *It is not, then, to be assumed that there is a limited set of relevant phonic data, all of which are to be allotted, and allotted only once, to one or other of the phonological categories. The statement of exponents is intended solely to justify the linguistic statements through the exponents there is «renewal of connection», establishing contact between the theoretical framework and*

the language events for which the framework was designed (F. P., 173).

Конвергенция двух окказиональных приемов в примере ниже, где добавление прилагательного progressive к началу устойчивого сочетания модели N + prep. + N и одновременное вклинивание двух прилагательных single и stressed имеет целью объяснить и уточнить пути процесса дифтонгизации в языке: The diphthongs of Old French arose in two different ways. Some were «conditioned», that is, formed by the agglutination of two originally separate vowel sounds; some were «spontaneous», the result of the *progressive lengthening* of a *single stressed vowel*, followed by a «segmentation» into two perceptibly different sounds as the tongue failed to hold its first position (W. E., 355).

Как показывают примеры, логика развития научной мысли предопределяет появление элементов вклинивания и добавления в научном тексте, детерминирует использование устойчивых словесных комплексов различных структурно-семантических моделей, влияет на развертывание их функциональных потенций.

Таким образом, нами рассмотрены основные нормативные изменения словесных комплексов, основанные на нарушении их внешних связей или связи одного из компонентов путем вклинивания и добавления. Исследование показало, что устойчивые словесные комплексы различных структурных моделей допускают нормативное расширение компонентного состава, которое имеет в тексте уточняюще-конкретизирующий и оценочный характер.

Рассмотрение структурно-семантических особенностей устойчивых словесных комплексов и специфики их функционирования в языке английской и американской научной лингвистической литературы дает возможность заключить, что устойчивые словесные комплексы, интенсивно функционирующие в научном тексте, включают фразеоматические и рекуррентные сочетания, различные по своим структурно-семантическим моделям, по степени устойчивости и частотности. Фразеоматические сочетания являются кодифицированными единицами языка, они характеризуются высокой степенью устойчивости, частотности, обладают полифункциональностью. Рекуррентные сочетания являются некодифицированными единицами языка, характеризуются меньшей степенью устойчивости, частотности и монофункциональностью.

Научный текст детерминирует моделирующий элемент устойчивого словесного комплекса, что способствует созданию различных видов пучков сочетаемости. Моделирующим элементом для устойчивых словесных комплексов разных структурно-семантических моделей является как первый элемент комплекса, так и второй.

Устойчивые словесные комплексы используются как в прескриптивной форме, так и подвергаются модификациям под воздействием прагматической установки текста. Нормативные преобразования устойчивых словесных комплексов в научном тексте — вклинивание, добавление и конвергенция этих двух приемов — носят уточняюще-конкретизирующий и оценочный характер.

СОКРАЩЕНИЯ

- S. U. — *Ullmann S. Language and style. Collected papers by Stephen Ullmann. Oxford, 1964.*
- J. F.₁ — *Papers in linguistics (1934—1951) by J. R. Firth. London, 1957.*
- J. F.₂ — *The tongues of men and speech. London, 1964.*
- F. P. — *Prosodic analysis by F. R. Palmer. London, 1970.*
- D. C. — *Crystal D. The English tone of voice. Essays in intonation, prosody and paralanguage. London, 1975.*
- G. M. — *English words and their background by George H. Mcknight. New York, 1923.*
- J. L. — *New horizons in linguistics by John Lyons. 1977.*
- W. E. — *The romance languages by W. D. Elcock. London, 1960.*

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ГРУПП ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РЕЧИ

С. М. Костенко

Продолжая рассмотрение вопроса о выборе переводческого эквивалента для отдельного слова, начатое в нашей предыдущей статье¹, мы хотели бы теперь остановиться

¹ *Костенко С. М. К вопросу о переводческих эквивалентах (на материале некоторых русских и английских прилагатель-*

на сравнении особенностей функционирования некоторых прилагательных в общелитературном языке и в научном стиле речи.

Как убедительно свидетельствуют исследования современных отечественных и зарубежных лексикологов, словарный состав любого языка представляет собой очень сложным образом организованную систему, между отдельными элементами которой устанавливаются многообразные ассоциативные связи. «Между единицами языка существуют определенные связи и зависимости, в основе которых лежат признаки, отличающие одно слово от другого. Иначе говоря, каждое данное слово, отличаясь от других слов какими-либо признаками — семантическими, стилистическими и т. п., — связано с этими словами именно тем, что противопоставляется им в семантическом, стилистическом и т. п. плане. Таким образом, словарь языка может рассматриваться как сложная система взаимосвязанных и взаимозависимых единиц, отношения между которыми вскрываются исследованием характеризующих их противопоставлений», — пишет Э. М. Медникова². Все слова распределяются по некоторым семантически объединенным лексическим группам — лексико-семантическим парадигмам. Многозначные слова чаще всего входят одновременно в несколько лексико-семантических парадигм. Внутри одной лексико-семантической парадигмы «слова группируются в соответствии с дополнительными к общему значению признаками, образуя ряды, противопоставленные по этим признакам другим словам или слову»³.

Одной из наиболее частотных лексических групп прилагательных в любом языке являются прилагательные, обозначающие размер в широком смысле слова. По своему значению они подразделяются на прилагательные, характеризующие минимальные размеры, малые размеры, средние размеры, большие размеры и огромные размеры. Набор прилагательных, составляющих каждую из этих подгрупп, зависит прежде всего от того, обозначают ли существительные, которые определяются данными прилагательными, какие-либо материальные объекты или же

ных). — В кн.: Лингвометодические основы преподавания иностранных языков. М.: Наука, 1979, с. 114—135.

² Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. М., 1974, с. 48.

³ Там же, с. 50.

они выражают пространственные, временные, количественные, температурные и другие характеристики (площадь, высоту, длину, ширину, диаметр, период времени, количество, температуру, скорость, давление, напряжение и т. п.). Так, например, для указания на большие размеры материальных объектов в современном английском языке используются прилагательные *large, great, big, massive, heavy, robust, bulky, cumbersome, ample, vast, voluminous, extensive, spacious, capacious, roomy*, в то время как большая величина различных физических параметров характеризуется прилагательными *great, high, strong, intense, heavy, powerful, mighty, violent*.

Аналогичная картина наблюдается и в русском языке: большие размеры материальных объектов обозначаются прилагательными *большой, крупный, массивный, тяжелый, мощный, громоздкий, объемистый, объемный, емкий, обширный, вместительный, поместительный, просторный*, а также предикативным прилагательным *велик*, тогда как для выражения большой величины физических параметров служат прилагательные *большой, высокий, глубокий, сильный, интенсивный, мощный* и предикативное прилагательное *велик*. Даже беглый взгляд на эти два разряда прилагательных показывает, что в большинстве случаев большие размеры материальных объектов, с одной стороны, и большая величина физических характеристик, с другой, выражаются разными словами. Прилагательных, способных обозначать как большие размеры материальных объектов, так и большую величину физических параметров, в обоих языках значительно меньше (это английские прилагательные *large, great, vast* и русские прилагательные *большой, мощный*, а также предикативное прилагательное *велик*)⁴.

Перейдем теперь к подробному семантическому анализу значений этих прилагательных и их функционирования в различных по характеру текстах. Подобный анализ помогает выявить черты сходства и различия между семантически близкими «лексическими полями» сравниваемых языков. По мнению Л. С. Бархударова, «такой сопоставительный анализ тематически сгруппированной

⁴ Английские прилагательные *high, strong, powerful* и русские прилагательные *высокий, глубокий, сильный* в сочетании с предметными существительными указывают не на общие большие размеры материальных объектов, а на их другие параметры или качества.

лексики двух языков может принести большую пользу не только переводчикам, которым он насущно необходим, но и всем изучающим иностранные языки»⁵.

I. Прилагательные, обозначающие большие размеры материальных объектов

По семантике эти прилагательные подразделяются на две подгруппы: а) прилагательные, указывающие на общие большие размеры объекта, и б) прилагательные, характеризующие объекты, отличающиеся большой величиной в одном каком-то отношении.

а) Прилагательные, обозначающие общие большие размеры объекта. Сюда относятся английские прилагательные *large*, *big*, *great* и русские прилагательные *большой*, *крупный*, *велик*. Как утверждают составители англо-русского синонимического словаря, «*large* и *big* используются при описании предметов объективно большой величины. *Great* помимо характеристики величины выражает еще и субъективную положительную или отрицательную эмоциональную оценку предмета речи говорящим; иными словами, для употребления *great* необходимо, чтобы предмет речи поражал наше воображение своими размерами, красотой или безобразием, вызывая в нас чувство удивления, восхищения, страха или протеста и т. п.»⁶ Нам представляется, что это положение не относится к языку научной литературы, где все эти прилагательные могут использоваться при описании различных приборов, механизмов, машин и других предметов, и *great* в этих случаях не имеет никакой дополнительной коннотации по сравнению с *large* и *big*. Ср.: *In building large optical telescopes, the main aim is to achieve a large collecting surface* (Т., 49); *No further major advance in the development of big optical telescopes is probable* (Т., 27); *A typical large instrument is shown on plate 2b* (Т., 9); *The great instruments were smashed in the course of later warfare* (R., 83).

Вместе с тем анализ наиболее типичных контекстов употребления рассматриваемых прилагательных показывает, что, помимо обозначения больших размеров материальных объектов, каждое из них может отмечать некоторые особенности его внешнего вида, формы и т. п.

⁵ Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., 1975, с. 92.

⁶ Англо-русский синонимический словарь. М., 1979, с. 251.

Так, *large* нередко имеет дополнительный оттенок значения 'обладающий большой площадью', 'отличающийся большой вместимостью': The tube was mounted in a *large basin* (SA, 19). *Big* часто подчеркивает большой объем, большую массу или большой вес объекта: Down by the river there was a *big boulder* (D., 71). *Great* явно преобладает в сочетаниях с существительными, обозначающими объекты чрезвычайно большого размера (космические тела, горные хребты, водохранилища): The spiral galaxies all have *great clouds* of gas (P., 118).

Все три прилагательных широко используются в научно-популярной литературе по биологии: Minnie was a *large chimp* (Th., 142); The monkeys were *big beasts* (P., 222); The *great beasts* moved off... (Th., 141). Однако в строго научном стиле речи для характеристики больших размеров животных и растительных организмов чаще всего служит только прилагательное *large*: The Elephants. — *Large animals* of the ungulate type (G., N., 650). Когда большие размеры — постоянный признак данного таксона (вида, рода), употребление прилагательного *large* является обязательным: Gorilla. A *large antropoid ape*, Gorilla gorilla, of forests of equatorial Africa (AD, 653). Если же указание на большие размеры включено непосредственно в видовое название животного, оно выражается прилагательным *great*: *Great blue heron* (*Ardea herodias*); a long-legged water bird... (S., 672). *Great* встречается и в составе различных географических названий: *Great Barrier Reef*, *Great Bear Lake*, *Great Wall* of China.

Все три прилагательных могут использоваться предикативно. *Large* и *big* при таком употреблении выражают физические размеры объекта, причем в биологических текстах глагол-связка *be* иногда опускается, так что предикативное *large* стоит сразу после существительного: Moles. Eyes covered, *foreclaws large* (S., 719). *Great* в предикативной функции обычно говорит не о размерах объекта, а о его социальном или историческом значении: What a democratic man, seeing how *great he is!* (Kr., 326).

Из русских прилагательных, обозначающих большие размеры, наиболее широкой сочетаемостью обладает прилагательное *большой*. Оно встречается во всех стилях речи и может характеризовать самые различные предметы в отношении их площади, массы, объема, вместимости. Достаточно часто мы находим это прилагательное и в специальной биологической литературе в описаниях

различных живых организмов: Даже у *больших мальков* северюги жаберная крышка оставляет свободными дистальные концы бронхионов (Ш., 29). *Большой* может входить в состав видового названия животного: *Большая белая цапля*. — *E. alba* (L.). — Оперение белое. Клюв черный... (И. Ш. 68). Нередко *большой* встречается и в составе географических названий: *Большой Барьерный Риф*, *Большой Енисей*.

Прилагательное *большой* чаще используется атрибутивно, но возможно и предикативное употребление: *Тихий океан — самый большой* (СН., I, 43); *Грудные мышцы большие и сильные* (А., Г., 195).

Краткое прилагательное *велик* по значению близко к прилагательному *большой*, но оно выступает только в предикативной функции: *Особенно велики полушария переднего мозга* (А., Г., 157).

Прилагательное *крупный* характеризует объекты, размеры которых превышают среднюю норму: Для снижения температуры обмотки возбуждения в большинстве *крупных генераторов* применяют специальные меры (Д., Е., И., 113). Ввиду наличия у прилагательного *крупный* этого особого оттенка значения, оно не используется в отношении объектов, для которых такой средней нормы размера не существует. Поэтому в языке художественной литературы, чаще повествующей об индивидуализированных объектах, *крупный* встречается гораздо реже, чем в научном стиле речи, для которого как раз характерна тенденция к обобщению и классификации. Особенно широкое распространение прилагательное *крупный* получило в текстах по биологии при описании различных органов животных и растений, ибо подобное описание, как правило, включает момент сравнения с неким эталоном: *Крупные яйца* этих животных содержат большие количества желтка (Д., Г., 6).

Однако наряду с таким дифференцированным употреблением прилагательных *большой* и *крупный* нередко даже в пределах одного текста мы сталкиваемся с довольно многочисленными случаями их полной взаимозаменяемости в качестве определений к тому или иному существительному. Анализ этих примеров показывает, что никаких существенных различий в оттенках значений прилагательных *большой* и *крупный* здесь не наблюдается, т. е. что эти прилагательные могут выступать как полные синонимы. Ср.: Уменьшилось число жителей *больших горо-*

дов (СН, I, 162). У побережья возникли *крупные города* (СН, I, 132).

Прилагательное *крупный* гораздо чаще, чем прилагательное *большой*, используется в качестве определения при существительных — названиях различных животных и растений, так как тут обычно подразумевается классификация по размерам: Яд *крупных скорпионов* может быть опасным для человека (А., Г., 162). Типично для прилагательного *крупный* употребление в сочетании с названиями таких групп животных и растений, большие размеры которых — постоянный признак данного таксона: Полихитровые — многолетние *крупные мхи* (Т., 91).

Крупный часто используется предикативно: *Зародыш крупный*, цилиндрический (Т., 309). Наряду с полной формой в функции предикативного члена встречается и краткое прилагательное: В почечном канальце *митохондрии* очень *крупны* (А., Г., 286).

Проведенный анализ значений английских и русских прилагательных со значением больших размеров материальных объектов показывает, что в пределах каждого из интересующих нас языков противопоставление друг другу прилагательных этой лексической подгруппы идет по совершенно разным линиям. Так, в английском языке не имеется прилагательного, обозначающего размеры, превышающие обычную среднюю норму, равно как нет и прилагательного, которое использовалось бы только предикативно; в то же время в русском языке не наблюдается тенденции к дифференцированному употреблению прилагательных размера в зависимости от того, характеризуют ли они объекты, отличающиеся большой площадью или большим объемом. Поэтому естественно, что прилагательному *large* в одном контексте соответствует прилагательное *большой*, в другом — прилагательное *крупный*, в третьем — предикативное прилагательное *велик*, а иногда и прилагательные, относящиеся к другим лексическим подгруппам. Точно так же оттенки значения русского прилагательного *большой* в разных контекстах могут передаваться английскими прилагательными *large*, *big*, *great*, *spacious* и др. В связи с этим, как нам представляется, уместнее всего будет рассмотреть сначала возможные русские эквиваленты английских прилагательных *large*, *big* и *great*, а затем провести такое же сопоставление и в отношении русских прилагательных *большой*, *крупный*, *велик* и их английских соответствий.

Прилагательные *large*, *big* и *great*, как в тех случаях, когда они употребляются недифференцированно, так и тогда, когда они подчеркивают те или иные особенности внешнего вида характеризуемого объекта, чаще всего переводятся прилагательным *большой*, которое, как уже отмечалось выше, может сочетаться с существительными — названиями материальных объектов самого различного вида и формы: *A large sheet of cardboard was held in front one of the mirrors* (R., 33) — Перед одним из зеркал поместили *большой лист* картона (P., I, 72); *An experimenter drops a big stone from a 14th story window* (R., 31) — Экспериментатор бросает *большой камень* из окна 14-го этажа (P., I, 70); *There is no life to be seen in the great forests except by chance* (D., 35) — В *больших* тропических *лесах* только случайно можно обнаружить живые существа (Д., 18).

Большой может выступать в качестве русского эквивалента *large*, *big* и *great* и тогда, когда эти последние используются для характеристики различных животных и растений в научно-популярной и художественной литературе: *I saw three large birds* (D., 52) — Я увидел трех *больших птиц* (D., 30); *the ringing cries of the big locusts* (D., 50) — ...звонкое стрекотанье *больших кузнечиков* (Д., 30); *The great clumsy hen...* (D., 159) — *Большая неуклюжая наседка...* (Д., 113). Но если подразумевается классификация живых организмов по размерам, в переводе обычно используется прилагательное *крупный*: *We kept several large animals* (L., 4) — У нас жили несколько *крупных животных* (Л., 15); *Nagana is caused by big game* (Kr., 244) — Нагана распространяется *крупной дичью* (Kr., 206); ...*the larva of the great dragon fly Aeschna* (L., 30) — ...личинка *крупной стрекозы Aeschna* (Л., 30).

В специальной биологической литературе наблюдается явное преобладание прилагательного *large*, русским эквивалентом которого чаще всего служит прилагательное *крупный*: *Subsequently the large cells divide abundantly* (E., 4) — Затем *крупные клетки* активно делятся (Э., 3). Если же большие размеры являются постоянным признаком данного таксона, прилагательному *large* всегда соответствует только прилагательное *крупный*: *Large corvines are endowed with speech in still another sense* (L., 83) — *Крупные врановые* наделены речью совершенно иного рода (Л., 95).

Когда *large* характеризует объекты, обладающие большой площадью или большой вместимостью, его переводческими эквивалентами могут также быть прилагательные *обширный, просторный, вместительный*: *Other large air spaces may arise lysigenously* (E., 188) — Такие же *обширные полости* могут возникать лизигенно' (Э., 171). *I had not brought a really large cage with me* (D., 226) — По-настоящему *вместительной клетки* я не захватил (Д., 328); *The cage was not really large enough* (D., 229) — *Клетка* оказалась недостаточно *просторной* (Д., 331).

Прилагательное *great*, входящее в состав видового названия животного или растения, всегда переводится прилагательным *большой*: *From the children I would get Great palm weevils* (D., 110) — Дети приносили *Больших пальмовых долгоносиков* (Д., 75). Прилагательному *great*, участвующему в образовании географических, археологических и других терминов, соответствуют прилагательные *большой* и *великий*: ... *from the Grenville Limestones of the Great Lakes* (POL, 111) — ... из *гренвильских известняков Большого озера*' (ВЖЗ, 118); ... *after the Great Glaciation*... (POL, 111) — ... после *Великого Оледенения*... (ВЖЗ, 118). Когда *great* характеризует объекты очень большого размера, его русским эквивалентом может быть прилагательное *огромный*: ... *the great celestial globe* (R., 136) — ... *огромный небесный глобус* (Р., II, 118).

Прилагательные *large* и *big* в предикативной функции переводятся прилагательными *большой, крупный* и предикативным прилагательным *велик*: *The embryo is large* (E., 615) — *Зародыш велик* (Э., 628); *The duck was large*... (D., 32) — *Утка была большая*... (Д., 15); *The upper nucleus soon becomes larger than the lower* (M., 128) — *Верхнее ядро становится крупнее* нижнего (M., 126); *The second cave was bigger than the first* (D., 71) — *Вторая пещера оказалась крупнее* первой (Д., 45). Предикативному *great*, которое говорит о назначении объекта, а не о его физических размерах, соответствует предикативное прилагательное *велик*, поскольку помимо обозначения размера оно может указывать на историческое или социальное значение объекта: ... *How great he is*..! (Kr., 326) — ... *Как он велик*..! (Kr., 272).

Перейдем теперь к поиску английских эквивалентов русских прилагательных *большой, крупный, велик*.

Когда *большой* характеризует общие размеры объекта, ему могут соответствовать прилагательные *large, big* и

great. О возможности полной взаимозаменяемости этих английских прилагательных в качестве переводческих эквивалентов прилагательного *большой* свидетельствуют, в частности, многочисленные примеры перевода сочетаний того или иного существительного с прилагательным *большой* сочетаниями соответствующего английского существительного со всеми тремя рассматриваемыми прилагательными: ... образуя *большие молекулы* (ВЖЗ, 53) — ... to form *large molecules* (POL, 47); ... для изменения свойств *большой молекулы* (ВЖЗ, 220) — ... to change the properties of a *big molecule* (POL, 211); ... цепочки больших молекул... (ВЖЗ, 285) — ... the chains of *great molecules*... (POL, 283).

Однако наряду с такой множественностью возможных соответствий, можно отметить и тенденцию к предпочтительному выбору одного английского слова в качестве наиболее точного эквивалента прилагательного *большой*. Так, при описании предметов, имеющих большую площадь или большую вместимость, прилагательное *большой* обычно переводится английским прилагательным *large*: У *Anaspida* имелась *большая* ротовая полость (Ш., 12) — The *Anaspida* had *large oral cavities* (S., 7). Объекты, отличающиеся большой массой или большим объемом, в английском переводе чаще всего определяются прилагательным *big*: ... два *больших двигателя*... (К., 198) — Two *big engines*... (Koz., 216). Если *большой* характеризует объект очень внушительных размеров, его английским соответствием нередко служит прилагательное *great*: Его *большое тело* опиралось на короткие лапы (Ш., 154) — The *great body* was raised on its stumpy legs (S., 122).

Прилагательному *большой* в предикативной функции и предикативному прилагательному *велик* соответствуют прилагательные *large* и *big* в функции предикативного члена: *Яйца* довольно *велики* (К., 78) — The *eggs* are *large* (Koz., 120); *Орбиты* *большие*... (Ш., 99) — The *orbits* were *large*... (S., 104); *Голова* *большая*... (Ш., 84) — The *head* is *large*... (S., 95).

Прилагательное *крупный*, когда его значение близко к прилагательному *большой*, может переводиться безразлично прилагательными *large*, *big* и *great*. Ср.: в *большом* монгольском озере Хубсугул... (К., 91) — ... in the *big Mongolian lake Khubsugul*... (Koz., 135); ... в *крупном* монгольском озере Хубсугул... (Д., 225) — ... in the *great Mongolian lake Khubsugul*... (Koz., 205); ... в *круп-*

ных озерах бассейна Витима... (К., 205) — ...in large lakes of the Vitim drainage... (Koz., 226); Бентос крупных озер Европы... (К., 198) — The benthos of big European lakes... (Koz., 216). Наряду с этим в отношении прилагательного *крупный* также возможно выделить ряд случаев, когда его эквивалентом будет лишь одно английское слово. Так, если *крупный* характеризует объекты большого объема, его наиболее точным английским соответствием является прилагательное *big*: Белый хариус отличается более крупным телом (К., 102) — The white grayling has a *bigger body* (Koz., 143). Оттенок значения, выражаемый прилагательным *крупный* при его сочетании с существительным, называющим объект очень большого размера, лучше всего передается прилагательным *great*: ...вдоль *крупной водной артерии*, связывающей Байкал с Ледовитым океаном (К., 199) — ...in the *great waterway* lining Baikal with the Arctic Ocean (Koz., 218). При описании животных и растений в биологической литературе, где отчетливо проявляется классифицирующая функция прилагательного *крупный*, его переводческим эквивалентом обычно служит прилагательное *large*, которому также свойственна эта функция: Были также *крупные хватательные зубы* (Ш., 52) — There were also *large tusks* (S., 52). Когда *крупный* указывает на большие размеры — постоянный признак данного таксона, оно всегда переводится прилагательным *large*, для которого характерно такое же употребление: В пермское время имелись *крупные рептилии* (Ш., 107) — In the Permian there were *large reptiles* (S., 107).

б) Прилагательные, характеризующие материальные объекты, отличающиеся большой величиной в каком-то одном отношении.

В эту подгруппу входят английские прилагательные *massive, heavy, robust, bulky, cumbersome, vast, extensive, voluminous, ample, spacious, capacious, roomy* и русские прилагательные *массивный, тяжелый, мощный, громоздкий, обширный, объемистый, объемный, поместительный, вместительный, емкий, просторный*. Все они не только обозначают большие размеры, но и уточняют, какие именно размеры имеются в виду. Так, *massive, heavy* и *robust* указывают на большую массу и большой вес объекта, причем *robust* особо подчеркивает его очень крепкое строение. Все эти три прилагательных широко распространены в биологической литературе: The *massive*

skull includes an elongate snout (S., 613); In the *Sympetalae* a *massive integument* is almost universal (M., 55); The body was covered with *heavy bony scales* (Th., 672); *Root robust*, cordlike, straight (E., 131). *Massive* и *heavy* нередко используются также при описании различных архитектурных сооружений, приборов, предметов мебели и быта. Объекты, обладающие излишне большой массой и большим весом, что делает их неповоротливыми, неуклюжими, характеризуются прилагательными *bulky* и *cumbersome*, причем *bulky* сочетается с названием как неодушевленных, так и одушевленных предметов, а *cumbersome* относится только к названиям вещей: The sleigh took the *bulky cameras* down-river (SA., 46); ... pushing his *bulky body* between the rows of tropic plants (Kr., 252); Besides there was a *cumbersome windmachine*... (SA., 136).

Большая площадь обозначается прилагательными *extensive*, *vast* и *spacious*: The comets form a *vast cloud* surrounding the solar system (P., 26); If these *regions* prove too *extensive*... (P., 143); He paused looking at the *spacious rug* (G., 42).

Значение большого объема чаще всего выражается прилагательными *voluminous*, *capacious*, *ample*: A *voluminous liver*... (Zo., 474); A dark-panelled room with a *capacious chimney* (B., 457). The *oak-tree*, *ample*, yet bare of leaves (F., 281). *Capacious* и *ample* могут указывать не только на большой объем, но и, как следствие его, большую вместимость объекта: The swallowed food passes into the *capacious paunch* (Zo., 919); All assembled in the *ample kitchen* (P., 315). Для того чтобы особо подчеркнуть, что предметам или людям просторно внутри описываемого объекта, используются прилагательные *spacious* и *roomy*: The *hall*, *spacious* and well-proportioned... (F., 322); The litters of hamsters moved into the *roomy boxes* (L., 67).

В русском языке объекты, обладающие большой массой и весом, характеризуются прилагательными *массивный* и *тяжелый*. *Массивный* широко используется в биологии при описании строения живых организмов: *Массивная головогрудь* несет четыре пары ног (Б., 162); Примитивные семязачатки цветковых имеют *массивный мегаспорангий* (Т., 64). Прилагательные *массивный* и *тяжелый* могут сочетаться с названиями различных построек, их отдельных элементов, предметов мебели и

быта. Массивные объекты, имеющие очень крепкое строение, характеризуются прилагательным *мощный*: *Стержень мощный*, многоглавый (Фл., 42). В том случае, когда излишне большие размеры объекта делают его неповоротливым, неуклюжим, используется прилагательное *громоздкий*: *Верхняя крестовина* получается очень *громоздкой* (П., 8).

Значение большой площади в научном стиле речи чаще всего выражается прилагательным *обширный*: В Прибайкалье возникают *обширные прогибы* (Ко., 256); Помещение, имеющее большую площадь, часто также называют *обширным*: *Обширные постройки* из костей мамонтов... (СН, I, 99). В биологии прилагательным *обширный* нередко характеризуют небольшие на вид объекты, которые, благодаря некоторым особенностям их строения, обладают большой площадью: У птиц имеются *обширные воздушные мешки* (А, Г., 23).

Объекты большого объема называют *объемистыми* и *объемными*: Сифонофоры выделяют газ в *объемистый пузырь* — пневматофор (А., Г., 127); ...просторные квартиры, где можно разместить *объемные гарнитуры* (ЛГ, 1981, № 6). *Объемный* может также указывать на большой внутренний объем различных построек: *Внутри собор* казался еще выше, *объемнее* (Г., 220). Еще отчетливее значение большого внутреннего объема, а следовательно, и большой вместимости выражают прилагательные *поместительный* и *вместительный*: *Большой помещительный дом*... (Л. Т., 291); У него был *вместительный дом*... (Л. Т., 392). Большие размеры сосудов и других вместителей, предназначенных для заполнения чем-то, могут обозначаться прилагательным *емкий*: Он отыскал *два емких рюкзака*... (Г., 148). Прилагательное *просторный*, также характеризующее большую вместимость объекта, подчеркивает возможность свободного передвижения внутри него: *Когда мы вошли в его просторный кабинет*... (ЛГ, 1980, № 15).

Сопоставление английских и русских прилагательных рассматриваемой семантической группы показывает, что в обоих языках имеются специальные лексемы для выражения большой массы, большой площади, большого объема и большой вместимости материальных объектов. Однако совмещение нескольких из этих значений в одном слове или же, наоборот, наличие особого прилагательного для каждого из них является спецификой дан-

ного языка. Отсюда, при общем совпадении рассматриваемых групп русских и английских прилагательных в целом, полной эквивалентности на уровне слова во всем объеме его значений нет и быть не может. Правда, бывают отдельные случаи очень близких соответствий, как, например, русское прилагательное *массивный* и английское прилагательное *massive*. Но это скорее исключение, чем правило. В большинстве своем близкие по семантике прилагательные двух языков различаются по дополнительным оттенкам значения, по употребительности в том или ином стиле речи, по сочетаемости с определенным кругом существительных. Например, русское прилагательное *обширный* имеет очень широкую сочетаемость и встречается во всех стилях. Оно характеризует как открытые пространства, так и закрытые помещения. Английские прилагательные, обозначающие большую площадь объекта, более «специализированны»: *extensive* обычно относится только к открытым пространствам, *vast* подчеркивает очень большие общие размеры объекта, *spacious* чаще всего характеризует различные помещения, отмечая их большую вместимость. Поэтому *vast* может переводиться не только прилагательным *обширный*, но также и прилагательным *огромный*, а прилагательному *spacious* часто соответствует прилагательное *просторный*. (И, наоборот, *просторный* нередко переводится прилагательным *vast* и т. д.). Подобные сопоставления можно было бы продолжить, но думается, что и приведенных примеров достаточно, чтобы показать всю сложность взаимоотношений между близкими по семантике словами двух разных языков. При поиске наиболее точного переводческого эквивалента интересующего нас прилагательного в каждом конкретном случае следует тщательно проанализировать все выражаемые им оттенки значения и, учитывая стиль текста в целом, а также данные толковых и двуязычных словарей, постараться произвести приемлемый выбор из ряда его возможных иноязычных соответствий.

II. Прилагательные, обозначающие большую величину различных физических параметров

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что между отдельными членами этого лексического ряда слов в каждом из сопоставляемых языков в настоящее время наблюдаются отношения полной эквивалент-

ности, что, в частности, проявляется в их взаимозаменяемости в качестве определений к существительным — названиям различных параметров. Так, например, высокая степень концентрации в английском языке выражается прилагательными *great, high, heavy*: *The galactic concentration was very great* (R., 261); *High concentrations of proteins...* (N., 244); *...would require heavy concentrations in space* (S., L., 294). В русском языке это значение передается прилагательными *большой, высокий, сильный* и предикативным прилагательным *велик*: *Растворы с большой концентрацией* растворенного вещества... (Гл., 211); *Высокая концентрация кислорода* (НЖ, 1971, № 7, 42); *Сильная концентрация шаровых скоплений...* (НЖ, 1976, № 4, 43); *...когда концентрация возбужденных атомов достаточна велика* (НЖ, 1972, № 4, 27). Для обозначения большой величины поглощения используются английские прилагательные *high, strong, heavy* и русские прилагательные *большой, велик, сильный*; большие значения энергии выражаются в английском языке прилагательными *high* (чаще всего), *large* и *great*, в то время как в русском языке в качестве характеристики энергии на первом месте по частотности стоят прилагательные *большой* и *велик*, а прилагательное *высокий* в этих сочетаниях встречается значительно реже. Набор прилагательных, которые могут характеризовать величину того или другого параметра, определяется исторически сложившимися законами сочетаемости, свойственными данному языку, поэтому выбор переводческого эквивалента для каждого конкретного случая зависит прежде всего от узуса в ПЯ. Ср.: *If the kinetic energies are high...* (S., L., 180) — Если кинетическая энергия велика... (С., Л., 215); *For such high energy electrons...* (P., 197) — Для электронов с такой большой энергией... (П., 222). Перевод английских сочетаний *energy is high, high energy* русскими *'энергия велика', 'большая энергия'* объясняется, по-видимому, большим распространением в русском языке сочетаний существительного *энергия* с прилагательными *большой* и *велик*. Практика перевода с русского языка на английский также подтверждает положение о ведущей роли, которую здесь играет языковая традиция. Из десяти примеров характеристики большого силового поля, полученных путем сплошной выборки из журнала «Физика твердого тела» (1974, т. 16, вып. 9, 10), в шести использовано прилагательное *сильный*, тогда

как на прилагательные *большой* и *высокий* приходится всего по два примера. В английском переводе⁷ в пяти случаях употреблено прилагательное *strong*, а в пяти других — прилагательное *high*, причем выбор переводческого эквивалента в ПЯ никак не зависел от того, какое слово было использовано в ИЯ: в трех случаях сочетание *сильное поле* переведено сочетанием *high field*, в трех других — *strong field*; сочетанию *высокое поле* в одном случае соответствует сочетание *high field*, в другом — *strong field*; сочетание *большое поле* также имеет два разных варианта перевода: *high field* и *strong field*. Нередко наблюдается преимущественное использование каких-то одних прилагательных или сочетаний. В русском языке, как мы уже видели, распространено сочетание *сильное поле*, которое может служить переводческим эквивалентом всех английских сочетаний, обозначающих большую величину силового поля: ...*have strong magnetic fields* (P., 115) — ‘...обладают *сильными* магнитными полями’ (П., 137); ...*have intense magnetic fields* (P., 109) — ...с *сильными* магнитными полями (П., 130); ...*high magnetic field* (P., 1921) — ...*сильное* магнитное поле (П., 143); ...*may be able to build up large magnetic fields* (S., L., 565) — ...могут приводить к развитию *сильных* магнитных полей (С., Л., 458); *The gravitational field of star is much larger...* (S., L., 364) ‘Поле тяготения звезды *гораздо сильнее...*’ (С., Л., 428).

Вместе с тем можно столкнуться и с противоположным положением, когда в английском языке используется один член этого синонимического ряда, а в русском языке его значение передается несколькими прилагательными: ...*the intensity is high* (S., L., 236) — ...*интенсивность велика* (С. Л., 278); ...*at very high magnification...* (V., D., 36) — ...при очень *сильном* увеличении... (В., Д., 44); ...*a very high degree of order...* (J., 460) — ...очень *высокая* степень порядка... (Дж., 418); ...*with a high degree of precision...* (S., L., 107) — ...с *большой* степенью точности... (С., Л., 107). На преимущественное использование в английском языке прилагательного *high* в качестве характеристики величины различных параметров указывает также и практика американских переводчиков, которые во многих случаях передают с его по-

⁷ Soviet Physics. Solid State. Published by the American Institute of Physics. 15 (9) March, 1975; 16 (10) April, 1975. N. Y.

мощью значения, выражаемые в русском языке прилагательным *большой*: ... вследствие *большого сопротивления* образцов... (ФТТ, 3035) — ... because of high sample resistance... (SPh., 1961); *Большая плотность* дислокаций (ФТТ, 2547) — The *high density* of dislocations (SPh., 1962); Обладая *большой* химической активностью... (ФТТ, 2568) — Because of its *high chemical activity*... (SPh., 1962); ... *электропроводность* получается значительно *большой*... (ФТТ, 3036) — ... *electrical conductivity* being much *higher*... (SPh., 1962).

Приведенные выше примеры переводов с английского языка на русский и с русского языка на английский свидетельствуют о том, что в тех случаях, когда рассматриваемые группы русских и английских прилагательных используются для характеристики величины различных физических параметров, между ними устанавливаются отношения полной межъязыковой эквивалентности⁸. В пределах же каждого из сопоставляемых языков эти прилагательные можно считать синонимичными, ибо они обладают таким основным признаком синонимов, как взаимозаменяемость в определенных условиях контекста при незаменяемости в других. То обстоятельство, что в сочетаниях с существительными — названиями материальных объектов эти прилагательные имеют разные значения, не мешает, как нам представляется, рассматривать их как синонимы, поскольку синонимическая группа строится на основе доминанты и многозначное слово, оказавшись в пределах синонимической группы, выступает в ней только в одном из своих значений⁹. Доминантой интересующего нас синонимического ряда в русском языке является прилагательное *большой*, а в английском — прилагательные *large* и *great*.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что как в английском, так и в русском языке существуют группы синонимических прилагательных, используемых

⁸ Понятие эквивалентности определяется И. В. Арнольд как «такое отношение между лингвистическими единицами, когда они обладают какими-то общими свойствами, позволяющими им выполнять одинаковую функцию», см.: Арнольд И. В. Эквивалентность как лингвистическое понятие. — Ин. яз. в школе, 1976, № 1, с. 12.

⁹ Определение синонимов и синонимических рядов см.: Виллюман В. Г. Семантические и функциональные связи слов и их синонимия в современном английском языке. Автореф. докт. дис. Л., 1971, с. 12, 13, 18.

для характеристики величины различных физических параметров. Эти группы находятся в отношениях межъязыковой эквивалентности, так что любое прилагательное каждой из этих групп ИЯ может переводиться любым из соответствующей группы прилагательных ПЯ. Однако в реальной языковой практике существует традиционная сочетаемость того или иного из этих прилагательных с тем или иным существительным, что и следует учитывать при работе над переводом научного текста как с английского языка на русский, так и с русского на английский.

Проведенное исследование показывает, что, хотя особенности функционирования прилагательных размера в первую очередь обуславливаются тем, сочетаются ли они с предметными существительными или с названиями физических параметров, выбор прилагательного для выражения определенного значения во многих случаях зависит от стиля речи. Так, по сравнению с научным стилем речи в общелитературном языке и в особенности в языке художественной литературы наблюдается гораздо более дифференцированное употребление прилагательных, характеризующих размеры материальных объектов. Особенно отчетливо это различие видно на примере таких русских прилагательных, как *вместительный, помещительный, просторный, объемистый, громоздкий*, и английских прилагательных *cumbersome, spacious, ample, voluminous*, частотность которых в научных текстах невысока, в то время как в художественной литературе они используются достаточно широко. Что же касается прилагательных, выражающих величину физических параметров, то никаких принципиальных различий между их использованием в языке научной литературы и в общелитературном языке не наблюдается, однако их встречаемость за пределами научного стиля речи ничтожно мала.

СОКРАЩЕНИЯ

- А., Г. — *Андреева И. И., Гунар И. И.* Биология. М., 1975.
ВЖЗ — Возникновение жизни на земле. Труды международного симпозиума. М., 1959.
В., Д. — *Вилли К., Детье В.* Биология. М., 1974.
Г. — *Гранин Д. А.* Картина. Л., 1980.
Гл. — *Глинка Н. Л.* Общая химия. Л., 1972.

- Д. — *Даррелл Дж.* Перегруженный ковчег. М., 1977.
- Дж. — *Джеймс Р.* Оптические принципы дифракции рентгеновских лучей. М., 1950.
- Д., Е., И. — *Домбровский В. В., Еремеев А. С., Иванов Н. П.* Проектирование гидрогенераторов. М., 1956.
- И., Ш. — *Иванов А. И., Штегман Б. К.* Краткий определитель птиц СССР. М., 1964.
- К. — *Кожов М. М.* Биология озера Байкал. М., 1962.
- Кр. — *Де Крейф П.* Охотники за микробами. М., 1957.
- Л. — *Лоренц К.* Кольцо царя Соломона. М., 1970.
- ЛГ — Литературная газета.
- Л. Т. — *Толстой Л. П.* Собр. соч. (в 20-ти томах), т. 9. М., 1969.
- М. — *Магешвари П.* Эмбриология покрытосеменных. М., 1954.
- НЖ — Наука и жизнь.
- П. — *Пози Д.* Радиоастрономия. М., 1958.
- Р. — *Роджере Э.* Физика для любознательных. М., 1970.
- СН — Страны и народы (в 20-ти томах). М., 1978—1981.
- С., Л. — *Струве О., Линдс Б.* Элементарная астрономия. М., 1964.
- Т. — *Тахтаджян А. Л.* Система и филогения цветковых растений. Л., 1966.
- ФТТ — Физика твердого тела, т. 16, вып. 9, 11. Л., 1974.
- Ш. — *Шмальгаузен И. И.* Происхождение наземных позвоночных. М., 1964.
- Э. — *Эсай К.* Анатомия растений. М., 1969.
- AD — The American heritage dictionary of the English language. New York, 1970.
- Dick. — *Dickens Ch.* The posthumous papers of the Pickwick club. М., 1949.
- D. — *Durrell G.* A zoo in my luggage. London, 1971.
- D., O. — *Durrell G.* Overloaded Ark. London, 1953.
- Е. — *Esau G.* Plant anatomy. London, 1965.
- Г. — *Galsworthy J.* The Forsyte saga. London, 1924.
- Г., N. — *Grove A., Newell G.* Animal biology. London, 1942.
- Ж. — *James R.* The optical principles of the diffraction of X-rays. London, 1948.
- Koz. — *Kozhov M.* Lake Baikal and its life. Hague, 1963.
- Кр. — *De Kruif P.* Microbe hunters. New York, 1963.
- М. — *Maheshwari P.* An introduction to the embryology of Angiosperms. New York—Toronto—London, 1950.
- N. — Nature, 1970, v. 227, N 5255.
- P. — *Pawsey.* Radio astronomy. Oxford, 1955.

- POL — Proceedings of the First international symposium on the origin of life on the Earth. London—New York—Paris, 1959.
- R. — *Rogers E.* Physics for the inquiring mind. London, 1960.
- S. — *Schmalhausen. I.* The origin of terrestrial vertebrates. New York — London, 1968.
- SA — Scientific American, v. 241, N 2.
- SPh — Soviet Physics. Solid state. Publ. by the American Institute of Physics. 16 (9) March 1975; 16 (10) April 1975. New York.
- S., L. — *Struve O., Lynds B.* Elementary astronomy. New York, 1959.
- S. — *Storer T.* General zoology. New York—London, 1943.
- T. — Telescopes. Ed. by G. Kuiper. Chicago, 1966.
- Th. — Thomson's outlines of zoology. London—New York—Toronto, 1948.
- V., D. — *Villie C., Dethier V.* Biological principles and processes. Philadelphia—London—Toronto, 1971.

О ПРОДУКТИВНОСТИ ОБРАЗОВАНИЙ ТИПА «ГЛАГОЛ+АДВЕРБИАЛЬНАЯ ЧАСТИЦА» И ИХ НОМИНАТИВНЫХ ДЕРИВАТОВ В ЯЗЫКЕ НАУЧНОЙ ПРОЗЫ

И. С. Сенюк

За последнее десятилетие английский язык породил большое количество новообразований самого разнообразного характера. Среди них не последнее место занимают сочетания глаголов с адвербиальными частицами. В англистике трактовка этих образований всегда представлялась сложной проблемой из-за структурно-функциональной неоднозначности этих образований, исследование которых затрагивает как морфологический, так и синтаксический аспекты языка. Несмотря на значительное количество исследований, специально посвященных проблеме определения характера образований данного типа¹, ме-

¹ Без обсуждения этой проблемы, хотя бы в общей форме, не обходилась и не обходится ни одна теоретическая грамматика английского языка.

сто этих образований в системе современного английского языка остается неясным.

В связи с разрабатываемой в настоящее время новой трактовкой словообразовательных процессов, позволяющей рассматривать словосложение как особую область деривации единиц со специфическими свойствами, значительно расширились рамки того, что традиционно обозначалось словосложением. В этом свете исследование глагольно-адвербиальных сочетаний² приобретает особый интерес.

Актуальность изучения глагольно-адвербиальных комплексов обусловлена также, и прежде всего, большой продуктивностью и все большей распространенностью употребления этих образований в современном английском языке. Данные комплексы состоят, как правило, из односложных глаголов — реже двусложных или многосложных — в сочетании с частицами адвербиального или предложного характера, например: *carry out, make up, point out, put back, set up, break down, call for, put off* и т. д. Будучи членимыми, ГАК обладают особой гибкостью функционирования, что позволяет этим образованиям с большой легкостью проникать во все сферы языка, независимо от стилистических различий.

Продуктивность ГАК находит свое отражение также и в научном стиле. Известно, что вплоть до последнего столетия научный стиль изложения подразумевал использование прежде всего многосложных слов латинского и греческого происхождения как единственно стилистически приемлемых, и авторы научных трудов, заметив вкравшееся в текст слово типа *bound up* и *brought about* стремились заменить его «учеными» словами, соответственно *limited* и *introduced*³. С другой стороны, в настоящее время установлено, что современный английский язык, и в особенности его американский вариант, с большой легкостью вбирает в свой словарный состав единицы, еще не получившие статуса литературных. Более того, согласно наблюдениям исследователей, стиль научного изложения в английском языке в значительно боль-

² В дальнейшем мы будем называть данные сочетания глагольно-адвербиальными комплексами (ГАК), а их именные соответствия — номинативно-адвербиальными комплексами (НАК).

³ *Konishi T. The growth of the verb-adverb combination in English.* — In: *Studies in English grammar and linguistics.* Tokyo, 1958, p. 122.

шей степени — по сравнению, например, с русским или французским языками — использует слова, более характерные для стиля разговорной речи, нежели научного⁴. Это наблюдение особенно знаменательно в отношении ГАК, поскольку известна их соотнесенность с разговорным стилем.

О растущей продуктивности ГАК свидетельствует выход в свет за последние годы ряда словарей, специально посвященных сочетаниям глагола с адвербиальными частицами⁵. Однако эти словари не ставят своей задачей отразить представленность данного типа образований в том или ином функциональном стиле. Несмотря на то, что отдельные пометы в словарных статьях указывают на употребимость соответствующих сочетаний в той или иной области, эти словари не всегда отражают реальную картину употребления ГАК в специальной литературе.

Настоящая статья представляет собой опыт исследования сочетаний с предложно-адвербиальными частицами в текстах научной прозы как проявление тенденции проникновения общеупотребительной лексики в стиль научной литературы. В целях исследования мы проанализировали равное количество текстов из различных областей науки и техники: медицины, истории психологии, социологии, лингвистики, кибернетики, вычислительной техники.

Как известно, степень структурно-семантической связанности компонентов ГАК различна и не всегда поддается классификации. Если различать два типа ГАК в зависимости от степени их идиоматической связанности, то по одну сторону оказываются такие ГАК, лексические значения которых представляют сумму значений их компонентов, когда адвербиальная частица функционирует как интенсификатор или уточнитель значения глагола, а по другую — такие ГАК, между компонентами которых устанавливаются специфические метафорические отношения.

⁴ См., например: *Vinay J. P., Darbelnet J. Stylistique comparée du Français et de l'Anglais.* Paris, 1958.

⁵ *McArthur T., Beryl A. Dictionary of English phrasal verbs and their idioms.* London, Glasgow, 1974; *Meyer G. A. The two-word Verb.* — In: *A dictionary of verb-prepositional phrases in American English.* Paris, 1975; *Cowie A. P., Mackin R. Oxford dictionary of current idiomatic English, v. 1.* Oxford, 1979.

Наши наблюдения показали, что ГАК, как первого, так и второго типов, все чаще встречаются в текстах специальной литературы в самых различных подъязыках, т. е. являются словами общенаучного значения. При этом они успешно «замещают» многосложные цельнооформленные слова-синонимы: calculate—work out, establish—set up, compose—make up, emphasize—point up, perform—carry out, analyze—break down, disintegrate—break up, require—call for, develop—build up, traverse—cross over, penetrate—go through, exclude—shut out, -classify—sort out, increase—pick up, proceed—carry on, imagine—think up, initiate—open up, defer—put off, interrupt—cut off и др.

Совершенно очевидно, что синонимичность подобных пар не абсолютна. В то время как заимствованные слова общенаучной лексики обозначают соответствующие понятия или действия в наиболее общем или абстрактном значениях, передаваемые ГАК значения более «конкретны». Эта конкретность обусловлена прежде всего структурной простотой и четкостью ГАК, тем, что он построен не из основы слова, приобретающей лексическое значение лишь в сочетании с соответствующим аффиксом, а из уже «готовых» слов — глаголов и адвербиальных частиц, причем глагол, как правило, английского происхождения. Однако конкретность передаваемого ГАК значения становится все более относительной в силу того, что продуктивность этих образований приводит к увеличению их полисемантической в научном стиле. Так, приведенные пары представляют собой лишь один из целого ряда возможных синонимичных пар, в которых постоянной величиной является ГАК. При этом в противоположность своим латинским соответствиям ГАК развивают переносное значение⁶.

Сочетание простого глагола с той или иной адвербиальной частицей дает возможность передавать разнообразные семантические модификации наиболее экономным средством — заменой второго компонента комплекса. Так, например, представленный в виде парадигмы простой глагол build имеет целый ряд дериватов: build in, build on, build out, build over, build up и т. д. Однако для нас представляют интерес лишь такие, которые в силу их регулярной представленности в текстах научной прозы могут быть определены как относящиеся к общенаучному

⁶ См. также: *Bolinger Dw. The phrasal verb in English. Cambridge, Mass., 1971, p. 82.*

слою лексики или образующие специфические термины.

На основе исследованного материала мы выделили из приведенного выше ряда лишь два комплекса: *build up* и *build in*. Эти единицы обнаруживают различное функциональное распределение в пределах научных текстов. Так, *build up*, как правило, выступает в функции предиката, в то время как *build in* регулярно выполняет функцию атрибута в соответственной форме *built-in*: The desired picture can be *built up* on the screen by simply selecting the appropriate patterns (W. W. June, 5); Animals may sense properties of rocks that change as stress *builds up* before an earthquake, but what these properties are is not yet clear (Science, 87); The child is *building up* his language piece by piece (Child, 19); We have now *built up* the first part of our definition sufficiently well to make that last part weak (Linguistics, 86); The problem, however, is obscured and made more difficult by a variety of natural *built-in* safeguards against this side effect (MDP, 18); The *built-in* biological clock tells the passage of learning aptitudes (W. W. Feb., 3); From the design point of view the «data processor» is usually distinguishable from the orthodox digital computer by having a *built-in* programme (MDP, 25).

Интересно, что одно из основных лексических значений *build up* «развивать, расширять, создавать, наращивать, расти», обладая семой постепенности действия, не соответствует основной аспектуальной характеристике адвербиальной частицы *up* как связанной с обозначением перфективного, законченного действия.

Атрибутивная форма *built-in* обнаруживает большую мотивированность, обозначая «встроенный» и, соответственно, «автоматически действующий» (механизм, прибор и т. п.), а также «врожденный, присущий по природе, генетический».

Согласно Большому англо-русскому словарю⁷ *build up* имеет деривационную атрибутивную форму *built-up* со значением «сборный, составной, разъемный». В нашем материале мы не зафиксировали употребления данной формы, однако сам факт ее существования может свидетельствовать о том, что исследуемый тип сочетаний представляет благодатную почву для образования форм с антонимическими значениями.

⁷ Большой англо-русский словарь, т. I. М., 1972.

Особенно часто образование морфологически однообразных антонимов имеет место среди терминов, которые представлены в основном существительными. В силу того, что в английском языке принадлежность слова к тому или иному лексико-грамматическому разряду не является морфологически закрепленной, НАК формально эквивалентен ГАК. Единственное изменение при образовании именного деривата — это перемещение ударения на первый слог, что не является новшеством в английском словообразовании: ср: *re'córd*—*ré'cord*. Увеличение количества НАК является еще одним свидетельством гибкости данного типа образования как перспективного в смысле возможностей обогащения общенаучной лексики. Слитность правописания НАК отражает тенденцию к слиянию словосочетаний: *blowup*, *breakthrough*, *fallout*, *feedback*, *lineup*, *flare-up*, *count-down* и т. д.

Наблюдения показали также, что в случаях, когда тот или иной ГАК регулярно реализуется в тексте в качестве НАК, это может быть свидетельством образования нового термина с четкой отнесенностью к определенной отрасли знаний. Так, например, *die-back* «отмирание побегов» — ботаника; *dipout*, еще недавно помеченный в словарных статьях как коллоквиализм, обозначает «деклассированную личность» в социологии и «выпадение» в электронно-вычислительной технике; *fallout* в значении «выпадение радиоактивных осадков после взрыва атомно-водородной бомбы» — атомная физика. Последнее не имеет соответствующего ГАК.

Сочетание двух факторов, а именно структурная простота и исконная отнесенность этого типа образования к разговорному стилю, способствует, как нам представляется, тому обстоятельству, что тот или иной ГАК или НАК, образуя определенный термин, свободно проникает в этот или аналогичном, с некоторыми модификациями, значения в сферу терминологических понятий других научных отраслей. С другой стороны, установившийся термин может переходить в разряд общеупотребительной лексики: *The most obvious practical use of the analysis of errors is the teacher. Errors provide feedback, they tell the teacher something about the effectiveness of this teaching materials and techniques (IAL, 55).*

В парадигме с глаголом-основой *add* с точки зрения функционирования в стиле научной прозы интерес представляют три комплекса: *add on*, *add up*, *add up to*. Из

них *add on* в нашем материале представлен исключительно в функции атрибута *add-on*: The colorimeter is the most original part of the design, offering an extra, flowing reference facilities, and *add-on* capacity of up to 4 modules (ЕЕМІ, 96).

Известно, что в принципе любая словесная форма в английском языке может быть представлена в функции атрибута: The *follow-up* medicine consisted mainly of a concoction of cheap sherry (МММ, 45); This design has worked very well with no further high-voltage *breakdown* problems (WW, Dec., 4). В научной литературе атрибутивные формы, подобно НАК, регулярно употребляются для обозначения терминологических понятий. Поэтому учет этих форм так же важен, как и номинативных.

В парадигме с глаголом-основой *draw* в качестве единицы общенаучного слоя мы рассматриваем три образования: *drawback*, *draw up*, *draw on/upon*. При этом *drawback* представлено исключительно как НАК в значении «недостаток»: One of the major *drawbacks* of the dynamic type memory device is the need to refresh the data (ЕС, 8). ГАК *draw up* передает значение «составлять, формулировать». Учет семантического окружения — *list*, *project*, *report*, *orders* и др. — способствует правильному употреблению его в тексте. В комплексе *draw on/upon* являются предложными частицами. Однако регулярность представленности этого образования в научных текстах в пассивной конструкции позволяет рассматривать его наряду с другими ГАК: A large amount of reference data which is drawn on only occasionally... (SDD, 45). Необходимо также учитывать непосредственное структурное окружение ГАК. Так, на примере *add on* мы имеем два лексических значения в зависимости от представленности модели ГАК+предложное дополнение или модели ГАК++прямое дополнение: To find the address we simply have to add up the weight values of all the bits (i. e. find the sum total) (WW, Jan., 8); But none of these classifications has really added up to scientific theory (i. e. signify, indicate, amount to) (Science, 67); These several small sources may add up to risky levels in our organism (МММ, 23).

Структурно-семантическая гибкость ГАК и НАК, способствующая все большему их распространению в английском языке в целом, и в научной литературе в частности, может иметь и свою отрицательную сторону. Некоторые видные англисты отмечают, что стремление уточнить вы-

сказываемое за счет избыточного употребления адвербиальных частиц приводит подчас к полному вытеснению простого глагола, поскольку ГАК становится его семантическим эквивалентом⁸. В научном стиле мы регулярно сталкиваемся с такими словами, как *cancel out*, *refer back*, *check back*, *proceed forth*, *extend out*, *include in*, *reduce down*, *perforate through* и т. д.

В практике обучения и изучения английского языка на материале специальной литературы ГАК до сих пор не уделялось серьезного внимания. Эти образования не находят своего отражения в специальных пособиях по чтению и переводу научно-технической литературы. Такое положение объясняется, с одной стороны, традиционной соотносительностью ГАК с коллоквиализмами, не свойственными функциональному стилю научной прозы, с другой стороны, высокая степень идиоматичности большинства ГАК представляет большие трудности для учащегося, начинающего изучать иностранный язык. Кажущаяся «прозрачность» лексического значения ГАК, состоящего из «знакомых» учащемуся компонентов, приводит к тому, что эти образования рассматриваются им как производные и не всегда правильно переводятся.

Нам представляется, что описание состава общенаучной лексики не может быть исчерпывающим без учета и тщательного анализа ГАК в текстах научной прозы в сопоставлении с соответствующими простыми глаголами и цельнооформленными синонимами и номинативными дериватами.

СОКРАЩЕНИЯ

- Child — *Johnson R. C. et al. Child psychology. Behavior and development. New York, 1965.*
EC — *Electronic computers. Ed. by T. E. Ivall. London, 1957.*
EEMI — *Dobos D. Electronic-electrochemical measuring instruments. Budapest, 1966.*
IAL — *Corder S. P. Introducing applied linguistics. London, 1977.*
Linguistics — *Crystal D. Linguistics. New York, 1977.*

⁸ О злоупотреблении ГАК см.: *Leech G. Semantics. Penguin Books, London, 1977, p. 40—41; Fowler H. W. A dictionary of modern English usage. Oxford. 2 ed., 1980, p. 451—452; Handbook of technical writing. By Ch. T. Brusaw, Alfred G. J., Olin W. P. New York, 1976.*

- MDP — *Arnold P. R.* Modern data processing. New York, 1969.
MMM — *Camp J.* Magic, myth and medicine. London, 1973.
Science — *Campbell J. R. et al.* The science of animals that serve mankind. New York, 1969.
SDD — *Lloyd C. B.* Sex, discrimination and the division of labor. New York, 1975.
WW — *Wireless world.* New York, 1975—1976.

3. Грамматика

СУБЪЕКТНЫЕ И ОБЪЕКТНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ПРИИМЕННОГО РОДИТЕЛЬНОГО В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

И. А. Ясницкая

Одной из типичных черт научной речи, особенно ярко проявляющейся в период НТР, является ее номинативный характер. Особое значение в этой связи имеют словосочетания с зависимым родительным, включающие в свой состав два существительных, — тип языковых единиц, обладающих в текстах различных научных дисциплин высокой частотностью. Так, по данным В. А. Никонова¹, 36—46% всех словоупотреблений существительных в научной и политической литературе приходится на долю родительного падежа. О. Д. Митрофанова², Н. Н. Лаврова³ и И. Р. Палта⁴, исследовавшие учебники и учебную литературу, обнаружили, что родительный падеж покрывает от 37 до 43% всех падежных форм, занимая главенствующее положение в письменной научной речи.

¹ *Никонов В. А.* Статистика падежей русского языка. — В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 3. М., 1959, с. 45—65.

² *Митрофанова О. Д.* Язык научно-технической литературы. М., 1973.

³ *Лаврова Н. Н.* Имена существительные в научной речи. — В кн.: Статистическое изучение стилей языка и стилей речи (тезисы докладов и сообщений), вып. 1. Горький, 1970, с. 36—39.

⁴ *Палта И. Р.* О некоторых особенностях употребления существительных в научном стиле речи. — В кн.: В помощь преподавателям русского языка как иностранного. М., 1968, с. 34—48.

Принимая во внимание высокую частотность родительного падежа в научных текстах, мы поставили перед собой следующие задачи: 1) определить частотность словосочетаний с родительным приименным в указанных текстах; 2) вскрыть систему значений родительного приименного и их количественное соотношение; 3) установить факторы, влияющие на формирование этой системы значений.

В качестве материала для исследования были отобраны тексты восьми научных дисциплин, покрывающие цикл «точные—естественные—гуманитарные науки» (математика, физика, геология, химия, биология, языкознание, история/философия, литературоведение). Каждая научная дисциплина представлена работами (статьями и монографиями) последних двух десятилетий трех крупных советских ученых.

Из совокупности работ каждого автора было произведено по 9 выборок длиной 500 словоупотреблений каждая. Таким образом, по каждой научной дисциплине был обработан массив текстов общим объемом 13 500 словоупотреблений, по научной речи в целом — 108 000 словоупотреблений. Объем картотеки составил при этом около 13 400 карточек.

Сравнение статистических данных показывает, что наименьшее количество словосочетаний с родительным приименным приходится на долю математических текстов, далее их число возрастает в текстах «гуманитарного цикла» и наиболее высокий процент исследованных словосочетаний наблюдается в текстах естественно-научных (табл. 1).

Таблица 1

Частотность словосочетаний с родительным приименным в научных текстах

Научные дисциплины	Объем исследованного материала (в словоупотреблениях)	Количество словосочетаний с род. приименным	Средняя частота на каждые 500 словоупотреблений
Математика	13500	1132	42
Языкознание	13500	1368	51
Литературоведение	13500	1535	57
История/философия	13500	1665	61
Биология	13500	1736	64
Физика	13500	1899	70
Геология	13500	1948	72
Химия	13500	2062	76

Подобный «разброс» средних частот встречаемости исследуемых словосочетаний объясняется меньшей сложностью текстов математических и гуманитарных многочисленными генитивными конструкциями (типа *изменение свойств вещества этого семейства, характер изменения коэффициентов распределения макроэлемента, изучение возможности применения масс-спектрометрического метода определения аминокислотной последовательности, накопление некоторого опыта анализа регистрации показаний датчика горизонта, изложение результатов исследований зависимости температуры возбужденных молекул разреженных паров изучаемых веществ*) по сравнению с текстами естественно-научного профиля, так как удельный вес трех-, четырех- и пятичленных цепочек в последних текстах существенно выше, чем в текстах первой группы (табл. 2).

Таблица 2

Соотношение генитивных цепочек различной длины в научных текстах (в %)

Научные дисциплины	Именные генитивные цепочки						
	2 чл.	3 чл.	4 чл.	5 чл.	6 чл.	7 чл.	8 чл.
Литературоведение	81,70	15,71	2,50	0,09	—	—	—
Математика	81,00	16,00	3,00	—	—	—	—
Языкознание	78,60	18,50	2,50	0,40	—	—	—
История/философия	78,00	18,90	2,80	0,30	—	—	—
Биология	74,36	20,93	4,04	0,67	—	—	—
Химия	73,80	20,90	4,60	0,60	0,10	—	—
Физика	68,61	24,47	5,83	0,88	0,07	0,07	0,07
Геология	68,00	24,80	6,00	1,00	—	0,20	—

Появление многочисленных генитивных цепочек в текстах по химии, физике и геологии связано с задачей описания различных явлений и процессов, происходящих в природе, данных наблюдения и исследования этих явлений и процессов, т. е. с самим объектом изучения в этих отраслях науки.

Решая вторую задачу исследования, мы вслед за новой «Русской грамматикой»⁵ в качестве основных, центральных значений родительного приименного падежа выделяем субъектное, объектное и определитель-

⁵ Русская грамматика. М.: Наука, 1980.

ное, которые вступают в смысловые соотношения друг с другом, порождая значения субъектно-объектное и объектно-определятельное. На периферии родительного приименного находится группа определительно-обстоятельственных значений. Процентное соотношение перечисленных групп значений приводится в табл. 3.

Таблица 3

Соотношение значений родительного приименного в научных текстах (в %)

Научные дисциплины	Значения родительного приименного					
	субъектное	субъектно-объектное	объектное	объектно-определятельное	определятельное	определи-тельно-обсто-ятельствен-ное
Математика	7,94	2,46	50,73	21,62	10,86	6,39
Физика	14,09	13,53	33,03	33,54	3,78	2,03
Химия	13,29	17,63	34,49	27,85	3,85	2,89
Геология	14,30	14,85	30,21	31,16	3,41	6,16
Биология	22,83	18,97	33,53	19,03	3,86	1,78
Языкознание	13,95	15,84	34,05	26,71	6,76	3,15
История/философия	17,40	8,39	36,89	27,32	2,31	7,69
Литературоведение	21,79	9,83	31,02	23,06	7,82	6,48

Однако выделение только чисто грамматических значений родительного приименного не вскрывает всех тех разнообразных смысловых соотношений, которые происходят внутри одной конструкции «существительное + существительное в род. падеже», в то время как «многообразные значения приименного родительного свидетельствуют об исключительной семантической емкости данного сочетания, о присущей ему возможности выражать тончайшие оттенки как конкретных, так и отвлеченных значений. Выступающий при имени родительный начинает функционировать как особый развивающийся способ выявления признаков любого субстантивно выраженного понятия»⁶.

З. Д. Попова считает, что система падежных значений, развиваясь, вызывает к жизни появление новых, «специа-

⁶ Сухотин В. П. Проблема словосочетания в современном русском языке. — В кн.: Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950, с. 173.

лизованных» значений, что область этих значений велика и мало изучена и что «без учета семантических разрядов слов, выступающих в падежных формах, и слов... с которыми эта форма сочетается, нельзя... продвигаться сейчас дальше в разработке теории падежных значений»⁷.

Исходя из сказанного, мы пошли по пути расширения системы значений родительного приименного, выделив внутри грамматических значений значения более узкие, лексико-грамматические.

При разработке классификации значений родительного приименного применялся как трансформационный анализ исследуемых словосочетаний, так и лексико-семантический анализ слов, входящих в их состав. При этом в ряде случаев учитывалось также влияние морфологических факторов: грамматических категорий одушевленности/неодушевленности, единственности/множественности и особенностей словообразовательной структуры слов, формирующих словосочетание.

В общем виде разработанная классификация значений родительного приименного может быть представлена схемой (см. 159).

В данной статье будут рассмотрены не все значения, а только первые две группы центральных значений родительного приименного — субъектное и объектное значение, а также промежуточное субъектно-объектное значение.

Субъектное значение

Как видно из схемы, субъектное значение родительного приименного представлено двумя значениями: 1) родительным субъекта действия и 2) родительным носителя отвлеченного признака или свойства.

В первую группу входят словосочетания, главный компонент (ГК) которых в большинстве случаев представляет собой мотивированное непереходным глаголом существительное: а) существительное на *-ация, -яция, иция, -енция, -ция, -ия* со значением действия или состояния как процесса (например, *люминесценция растворов, пульсация скорости, эволюция систем, циркуляция атмосферы*); б) существительное на *-ние, -ение, -ание, -тие, -ие* со значением отвлеченного процессуального

⁷ Попова З. Д. К теории падежного значения. — ВЯ, 1970, № 4, с. 93.

признака (например, *нарастание магнитного поля, действие мембраноактивных веществ, совпадение значений*); в) бессуффиксальное существительное с тем же значением (например, *распад мезонов, ход кривых, работа рибосомы, труд художника*).

Небольшую группу составляют словосочетания, ГК которых при трансформации дает десемантизированный глагол + существительное. Например: *состояние белка* ↔ *белок находится в состоянии*; *роль турбулентного перемешивания* ↔ *турбулентное перемешивание играет роль*; *заслуги марксистской теории* ↔ *марксистская теория имеет заслуги*; *поражение буржуазии* ↔ *буржуазия терпит поражение*. В описываемую группу мы отнесли также словосочетания, ГК которых мотивирован переходным глаголом, однако зависимый компонент (ЗК) представляет собой название одушевленного деятеля, в качестве которого может выступать как отдельная личность, так и совокупность лиц: *утверждение личности, решение правительства, завоевание рабочего класса, победа народа, высказывание собеседника* и др.

Вторую группу субъектных значений родительного приименного представляет родительный носителя отвлеченного признака или свойства. В эту группу включены словосочетания, ГК которых представляет собой:

1) существительное с суф. *-ость*, мотивированное а) страдательным причастием (например, *занятость системы, проницаемость мембран, воспроизводимость результатов, расслоенность океана*), б) качественным прилагательным (например, *чувствительность метода, эффективность приема, прочность связи, устойчивость антибиотика, реакционность русской буржуазии*);

2) существительное с суф. *-ств(о), -ин, -от, -к* и др. (например, *единство мировой социалистической системы, богатство культурных связей, сходство оптических характеристик, специфика сложной конструкции, чистота работы*);

3) бессуффиксальное существительное (например, *свобода словотворчества, успех деятельности, польза предположения, симметрия спектров, разнообразие форм*).

Описываемая группа значений родительного приименного отнесена к субъектным значениям на основании того, что, как и в случае родительного субъекта действия, ЗК словосочетаний при трансформации дает предикат. Однако если в первом случае он выражен личной

формой глагола, то во втором он выражается краткой формой причастия или прилагательного. Например: 1) *циркуляция атмосферы* ↔ *атмосфера циркулирует*; *совпадение значений* ↔ *значения совпадают*; *рост концентрации* ↔ *концентрация растет*; 2) *проницаемость мембран* ↔ *мембраны проницаемы*; *прочность связи* ↔ *связь прочна*; *острота классово́й борьбы* ↔ *классовая борьба остра*; *успех деятельности* ↔ *деятельность успешна*.

Если в каждой из научных дисциплин за 100% принять все значения родительного приименного, то оказывается, что доля субъектных значений в каждой отрасли науки неодинакова.

Соотношение словосочетаний с субъектным значением
родительного приименного в текстах различных
научных дисциплин (в %)

Математика	7,94	Биология	22,83
Физика	14,09	Языкознание	13,95
Химия	13,29	История / философия	17,40
Геология	14,30	Литературоведение	21,79

Наименьшее количество субъектных значений (7,94%) приходится на долю математических текстов, наибольшее (22,83%) — на долю текстов по биологии. Причины этого явления можно объяснить экстралингвистическими факторами: в естественно-научных дисциплинах процесс, явление природы, неодушевленный предмет выступает в роли деятеля, который в описываемых конструкциях является субъектом действия, в математике же как наиболее абстрактной научной дисциплине деятель такого рода отсутствует и на передний план выдвигается исследователь и его деятельность, поэтому в математике по сравнению с другими научными дисциплинами уменьшается процент субъектных значений за счет увеличения количества объектных значений.

Субъектно-объектное значение

К этой группе нами отнесены словосочетания, ГК которых представляет собой мотивированное переходным глаголом существительное: а) существительное на *-ация*, *-яция*, *-иция*, *-енция*, *-ция*, *-ия* со значением процессуального признака, т. е. действия, состояния (например, *полимеризация элемента*, *ионизация n-валентного иона*, *синхронизация онтогенеза*, *аккумуляция радионуклидов*, *дезорганизация хозяйства*). Некоторые существительные,

выступающие в этой группе в качестве ГК, обладают вторичным значением результата действия (например, комбинация состояний, концентрация льдообразующих ядер, конформация цепи, модификация системы); б) существительное на -ние, -ение, -ание, -тие, -ие со значением отвлеченного процессуального признака (например, увеличение стоксовой частоты, ускорение ядер, изменение температуры, распространение растворов, смещение обычного фактора, включение меченых аминокислот); в) бессуффиксальное существительное с тем же значением (перегиб кривой, подзаряд емкости, связь спина, подъем общего уровня, смена кадров).

Особенностью данной группы словосочетаний является то, что ЗК при трансформации может в равной мере выступать как в качестве субъекта действия (в пассивной конструкции), так и объекта действия (в активной конструкции). При этом образуются омонимичные конструкции. Например:

↔ аккумуляровать радионуклиды

аккумуляция радионуклидов

↔ радионуклиды аккумулируются,

↔ изменять температуру

изменение температуры

↔ температура изменяется,

↔ подзаряжать емкость

подзаряд емкости

↔ емкость подзаряжается

Соотношение словосочетаний с субъектно-объектным значением родительного приименного в текстах различных научных дисциплин (в %)

Математика	2,46	Биология	18,97
Физика	13,53	Языкознание	15,84
Химия	17,63	История / философия	8,39
Геология	14,85	Литературоведение	9,83

«Полярными» здесь оказываются математика, в которой количество словосочетаний с субъектно-объектным значением родительного составляет 2,5%, а также биология и химия, в которых число данных словосочетаний колеблется от 17,6 до 19%. Подобное положение объясняется тем, что к группе субъектно-объектных конструкций нами отнесены такие словосочетания, ГК которых назы-

вает процессы, происходящие в природе (причем, природа выступает в качестве активного начала), что типично для дисциплин естественно-научного цикла и является нехарактерным для математики, где в качестве активного начала выступает исследователь.

Объектное значение

Наиболее многочисленную и дифференцированную по лексическому наполнению группу составляют словосочетания с объектным значением родительного приименного: 1) родительный прямого объекта; 2) родительный «предмета» научного обобщения; 3) родительный частей, составляющих целое; 4) родительный целого, состоящего из частей; 5) родительный объекта, представленного в неопределенном количестве; 6) родительный целого, от которого взята часть; 7) родительный явлений и процессов, дающих результат; 8) родительный предопределенных процессов и явлений; 9) родительный процессов и явлений, представленных в определенном виде.

1. Родительный прямого объекта

К данной группе относятся словосочетания, ГК которых является существительное, мотивированное, как и в предыдущей группе субъектно-объектных значений, переходным глаголом. Однако, в отличие от группы словосочетаний с субъектно-объектным значением, глаголы, мотивирующие ГК описываемых словосочетаний, называют действия, творческие процессы, акты умственной деятельности, обязательно совершаемые человеком или при его непосредственном участии.

Словообразовательные модели ГК этих конструкций разнообразней, чем у описанных выше. Сюда относятся: а) существительные на *-ация, -яция, -иция, -енция, -ция, -ия* (например, *классификация молекул, систематизация полученных результатов, регистрация флюктуаций, аргументация построений, ликвидация царизма*); б) существительные на *-ние, -ение, -ание, -тие, -ие* (например, *создание новой теории, рассмотрение некорректной задачи, изучение распадов, определение изотопного состава, познание закономерностей, открытие маскировочной формы*); в) существительные с суф. *-к(а)/-овк(а)*, имеющие значение действия или состояния как процесса (например, *проверка существующих гипотез, обработка экспериментальных данных, выработка языковых стандартов, подготовка восстания, разработка научной теории*).

В состав этой группы входят существительные, имеющие вторичное конкретное значение результата действия (например, *формулировка понятия, градуировка балансомера, обмотка электромагнита, находки каменного угля*); г) бессуффиксальные существительные (например, *вывод теоремы, выбор реакции, обзор состояния, учет взаимодействия, анализ масс-спектра, запуск белкового синтеза, охрана труда*); д) существительные с суф. *-ств(о)*, выступающие в описываемых словосочетаниях в качестве ГК (например, *доказательство теоремы, переустройство мира, производство оружия, строительство нового общества*), представляющие собой немногочисленную, ограниченную по своему составу группу.

Для словосочетаний описываемого типа характерно то, что при трансформации они, как и в случае субъектно-объектных значений, могут давать активные и пассивные конструкции, однако, так как семантика глагола, мотивирующего ГК словосочетания, предполагает наличие деятеля, ЗК и в первом и во втором случае понимается как объект деятельности индивида:

классификация молекул ↔ *классифицировать молекулы*

↔ *молекулы классифицируются,*

↔ *изучать распады*

изучение распадов

↔ *распады изучаются,*

↔ *готовить восстание*

подготовка восстания

↔ *восстание готовится,*

↔ *выводить теорему*

вывод теоремы

↔ *теорема выводится,*

↔ *производить оружие*

производство оружия

↔ *оружие производится.*

Самостоятельную группу значений родительного прямого объекта образуют словосочетания, ГК которых выражается существительными с суф. *-тель, -чик/-щик, -атор/-ятор* и др., трансформирующимися в действительное причастие и означающими лицо, производящее действие. Например: *представитель этого класса* ↔ *представляющий этот класс, исследователь синтаксиса* ↔ *исследующий синтаксис, преобразователь жизни* ↔ *преобразующий жизнь,*

переносчик протонов ↔ переносящий протоны, регулятор процессов ↔ регулирующий процессы. Ниже представлено распределение (в %) словосочетаний со значением родительного прямого объекта в различных научных дисциплинах. Полученные данные подтверждают сделанные ранее выводы относительно увеличения доли родительного с объектным значением в математических текстах по сравнению с субъектными значениями родительного приименного в этих текстах, хотя словосочетания со значением родительного прямого объекта представляют собой только одну из групп объектных значений.

Соотношение словосочетаний со значением
родительного прямого объекта в текстах различных
научных дисциплин (в %)

Математика	22,17	Биология	8,03
Физика	11,27	Языкознание	10,66
Химия	15,61	История / философия	20,75
Геология	12,29	Литературоведение	16,18

2. Родительный «предмета» научного обобщения

В состав данной группы входят словосочетания, ГК которых представлен существительными с общим значением результата научного обобщения (*теория, теорема, аксиома, гипотеза, понятие, концепция, проблема, закон* и др.), а ЗК выражает содержание этого научного обобщения (*например, теория скалярных полей, теорема непрерывности, аксиома делимости, понятие синэкологического оптимума, соображение точности, концепция электроотрицательностей, идея социального освобождения*).

Эти словосочетания реже встречаются в текстах по химии, геологии и биологии, тяготеющих к описательным наукам, чем в текстах других научных дисциплин, где имеют место рассуждения, завершающиеся обобщениями, выраженными описанными словосочетаниями.

Соотношение словосочетаний со значением
родительного «предмета»
научного обобщения в текстах различных
научных дисциплин (в %)

Математика	3,65	Биология	0,71
Физика	3,72	Языкознание	3,46
Химия	0,87	История / философия	2,24
Геология	0,85	Литературоведение	3,14

3. Родительный частей, составляющих целое.

Настоящую группу образуют словосочетания, ГК которых представляет собой существительное со значением единого целого, а ЗК — существительное, имеющее форму множественного числа и означающее части, элементы, структурные единицы, из которых состоит, строится это единое целое. Наиболее типичными подобными словосочетания являются для математических текстов, поэтому процент их в данных текстах наиболее высок.

Например: *множество функций (точек, значений); подмножество множеств; семейство линейных операторов (схем, кривых, случайных величин, софокусных эллипсоидов); класс множеств (данных, единиц, решений, функций, событий); набор параметров (чисел, формул, событий); система уравнений (подмножеств, функций); совокупность рядов (чисел, исходов); последовательность сигналов (решений, параметров, функций); серия случайных величин; тройка взаимно ортогональных векторов; пара матриц; группа реакций; комплекс методов.*

Соотношение словосочетаний со значением родительного частей, составляющих целое, в текстах различных научных дисциплин (в %)

Математика	11,04	Биология	4,82
Физика	1,86	Языкознание	3,74
Химия	2,70	История / философия	2,94
Геология	1,25	Литературоведение	0,94

4. Родительный целого, состоящего из частей.

Данная группа является «зеркальным отражением» предыдущей, так как здесь ГК словосочетаний представлен существительным в форме множественного числа со значением частей, структурных единиц, элементов целого, выраженного зависимым компонентом словосочетаний. Интересно отметить, что ЗК может выражать как «опредмеченное» целое, так и процесс как целое.

Например: а) *элементы матрицы (множества); столбцы таблицы; части системы (зоны); члены ряда; компоненты раствора; фрагменты яйцеклетки; составляющие химической связи; реагенты этого класса; вещества семейства; слова определенного подкласса; раз-*

дела фразеологии; все элементы мысли; звенья синтаксической системы; глаголы определенной семантической группы; страны социалистического содружества; б) периоды развития; этапы порождения; стадии развития; системы лингвистического описания; детали расчета (доказательства, взаимодействия).

Группа эта довольно равномерно распределяется в текстах различных научных дисциплин, процент ее несколько выше в лингвистических текстах за счет описания слов различных лексических групп и различных частей речи.

Соотношение словосочетаний со значением родительного целого, состоящего из частей, в текстах различных научных дисциплин (в %)

Математика	1,10	Биология	2,20
Физика	0,68	Языкознание	5,90
Химия	1,20	История / философия	1,68
Геология	1,05	Литературоведение	0,94

5. Родительный объекта, представленного в неопределенном количестве.

В качестве ГК словосочетаний этого класса выступает однородная в семантическом отношении группа слов со значением неопределенного количества (*ряд, множество, число, количество, меньшинство, десятки, сотни, тысячи, миллионы, доля, масса, объем, доза, избыток, засилье*), часто имеющих при себе определение, а иногда — слова, употребляющиеся в переносном значении (типа *горстка, море*). ЗК таких словосочетаний, как и в предыдущих двух группах, за редким исключением имеет форму множественного числа.

Например: а) *ряд проблем, систем, причин, небольшое (бесконечное, конечное, нечетное, большое) число фаз, квантов, нуклонов, окрестностей, большое (значительное, различное, заметное) количество избыточных атомов, зарядов, естественных биотопов, метакроматических гранул, множество проблем, процент спирализованных нуклеотидов, большинство млекопитающих, сотни особей, десятки работ, основная масса спорозных белков, объем отдельных видов, доза рентгеновского облучения, избыток реагента, засилье чиновников*; б) *ничтожная горстка капиталистов, море чужих индивидуальностей* и т. д.

Соотношение словосочетаний со значением родительного объекта, представленного в неопределенном количестве (в %)

Математика	3,29	Биология	4,64
Физика	1,86	Языкознание	2,30
Химия	3,66	История / философия	2,17
Геология	2,96	Литературоведение	1,27

6. Родительный целого, от которого взята часть.

Лексическое наполнение словосочетаний этой группы разнообразно. Общим для них является то, что их ГК имеет значение части целого, представленного ЗК.

Например: *подгруппа группы, половина кинетической энергии, дуга единичного круга, электромагнит протонного синхротрона, отросток кюветы, отрезок ряда Тейлора, кусок параболы, крыло самолета, участок биологической мембраны, четвертая группа периодической системы, интервал спектра, этап развития, часть стратосферы, шаг интегрирования, составляющая флюктуаций, отрасль науки, восточный район Донбасса, авангард народа, главное звено управления, член предложения, компонент значения, предикат логического суждения, раздел работы.*

Наиболее многочисленна и специфична по своему лексическому составу эта группа в биологических текстах, посвященных описанию различных живых организмов, строению их тела, органов, тканей: *орган системы, лопасть железы, кончик хвоста, отросток слепой кишки, подошвы лап, палец передней конечности, мышцы тела, дерма губ, приток апокриновой железы, цитоплазмы клеток.*

Соотношение словосочетаний со значением родительного целого, от которого взята часть, в текстах различных научных дисциплин (в %)

Математика	2,92	Биология	7,31
Физика	2,14	Языкознание	3,02
Химия	2,46	История / философия	1,82
Геология	1,96	Литературоведение	2,81

7. Родительный явлений и процессов, дающих результат.

ГК описываемой группы словосочетаний представлен существительным со значением результата или последст-

вия процесса, заключенного в семантике отглагольного существительного зависимого компонента.

Например: *результаты исследования (анализа), продукты распада, данные измерений, «двойной хвост» распределения, исходы эксперимента, следствие непрерывности, энергия возбуждения, итоги применения, следы материкового оледенения, материалы наблюдений, опыт анализа, радиоактивные отходы производства, остатки колониального угнетения, последствия разоружения, достижения человеческой деятельности, плоды просвещения, исход борьбы.*

Иногда ЗК подобных словосочетаний может быть выражен и неотглагольным существительным, однако число таких случаев невелико (например, *результат патриархальности, пережитки крепостничества, декларация конференции, остатки пережитков*).

Словосочетания исследованной группы равномерно распределяются в текстах всех проанализированных дисциплин.

Соотношение словосочетаний со значением родительного явлений и процессов, дающих результат, в текстах различных научных дисциплин (в %)

Математика	1,17	Биология	0,48
Физика	1,01	Языкознание	1,66
Химия	1,25	История / философия	1,96
Геология	1,30	Литературоведение	1,00

8. Родительный предопределенных процессов и явлений.

Семантика существительных, выступающих в качестве ГК данных словосочетаний, однородна, это слова с общим значением побудительной причины, предварительного условия, обстоятельства, от которого зависит какое-либо явление или процесс. Например: *условие, причина, перспектива, цель, фактор, режим, предпосылка, предлог, мотив.*

Лексическое наполнение ЗК в описываемых словосочетаниях семантически разнородно. Например: *причина зависимости (закономерностей, образования, торможения, рудоотложения, явления), условие независимости (спектральности, прозрачности, атомизации, синтеза, сгорания, экстракции), цель статьи (ускорения, моделирования), режим образования (труда), фактор минералообразования (повышения, смертности), перспективы обществен-*

ного развития, мотив деятельности, предлог обеспечения, предпосылка развития.

Описанные словосочетания со значением родительного предопределенных процессов и явлений, как и словосочетания предыдущей группы со значением родительного явлений и процессов, дающих результат, также распределены равномерно в текстах всех исследованных научных дисциплин, что, очевидно, можно объяснить их «общенаучностью», т. е. принадлежностью к той языковой сфере, которая не подвержена действию экстралингвистических факторов.

Соотношение словосочетаний со значением
родительного предопределенных процессов и явлений
в текстах различных научных дисциплин (в %)

Математика	1,73	Биология	2,08
Физика	1,41	Языкознание	0,36
Химия	0,96	История / философия	2,10
Геология	2,26	Литературоведение	1,00

9. Родительный процессов и явлений, представленных в определенном виде.

ГК этой последней группы объектных значений родительного приименного выражает своей семантикой вид представления или форму существования предмета, явления или процесса, названного ЗК, причем эта форма представления может быть результатом деятельности человека или естественной формой существования природного явления или процесса.

Например: *кристаллы вещества, изотоп элемента, концентрат микроэлементов, расплав соединения, пары сложных молекул, волны T-процесса, пучок дейтронов, поток ядер, листы кремнистой стали, рентгенограмма рибосом, зерна пигмента, вариации коэффициентов, кривая поглощения (интенсивности, пропускания, плавления), диаграмма плавкости, формула молекулы, модель гигантского резонанса, картина взаимодействия, образец соединения, график изменения, схема болометра, фотография распределения, проект воззвания, образ героя.*

Наиболее высокий процент словосочетаний указанной группы приходится на долю текстов по физике, химии, геологии в силу того, что, как уже было сказано, объектом этих научных дисциплин является вскрытие сути предметов материального мира.

Соотношение словосочетаний со значением родительного процессов и явлений, представленных в определенном виде, в текстах различных научных дисциплин (в %)

Математика	3,29	Биология	3,27
Физика	9,08	Языкознание	2,45
Химия	5,78	История / философия	1,26
Геология	6,27	Литературоведение	3,44

Объектное значение является наиболее типичным для исследованных словосочетаний в текстах всех научных дисциплин и покрывает в среднем треть этих словосочетаний, а в языке математики — даже более половины.

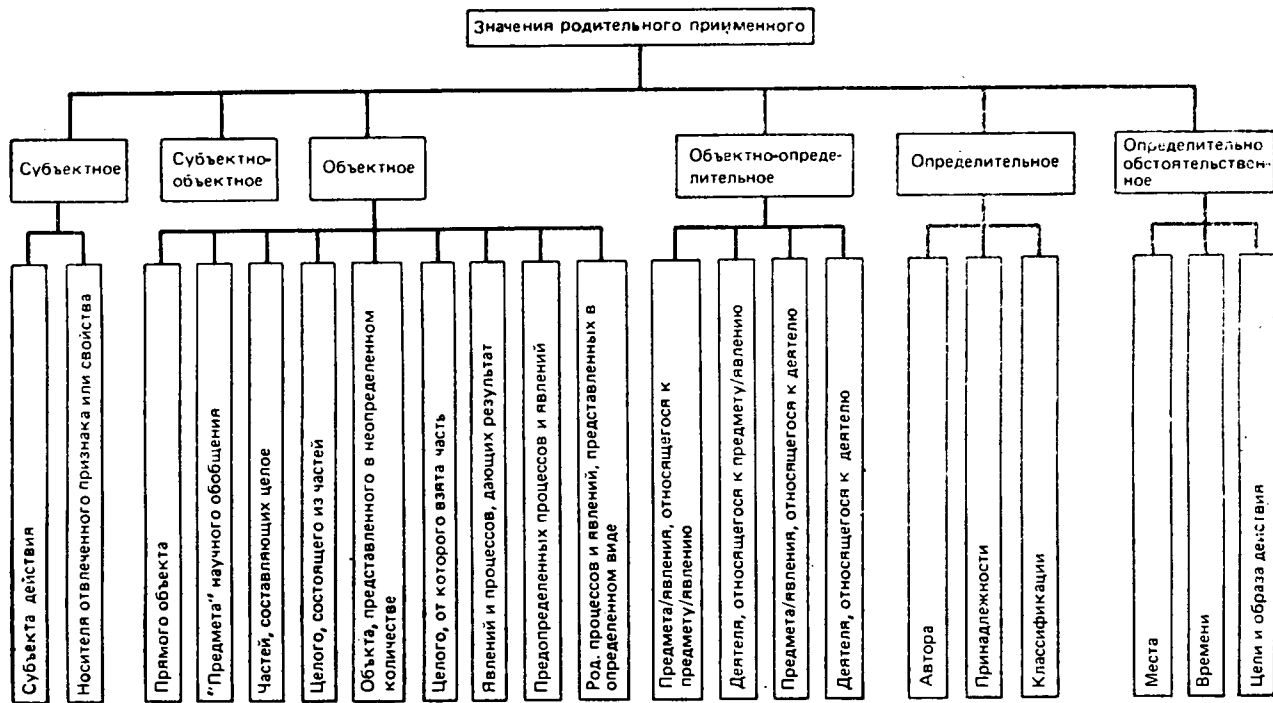
Соотношение словосочетаний с объектным значением родительного приименного в текстах различных научных дисциплин (в %)

Математика	50,73	Биология	33,53
Физика	33,03	Языкознание	34,05
Химия	34,49	История / философия	36,89
Геология	30,21	Литературоведение	31,02

В результате проведенного исследования мы пришли к заключению, что именные словосочетания с зависимым родительным занимают центральное место среди единиц того же уровня в научной речи: каждое двенадцатое слово в математических текстах (где наблюдается наименьшая по сравнению с другими научными дисциплинами частотность приименного родительного) и каждое шестое в текстах по химии (где частотность их наиболее высока) является зависимым компонентом словосочетаний с приименным родительным.

Высокая частотность описанных конструкций является одним из свидетельств «общенаучности» описываемого явления в данном функциональном стиле. Однако родительный приименной имеет свою специфику в подъязыках различных отраслей науки, что находит отражение в неодинаковой частотности различных групп значений приименного генитива и в своеобразии лексического наполнения именных конструкций с зависимым родительным в текстах этих научных дисциплин.

Система значений родительного приименного в языке науки эпохи НТР многообразна и богата, что является следствием бурного развития науки в этот период, появления новых смежных и более узких научных отраслей,

а отсюда специализация лексики, обслуживающей эти отрасли научного знания, и способов организации лексических единиц, выражающих сложные отношения в неязыковой сфере.

О СЕМАНТИКЕ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В АНГЛИЙСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

Е. С. Морозова

Вопросу о категории залога, и в частности страдательного залога, посвящено очень большое количество работ, и все же многое в отношении этой грамматической категории остается неясным. «Залог определяют как обозначение в глаголе соответствия между единицами семантического и синтаксического уровней. Но из этой формулировки не видно, для чего, собственно, существует залог, какому смысловому заданию служит изменение соотношения между семантическими единицами и членами предложения»¹.

В формулировках залога обычно подчеркивается выражение различий в отношениях между субъектом и объектом действия. Общеизвестным является также факт зависимости частотности употребления страдательного залога от функционального стиля речи, к которому относится текст. Широкое использование пассивных конструкций в научных текстах обычно объясняют большей объективностью и беспристрастностью изложения содержания с использованием форм страдательного залога по сравнению со структурами действительного залога с указанием деятеля.

Продолжение изучения употребления страдательного залога, одной из самых распространенных глагольных форм, может дать дополнительный материал для понимания сущности данного явления; в частности, относительно того, чем вызывается широкое употребление именно этих форм в научных текстах. Говоря об уров-

¹ Яхонтов С. Е. Формальное определение залога. — В кн.: Типология пассивных конструкций. Л., 1974, с. 47.

нях лингвистического анализа, В. Г. Гак определяет семантический уровень как такой, «на котором выделяются семантические субъект, действие, объект, характеристики, как отражение реальных субстанций, действий и их признаков»². Семантику С. Д. Кацнельсон определяет как «такие элементы в содержании языковых форм, которые являются отражением внеязыковой реальности»³. В данной статье делается попытка семантического исследования страдательного залога в текстах научного функционального стиля речи на основе сопоставления их с текстами художественной литературы.

Наука и искусство являются творческой деятельностью. Однако различие между научной и художественной литературой состоит в задачах и предмете описания. Основной задачей науки, как известно, является познание с целью раздвинуть горизонты видения мира, переделать и преобразовать природу, выявить и изучить общие законы развития окружающего мира. Наука исследует устойчивые и повторяющиеся отношения между явлениями, выявляет связь между предметами и их свойствами. Главная цель науки — обобщить накопленный в той или иной сфере окружающей человека действительности опыт и представить его в виде закона (правила или исключения из правила).

Задачей художественной литературы является художественное освоение мира. В центре внимания — человек, его жизнь и деятельность в конкретной обстановке, в конкретных условиях. Писатель отражает в своем творчестве самые различные области жизни, но описывает их не непосредственно, как это делает ученый, а показывая людей, связанных с данной областью жизни. Писатель изображает человека, его поступки, переживания, он показывает человека как определенную индивидуальность.

Поскольку в научной и художественной литературе задачи и предмет описания различны, стиль повествования тоже не одинаков. Экстралингвистическим фактором

² Гак В. Г. Коммуникативные трансформации и системность средств логического выделения во франц. языке. — НДВШ, филол. науки, 1975, № 5, с. 49.

³ Кацнельсон С. Д. Глубинные синтаксические структуры и семантические основания процессов речевой деятельности. — In: Preprints of Papers for the 11th International Congress of Linguists. Bologna, 1972, p. 399.

паучного стилиа М. Н. Кожина считаеа попятийно-логическое мышление, для выражения которого в речи создаются отвлеченно-обобщенные средства⁴. Одним из таких средств является страдательный залог, который более характерен для паучного стилиа речи, чем для художественного. Для паучного стилиа речи характерно обобщение. Существенным же отличием художественного стилиа речи от других речевых форм является сложность, дифференцированность, разнородность. К формальным компонентам художественного стилиа относят детализацию и композицию⁵.

Любое речевое произведение паучного или художественного плана составляет целый связный текст. Из многих существующих определений текста воспользуемся определением А. И. Смирницкого: «текст — целое, состоящее из предложений»⁶. Структурную основу предложения образуют подлежащее и сказуемое, при этом «сказуемое выступает как важнейший член предложения, передающий в своем соотношении с субъектом целую мысль»⁷. Прежде чем перейти к семантическому анализу английского страдательного залога в целом, к тому, какую же мысль он выражает, представляется необходимым определить общий характер лексических единиц, входящих в состав структуры подлежащее — страдательное сказуемое.

Как в паучной, так и в художественной литературе подлежащее может быть выражено: 1) существительным, обозначающим предметы (одушевленные и неодушевленные); 2) существительным, обозначающим лицо; 3) существительным, обозначающим явления; 4) отглагольным существительным; 5) абстрактным существительным; 6) различными прочими словами.

Количественный анализ компонентов структуры показал значительное расхождение в частотности употребления этих существительных в паучной и художественной литературе (см. табл. 1).

⁴ Кожина М. Н. Сопоствительное изучение паучного стилиа и некоторые тенденции его развития в период паучно-технической революции. — В кн.: Язык и стили паучной литературы. М., 1977, с. 6—7.

⁵ Тимофеев Л. И. Основы теории литературы. Изд. 5-е. М., 1976, с. 205.

⁶ Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М., 1957, с. 9.

⁷ Колшанский Г. В. Логика и структура языка. М., 1965, с. 160.

Таблица 1

Существительные в роли подлежащего	500 примеров	
	научная литература	художественная литература
обозначающие одушевленные и неодушевленные предметы	88	30
обозначающие лицо	14	230
обозначающие явления	55	15
отглагольные	44	40
абстрактные	218	115
прочие	81	70

Прежде всего бросается в глаза большое расхождение в частотности употребления существительных, обозначающих лицо (в состав номинативной лексики данной классификации включены местоимения-существительные, т. е. личные местоимения, а также имена собственные). Поскольку примеры из научной литературы относились главным образом к области естественных наук, а предметом естествознания, как известно, является изучение материи и различных форм ее движения в природе, то, говоря о существительных, именующих лицо, представляется необходимым привлечь к сопоставлению также тексты общественных наук, в частности исторические. В этом случае количественные показатели оказываются несколько иными (в 100 примерах из исторического научного текста встретилось 20 существительных, обозначающих лицо. Таким образом, можно предположить, что в 500 примерах их будет около 100). Однако эти показатели ниже, чем в текстах художественной литературы⁸. В табл. 1 также привлекают внимание абстрактные существительные. Они употребляются довольно часто не только в научной, но и в художественной литературе. И все же в научной литературе их почти в два раза больше. Некоторые расхождения имеются и в других группах, за исключением группы отглагольных существительных, где количественные данные примерно одинаковы.

⁸ Поскольку нет существенного различия между материалом примеров, почерпнутых из текстов общественных наук и текстов естественных наук, в дальнейшем ограничимся анализом материала текстов естественно-научной литературы.

Теперь определим общий характер глагольной лексики, используемой в качестве сказуемого в форме страдательного залога в научной и художественной литературе. Сказуемое может быть выражено глаголом, обозначающим действие: 1) в результате которого приобретает­ся признак бытийности (или одной из форм бытийности) объекта, например: Such methods are termed «psycho-physical» (Endeavour, 106); The «mmf» required is calculated by equation (Carr, 158); 2) в результате которого теряется признак бытийности (или одной из форм бытийности) объекта, например: Within the next 50 years fossil fuels will probably be largely exhausted (Endeavour, 55); The rather clumsy difference equations are replaced by a differential equation (Ziman, 153); 3) в результате которого изменяется признак бытийности объекта, например: At the moment at least 250 million people are infected (Rossche, 626). Количественные показатели глагольной лексики дают следующую картину.

Таблица 2

Глагол обозначает действие	500 примеров	
	научная литература	художественная литература
I в результате которого приобретает­ся признак бытийности (или одна из форм бытийности) объекта	130	87
II в результате которого теряется признак бытийности (или одна из форм бытийности) объекта	26	40
III в результате которого изменяется признак бытийности объекта	344	383

Из табл. 2 видно, что существенных расхождений между текстами научной и художественной литературы, за исключением I группы, не наблюдается. Общий характер глагольной лексики в основном один и тот же в научной и художественной литературе, используются одни и те же лексические классы. Кроме того, и в том и в другом стиле речи наблюдается богатство глагольной лексики. Однако преимущественное использование получают разные лексические единицы, что обусловлено различием номинативной лексики, избирательного употреб-

ления в функции подлежащего в анализируемых структурах в научной и художественной литературе. Например: I группа, в научной литературе: obtain, provide, derive, induce, carry out, etc.; в художественной литературе: receive, give, take, bring, make, etc.; II группа, в научной литературе: eliminate, disintegrate, evaporate, etc.; в художественной литературе: dismiss, stamp out, burn down, etc.; III группа, в научной литературе: simplify, multiply, diminish, charge, etc.; в художественной литературе: decorate, paint, charm, puzzle, etc.

В связи с избирательностью употребления в научной речи наблюдается некоторая повторяемость определенных лексических единиц. Например: в 500 примерах из научной литературы встретились глаголы: determine — 36 раз, produce — 28, provide — 27, induce — 25, generate — 10. В художественной литературе в 500 примерах из вышеупомянутых глаголов встретились лишь два: provide — 2 раза и generate — 1 раз. Однако здесь наблюдается повторение других глагольных единиц. Например: puzzle — 17 раз, seize — 12 раз, accept — 10, receive — 10. В наших примерах из научной литературы ни один из этих глаголов не встретился. Таким образом, в отношении лексики структуры подлежащее — страдательное сказуемое можно говорить не о специфичности, а только об избирательности в сопоставляемых функциональных стилях.

Семантический анализ страдательного залога, представленного лексикой вышеописанного характера, показывает следующее. Выражаемый формами страдательного залога семантический признак бытийности объекта передается глаголом be. Причастие II (recognized, covered, engraved, etc.) указывает на различные формы бытийности⁹ (в том числе отрицательной бытийности, например: be killed, be destroyed, be ruined, etc.). В соответствии с делением на группы, представленные в табл. 2, бытийность объекта может быть представлена тремя группами примеров:

⁹ О том, что формы страдательного залога часто имеют значение бытийной характеристики, а не действия, направленного на объект субъектом — исполнителем действия, особенно ясно видно в тех случаях, когда подлежащее пассивной конструкции является ремой предложения. См.: *Шевякова В. Е.* Современный английский язык. М., 1980, с. 280.

I. Приобретение признака бытийности (а) или одной из форм бытийности (б) объекта: а) The floor of the deep oceans is continuously generated by igneous activity at the midocean ridge system (Endeavour, 99); б) The walls of the chamber were lined with bookshelves containing all the ripest products of human wisdom (Huxley, 97).

II. Потеря признака бытийности (а) или одной из форм бытийности (б) объекта: а) The new approach was eliminated (Endeavour, 87); б) Country pleasures had been stamped out by the Puritans (Huxley, 118); His patience was lost for good (Heyer, 213).

III. Изменение признака бытийности объекта. Fertility is improved by this procedure (Endeavour, 53); He was much charmed by Filomena's grace and beauty (Huxley, 114); I was awed by the greatness of the man who had painted that ceiling (Maugham, 214).

Из примеров видно, что большая или меньшая частотность употребления пассивных конструкций в разных стилях речи объясняется не семантической специфичностью используемой глагольной лексики. Семантика пассивной конструкции также не изменяется в зависимости от стиля речи, по характеру ее особенно соответствует характеру содержания научных текстов.

Как уже отмечалось, в номинативной лексике в художественной литературе наблюдается преобладание существительных, обозначающих лицо, отсюда и частое использование в функции подлежащего личных местоимений. (В нашей выборке на 500 примеров личное местоимение-подлежащее встретилось 160 раз). Это явление вполне естественно, поскольку, как уже отмечалось, предмет повествования в художественной литературе являются люди. При этом человек, люди, описываются не столько в состоянии бытия, сколько в состоянии функционирования, деятельности, взаимоотношений и взаимодействия в процессе деятельности. Весь остальной мир показан лишь как область их действия.

Объектом научного повествования являются материальные и идеальные объекты и человек в качестве одного из них. Как уже отмечалось, М. Н. Кожина подчеркивает, что для выражения экстралингвистического фактора научного стиля речи создаются отвлеченно-обобщенные средства. Более частое по сравнению с художественной литературой использование страдательного залога отражает тот экстралингвистический факт, что предметы реального

мира являются для пауки прежде всего объектом, на который направлена ее деятельность, познавательная и преобразовательная. Наукой исследуются формы бытия объектов, создаются новые объекты, т. е. объектам «приписывается» бытие, меняются свойства объектов, т. е. меняется их бытие. В научной литературе номинативная лексика в целом очень богата (не включая терминологию) и специфика описания объектов отвечает специфике страдательного залога. Таким образом, более широкое использование форм страдательного залога в научной литературе, чем в художественной, связано не только с объективностью, безличностью и обобщенностью стиля научной речи, но и со спецификой объекта и подхода к объекту в научной литературе.

Необходимо также отметить еще одну характерную черту страдательного залога, а именно, содержание в семантике страдательного залога элемента оценки. Предложения со вспомогательным глаголом *be* вообще имеют характеризующее значение. При этом в случае использования предикативных структур с прилагательными некий признак объекта констатируется, а в случае страдательного залога — признак сообщается объекту. Ср.: *The wax was soft* и *The wax was softened*. Однако и в том, и в другом случае можно говорить об оценке качеств объекта. Это свойство семантики страдательного залога широко используется в научных текстах, что также увеличивает общую частотность использования указанных форм. Имеются в виду обороты типа: *It is to be expected, it is well known, it may be stressed*. Безличные обороты такого типа помимо текстообразующей функции, неоднократно отмеченной в литературе, выполняют функцию выражения оценки автором высказываемого факта в тех случаях, когда он хочет подчеркнуть или дополнительно выделить какое-либо явление, метод, свойство, характеристику и пр.

Выводы проведенного исследования существенны не только в плане сопоставления функциональных стилей речи, но и для практического преподавания языков. При объяснении категории залога практические грамматики английского языка обращают внимание только на различие отношений между субъектом и объектом действия¹⁰.

¹⁰ *Беляева М. А.* Грамматика английского языка. Л., 1971, с. 122—123; *Бархударов Л. С., Штелинг Д. А.* Грамматика английского языка. М., 1973, с. 147—156; *Barabash T. A.* A guide to better

Это нельзя считать достаточным. В целях элиминации трудностей восприятия и плохого усвоения учащимися образования и использования формы страдательного залога в английском языке необходимо подчеркивать при обучении бытийный характер семантики структур страдательного залога. Это поможет учащимся не забывать использовать глагол *be* при образовании форм страдательного залога. В смысловом плане подчеркивание бытийного характера семантики залога, а также характеристик, заложенных в причастиях II, должно помочь учащимся самостоятельно и правильно строить номинативно-глагольные структуры, не прибегая к переводу с родного языка. Необходимо разъяснять учащимся семантику страдательного залога, т. е. показывать им, что предложения со страдательным залогом отвечают, в частности, на вопросы: как возникает объект, как исчезает объект, как изменяется его состояние. Например, не прибегая к помощи родного языка, ученик должен ответить на вопросы типа:

- Where do vegetables come from?
- Vegetables are grown.
- Where do books come from?
- Books are written (printed).

Учащийся должен уметь также уточнить форму бытия или небытия объекта. Например:

- There used to be a fortress here, where is it?
- The fortress is ruined.

Изменение состояния объекта комментируется следующим образом:

- What is the state of water at 0°?
- Water is frozen.

Данные рекомендации помогут сделать процесс овладения иностранным языком беспереводным процессом.

СОКРАЩЕНИЯ

- Bossche — *Bossche H.* Parasitology Supplement. Nature, 1978, v. 273.
 Carr — *Carr C. C.* Electric machinery. New York, 1968.
 Endeavour — Endeavour, 1976, v. 35, № 125—126.
 Heyer — *Heyer G.* The tall gate. New York, 1972.
 Huxley — *Huxley A.* Crome yellow. Moscow, 1979.
 Maugham — *Maugham S.* The moon and sixpence. Moscow, 1972.
 Ziman — *Ziman E.* Principles of the theory of solids. Cambridge, 1964.

grammar. Moscow, 1975, p. 87—91; *Gordon E. M., Krylova I. P.* A grammar of present-day English. Moscow, 1980, p. 70—75, и др.

О ТЕКСТООБРАЗУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ АНГЛИЙСКИХ ПРЕДЛОГОВ

Е. А. Рейман

Согласно одному из существующих определений, «связный текст понимается обычно как некоторая (законченная) последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора»¹. Активное изучение этого сложного образования ведется как на уровне макротекста, так и на уровне микротекста — сверхфразового единства (сложного синтаксического целого), которому О. И. Москальская дает следующее определение: «Это специальным образом организованная, закрытая цепочка предложений, представляющая собой единое высказывание»².

Текст представляет собой смысловое иерархическое единство³. Составляющие его логическую основу группы взаимосвязанных суждений отражают поступательное развитие мысли⁴. При поступательном движении мысли то, что было предикатом предыдущего суждения, становится субъектом последующего. Один и тот же субъект может характеризоваться с разных сторон, тогда движение мысли носит как бы параллельный характер⁵.

Для некоторых типов предложений логическая, формально не выражаемая связь является очень распространенным видом связи⁶. Все же чаще внутренняя, смысло-

¹ Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике, вып. 8. М., 1978, с. 6.

² Москальская О. И. Текст как лингвистическое понятие. — Ин. яз. в школе, 1978, № 3, с. 14.

³ Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста. — Ин. яз. в школе, 1978, № 4, с. 24.

⁴ Москальская О. И. Вопросы синтаксической семантики. — ВЯ, 1977, № 2, с. 55.

⁵ Солганик Т. Я. О теоретических основах связи законченных предложений в речи и объединения их в сложные синтаксические единства (прозаические строфы). — Вестник МГУ, 1964, № 6, с. 73—74.

⁶ См. об этом: Веденина Л. Г. Опыт качественного и количественного анализа связи предложений в сложном синтаксическом целом (на материале французских номинальных предложений письменной речи). — Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Горького, 1968, т. 39, с. 80.

вая связь отдельных элементов текста имеет и формальное выражение. В этом случае выделяют следующие типы связи предложений текста: I. Грамматические средства связи (союзы, союзные слова, указательные наречия, наречные местоимения и пр.). В эту же группу включают порядок слов и порядок следования предложений; II. Семантико-грамматические средства связи (артиклы, степени сравнения прилагательных и наречий, видо-временные формы глагола); III. Лексические средства связи (местоимения, вводные слова и обороты, слова, повторяющие в себе содержание предшествующего предложения или его части, разнообразные заместители); IV. Фонетические средства связи (качество интонации); V. Стилистические приемы — разнообразные повторения и выделения слов. При этом отмечается, что связующие слова могут быть как анафорами, так и катафорами⁷.

Вопросы текстовых связей рассматриваются на материалах разных языков и в речи разных функциональных стилей⁸. При этом какие бы средства связи ни рассматривались, несомненным остается тот факт, что основа функционирования разнообразных показателей этих связей семантическая. Исследователи часто подчеркивают, что «текст создается в результате взаимодействия двух величин: во-первых, системы языка с ограничивающими ее нормой и узусом и, во-вторых, независимой от языка

⁷ Различные классификации средств связи см. в работах: Турмачева Н. А. К вопросу о средствах связи между предложениями. — Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза, 1971, т. 59; Она же. О типах формально-логических связей в сверхфразовом единстве. Автореф. канд. дис. М., 1973; Шевякова В. Е. Современный английский язык. М., 1980; Gutwinski W. Cohesion in literary texts. A study of some grammatical and lexical features of English discourse. The Hague—Paris, 1976; Halliday M. A. K. The linguistic study of literary texts. Proceedings of the Ninth International congress of linguists. Ed. by H. G. Lunt. The Hague, 1964, и др.

⁸ См., например: Рейман Е. А. Об общем характере построения научного прозаического текста. — В кн.: Особенности языка научной литературы. М., 1965; Троянская Е. С. К вопросу о проявлении общего и индивидуального в стиле научной речи. — В кн.: Язык и стиль научной литературы. М., 1977; Она же. К вопросу о «связности» научного текста и эксплицитности выводного суждения. — В кн.: Иностраный язык для научных работников. М., 1978.

ситуации (совокупности объектов внешнего мира), которая должна быть описана текстом»⁹.

Текст не составлен из предложений, хотя и реализуется в них, он представляет собой некое семантическое целое, которое сообщает нечто большее, чем все образующие его предложения в отдельности¹⁰. Как семантическое целое текст изучается некоторыми исследователями также в аспекте соответствия сообщения природе сообщаемых фактов и их внетекстовых связей, существующих в «возможном мире» (possible world), т. е., например, в той художественной действительности, о которой повествует художественный текст¹¹. И все же, несмотря на многоаспектность и разносторонность имеющихся многочисленных исследований, ряд вопросов организации текста остается незатронутым, например вопрос об участии предлогов в текстообразовании.

При оценке разнообразных качеств текста основное внимание уделяется обычно лексике, что закономерно, поскольку, как подчеркивает М. Я. Цвиллинг, словостроительный материал высказывания — «самый операбельный элемент языка»¹². Предлоги, как и все другие служебные слова, также являются лексическими единицами. В настоящее время авторы как русских, так и зарубежных работ уже не отрицают наличия у предлогов самостоятельного лексического значения. Отсюда ясно, что они, наряду с прочими своими функциями, не могут не участвовать в создании текста как семантического целого

⁹ Богодист В. И., Георгиев Х. Ц., Пестцова В. Н., Пиотровский Р. Г., Райгар С. В. Как измерить смысловую информацию. — НДВШ филол. науки, 1975, № 4, с. 99; Halliday M. A. K., *Ruqaiya Hasan. Cohesion in English*. London, 1976, p. 20; Rabin C. *The linguistics of translation. Aspects of translation, Studies in communication 2*. London, 1958, p. 126.

¹⁰ О целостности и смысловом единстве текста см.: Гальперин И. Р. Интеграция и завершенность текста. — Изв. АН СССР, СЛЯ, 1980, т. 39, № 6; Кузнецова Э. М. Интеграция предложений в сверхфразовом единстве. Автореф. канд. дис. М., 1981; Bolinger D. *Meaning and form*. London—New York, 1977; Gopnik M. *Linguistic structures in scientific texts*. The Hague—Paris, 1972.

¹¹ Dijk T. A. *Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. London—New York, 1977.

¹² Цвиллинг М. Я. Некоторые положения теории перевода и их место в преподавании иностранного языка научным работникам. — В кн.: *Методика и лингвистика. Иностраный язык для научных работников*. М., 1981, с. 123.

подобно другим единицам лексики, не быть его строительным материалом.

Естественно, что каждая группа лексики, участвуя в текстообразовании, проявляет черты как свойственные лексике в целом, так и характерные только для данных единиц. Предлоги относятся к группе лексики с общим значением указания (или реляционным значением)¹³, в которой они составляют самостоятельную подгруппу с особым значением. Так, например, местоимения (тоже реляционная лексика) имеют значение указания на предметы и их признаки. Предлоги же указывают на отношения предметов и их признаков.

Известно, что различные группы лексики обладают разной степенью самостоятельности: слова, называющие вещи, менее зависят от других языковых единиц, чем слова, называющие признаки вещей, которые в свою очередь обладают большей долей самостоятельности, чем наименования признака признаков (например, наречия).

В силу своего лексического значения (указание на отношение) и связанных с этим функций (в частности, участие в построении словосочетания) предлоги обычно находятся в тексте в непосредственной близости от тех единиц, отношения которых они выражают. Однако следует помнить, что так бывает не всегда. Английские предлоги, например, могут оставаться при глаголе, располагаясь дистантно по отношению к именному члену глагольного словосочетания. Еще более широко распространены (и не только в английском языке) предложно-поминативные комплексы, которые, выполняя функцию называния (номинативно-информационную), могут употребляться в независимой позиции, предваряя текст. Ср. такие названия текстов, как: *На далеком берегу. К далекому берегу.* В них предлоги вообще не относятся ни к какой конкретной допредложной языковой единице. Из комплекса семантических признаков существительного *берег* предлог *на* подчеркивает признак территориальной поверхности, а предлог *к* — признак территориального предела, границы, подобно тому, как прилагательное *далекий* подчеркивает в значении существительного *берег* семантический признак дистантной пространственной ориентации.

¹³ Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексических значений. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980, с. 234.

В силу общего значения предлогов — указания на отношение — предлоги *на* и *к*, вследствие отсутствия какого-либо допредложного члена отношения, устанавливают связь номинативных комплексов с последующими текстами, названиями которых они являются. Будучи лексическими единицами, предлоги проявляют свое участие в образовании текста в тех же формах выражения, что и знаменательные слова: повторы (в том числе с использованием синонимических единиц), кореференция, различного рода логические связи единиц непосредственно между собой и через другие единицы. Лексический повтор может использоваться как стилистическое средство, но чаще всего является простым отражением факта единства объекта описания и тем самым — фактором связности текста. Лексические повторы рассматриваются в целом ряде работ¹⁴. Предлоги в них не упоминаются. Однако повторяемость предлогов также является фактором текстообразования:

The terrace in front of the house was a long narrow strip of turf, bounded along its outer edge by a graceful stone balustrade. . . ; *from* the balusters to the sloping lawn beneath was a drop of thirty feet. Seen *from* below, the high unbroken terrace wall . . . had the almost menacing aspect of a fortification — a castle bastion, *from* whose parapet one looked out . . . to distances level with the eye (Huxley, 45—46). Повторное использование предлога *from* дает возможность обозначить различные исходные точки обзора описываемого строения, что помогает создать объемность изображения. Без предлога *from* создание семантического единства (текста) данного типа было бы невозможно.

Кореференция как текстообразующий фактор наблюдается в случаях, когда разные предлоги соотношены с одним и тем же предметом мысли. Так, предлоги *till* и *at* в следующем примере оба относятся к одному и тому же

¹⁴ См., например: Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование. — Сб. трудов МГПИ, Вопросы французской филологии, М., 1972; Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958; Лебедева Н. В. О характере присоединительной связи в английском языке. — Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тареза, 1968, т. 46; Семейко А. М. Сквозной повтор и его лингвистические особенности. — Учен. зап. МГПИИЯ им. М. Тареза, 1971, т. 59; Триглебова Л. А. Роль повторной номинации в функциональной перспективе текста. Автореф. канд. дис. Минск, 1980.

часовому времени: 2,35. *Up till* 2.35, September 9th might have been a day like any other day. *At* 2.35 Miss Martindale's buzzer went (Christie, 5). Вместе с повторяющимся обозначением времени предлоги создают единое семантическое целое.

Текстообразующие связи лексических единиц могут быть сложными, разветвленными: *My eye was caught by a flash of light somewhere half-way up the building. It puzzled me. I stared up. Yes, there it came again. An open window and someone looking through it. A face slightly obliterated by something that was being held up to it* (Christie, 176). В первом и втором предложениях семантические связи развиваются однолинейно и перспективно: *a flash of light*→*puzzled me*. Но далее последовательное развитие содержания абзаца идет не только по этой, основной линии: *a flash of light*→*puzzled me*→*came again*. Имеются и дополнительные линии развития семантических связей (ретроспективно направленных): *half-way up the building*←*I stared up*, а также *someone looking*←*a face*.

Текстообразующие семантические связи знаменательной лексики часто устанавливаются через слова с реляционным значением, которые не называют объекты реальной действительности, а лишь указывают на них. К их числу относятся местоимения, местоименные наречия, служебные слова. Исследователи английских текстов упоминают еще постпозитивы протрапственного значения — *away, in, out, off, up*¹⁵. Говоря о служебных словах, обычно имеют в виду только союзы, текстообразующая роль предлогов не рассматривается. Между тем она велика.

Предлоги указывают на отношения как между словами, так и между группами слов, причем члены отношения могут иметь весьма дистантное расположение, находясь в пределах разных предложений. Это вполне естественно, если рассматривать предлоги в аспекте их текстообразующей функции. Поскольку текст — единое семантическое целое, границы между отдельными предложениями несущественны.

¹⁵ См., например: Головенко Ю. А. Местоименно-репрезентативная связь и структура высказывания в современном английском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1970.

Предложные номинативные комплексы могут занимать позиции в начале предложения, не будучи формально связанными ни с каким членом этого предложения, распространяя предложение в целом. Грамматика русского языка называет такие комплексы детерминантами, выделяя обстоятельственные детерминанты (типа *В Москву ожидается приезд зарубежных гостей*) и объектно-субъектные (типа *У молодого писателя опубликован сборник рассказов*). Помимо констатации функции детерминанта, исследователи английского языка отмечают, что постановка обстоятельств и объектного члена предложения на первое место объясняется необходимостью выделения, подчеркивания той части информации, которую они несут¹⁶. В дополнение к этим фактам следует сказать также, что маргинальное положение предложных оборотов вполне естественно (хотя и не обязательно) при текстообразующей функции, которую они выполняют. Ср. *Arthur turned away in silence. On the wall hung a large wooden crucifix; and his eyes wandered slowly to its face* (Voynich, 67). Смысловая связь между предикативным комплексом первого предложения и завершающей частью второго (сложносочиненного) предложения осуществляется предложной именной группой *on the wall*, и этому хорошо соответствует ее пограничная позиция. При этом существует еще непосредственная смысловая связь глагола *turned* и существительного *wall*, также выражаемая предлогом *on* (имеет место как бы распространение действия на поверхность: 'Отвернувшись, Артур изменил направленность взгляда, переведя его с лица проводившего допрос полковника на поверхность стены').

Семантические связи, устанавливаемые предлогами в их текстообразующей функции, разветвлены, соединяют в единое целое некое множество слов и при этом направлены как перспективно, так и ретроспективно: *The frenzied laughter died on Arthur's lips. He snatched up the hammer from the table and flung himself upon the crucifix.*

¹⁶ См., например: *Сорокина И. С.* К вопросу о мотивированности начальной позиции обстоятельства времени и обстоятельства места в современном английском языке. — Учен. зап. ЛГПИ, т. 226. Вопросы англ. филологии. Л., 1962; *Ягель Г. П.* Предложные словосочетания современного английского языка. Киев, 1969.

With the crash that followed he came suddenly to his senses (Voynich, 76). Предлог *with* соединяет ассоциативной семантической связью (ассоциация понимается как пространственная, временная и пр. соотношенность) существительное *crash* с предикативным комплексом *came suddenly to his senses*, а также со словами *hammer, flung himself, crucifix* предыдущего предложения.

Еще более обобщены устанавливаемые предлогом отношения в следующем примере: *All the unhealthy fancies born of loneliness and sick-room watching had passed away, and the doubts against which he used to pray had gone without the need of exorcism. With the awakening of a new enthusiasm ... had come a sense of rest and completeness* (Voynich, 29). Предлог *with* здесь указывает на общее ассоциативное отношение между содержанием первого предложения и двумя частями второго, способствуя созданию единого семантического целого, в котором представлена смена фаз состояния героя.

Выражая разнообразную локальную ориентацию и взаимоориентацию описываемых объектов, предлоги в составе обстоятельства места создают детализацию общего описания: *They walked along the water's edge to a quiet spot and sat down on a low stone wall. Close beside them grew a rose-bush. On the green surface of the lake a little boat ... rocked in the dewy breeze* (Voynich, 27). Указывая на различные виды пространственной ориентированности действий, предлоги, наряду с глагольной и номинативной лексикой, помогают выразить изменение характера и места действия и тем самым — общую динамику развития действия в тексте: *The sailor led him back to the little irregular square... Beside one of the little bridges the sailor stopped, and ... descended a flight of stone steps to a narrow landing stage ... Presently they passed under a bridge and entered that part of the canal which forms a moat for the fortress... At a little distance Arthur sat up and threw off the clothes* (Voynich, 82).

Изменение временного плана описываемых событий также передается с помощью предлогов: *Arthur went back to his lodgings feeling as though he had wings... The next morning, however, he awoke in a soberer mood... In the evening he went to the Seminary* (Voynich, 37). Формой выражения периодизации действий героя и его эмоциональных состояний является лексика обстоятельств времени и предлог *in*, принимающий непосредственное участие

в общей организации данного семантического целого (фрагмента текста).

Как бы разделяя повествование на локальные и темпоральные этапы, предложные обороты вместе с тем соотносят их между собой, связывая семантически дистантные части текста. Так, в начале одной главы с помощью предложного оборота осуществляется переключение на ситуацию, описанную в предыдущей главе: *Arthur went back to his lodgings feeling as though he had wings. He was absolutely, cloudlessly happy. At the meeting there had been hints of preparations for armed insurrection (Voynich, 37).*

Непосредственное отношение к предшествующему описанию студенческого собрания имеет вся лексика последнего предложения, особенно первое существительное, включающее описанную ситуацию в класс *meeting*. Однако локальным уточнителем в повествовании оно становится только вследствие сочетания с предлогом *at*. Он дает возможность проявиться потенциально существующей у существительного *meeting* возможности служить наименованием места действия. Вместе с существительным, именуя ситуацию, описанную в предшествующей главе, предлог *at* способствует формированию семантических текстовых связей, в чем и проявляется его текстообразующая функция.

При описании ситуации предложные обороты могут характеризовать ее, как, например, в нижеследующем случае, путем исключения одного из возможных ее элементов: *Gemma would fight at the barricades. She would stand beside him, shoulder to shoulder...; and they would die together, perhaps in the moment of victory. Of his love he would tell her nothing (Voynich, 48).*

Элементами ситуации в данном случае являются борьба, смерть, любовь, представленные в языке повествования глаголами *fight*, *stand beside*, *die* и существительным *love*, которое в силу своей особой семантической весомости в этом тексте занимает маргинальную (начальную) позицию в предложении, по возможности сближаясь со словами борьбы и смерти. Наличие при существительном *love* предлога *of* с присущим ему значением характеристики показывает, что этот номинативный комплекс называет признак, определяющий поступки героев, хотя и не получающий конкретного выражения (*he would tell her nothing*).

Текстообразующей является семантическая связанность знаменательной лексики, обусловленная единством элементов описываемой ситуации, но и предлог также выполняет текстообразующую функцию, указывая, какие именно отношения реализуются в пределах этих внутритекстовых связей. Тонкий исследователь контекстуальных связей лексики Н. Н. Амосова подчеркивала, что в случаях лексического контекстуального минимума типа *the hands of the clock* между словами *hands* и *clock* семантическая связь существует только потенциально. Устанавливает же ее предлог *of*¹⁷. Это справедливо в отношении и других предлогов, при этом также для более дистантно расположенных, семантически связанных единиц.

Предложные обороты помогают также организовать текст композиционно, например, обозначая перерывы в повествовании, паузы: *After a long silence, Arthur whispered tremulously* (Voynich, 46). И опять-таки, поскольку предложный оборот, несмотря на его включенность в конкретное предложение, относится ко всему тексту в целом, прерывает, останавливает его развитие, он и занимает начальную, пограничную позицию в предложении, частью которого является.

Композиционное значение имеет также и переключение с помощью предложных оборотов от плана действующих лиц к плану автора повествования: *The blinds were partly drawn to darken the room, and Mrs Strickland was sitting with her back to the light. Her brother-in-law, Colonel Mac Andrew, stood in front of the fire-place, warming his back at an unlit fire. To myself my entrance seemed excessively awkward. I imagined that my arrival had taken them by surprise* и т. д. (Maugham, 43). Переключение может быть и от плана автора повествования к плану действующего лица: *She was sitting in a corner by the window, listening with an absorbed and earnest face to what one of the „initiators“, a tall young Lombard in a threadbare coat, was saying to her. During the last few months she had changed and developed greatly. She was dressed all in black. To Arthur she seemed a melancholy vision of Liberty mourning for the lost Republic* (Voynich, 32).

¹⁷ Амосова Н. Н. Контекстуальные функции служебных слов. — В кн.: Исследования по английской филологии. Л., 1971, вып. 4, с. 154.

Во всех приводившихся выше примерах рассматривалась текстообразующая функция предлогов на основе предложных оборотов, занимающих маргинальную позицию в предложении. В пределах одной статьи нет возможности рассмотреть выходящие за рамки одного предложения текстообразующие связи предлогов в составе членов предложения, занимающих другие позиции.

Предлоги сами по себе, как и вообще части речи, не принадлежат какому-либо функциональному стилю, поскольку «стиль — это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общественного, общенационального языка»...¹⁸ Особенности функциональных стилей проявляются в характере употребления предлогов. Вследствие того, что в научном тексте преобладает связь предложений в виде цепи последовательно включаемых звеньев, число предложных оборотов, занимающих позицию на грани двух предложений, больше, чем в художественных текстах.

Это превышение является результатом прежде всего постоянного употребления устойчивых предложных словосочетаний, выполняющих в текстах разных функциональных стилей речи связующую функцию. К ним относятся обороты типа: *for this reason, at the same time, in this connection, in other words, in this respect, in this way, in general, in addition* и пр.

Вторым источником превышения является широкое использование предлогов в составе номинативных и глагольных групп слов, представляющих собой повторы, обобщения, спецификацию, детализацию и пр. и пр. того, что говорилось в предшествующей части текста, чаще всего непосредственно в предшествующем предложении. Такое построение текста создается поступательным движением развития логической мысли сообщения.

В составе указанных групп слов встречаются самые разнообразные предлоги, в том числе простые, первообразные. Семантические связи устанавливаются между знаменательными словами предложений теми же сред-

¹⁸ *Виноградов В. В.* Итоги обсуждения вопросов стилистики. — ВЯ, 1955, № 1, с. 73.

ствами, что и в художественном тексте (корреляция, повтор одного и того же слова, его синонима, производного или конверсива и т. д.). Ср.: To appreciate the extent of its utility it is only necessary to compare a book on chemical physics, geology, or biochemistry with one on physical chemistry. *From* such a comparison it becomes quite evident why physical chemistry is often included in curricula in these subjects (Prutton, 4). Each constant pressure line is called an isobar. *For* every isobar the slope is the greater the lower the pressure (Prutton, 10). Указание на характер отношений, существующих между семантически связанными единицами текста, содержится в предлогах. Конкретизируемые предлогами семантические связи знаменательной лексики разнообразны. Типичными можно считать следующие:

1. Обобщение. а) Результат пространного рассуждения, представленного рядом предложений, обобщается в предложении: *From these considerations* it may be deduced that the corpuscular nature of the electron becomes manifest when... (Prutton, 672). Предлог *from* конкретизирует обобщающую связь как извлечение следствия (обобщения) из содержания предшествующего высказывания.

б) Излагаются методы исследования, сообщения о которых обобщаются в предложении: *By these methods* it was established that these rays consist of positively charged particles which... (Prutton, 673). В данном примере предлог *by* дает иную конкретизацию обобщающей связи предложений — указывает на методы как фактор, позволивший установить некую закономерность.

2. Спецификация. The reverse process, the conversion of heat to work, is never complete without permanent changes in some part of the system. *Under isothermal conditions* heat cannot be converted to work unless some definite and permanent compensating change in the system has occurred. *Under nonisothermal conditions* only a part of the heat can be recovered as work. *Under ideal conditions* of operation... the result of the Carnot cycle gives... (Prutton, 289). Предложный оборот, повторяясь, дает три варианта специфических случаев, подпадающих под то классификационное общее, что выражено в первом предложении. Соответственно этому конкретному значению (классификационная стратификация) и употреблен предлог *under*.

3. Связь общего/частного не ограничивается случаями классификационной спецификации. Ср.: ... many attempts have been made to set up equations of state which will reproduce more satisfactorily the P-V-T relation of gases. *Of these equations* one of the earliest and best known is that of van der Waals (Prutton, 29). В данном случае устанавливаемая при помощи повторяемого существительного equations и местоимения these связь определяется предлогом of как характеризующая связь общего и частного.

4. Характеризующее отношение может быть не только отношением общего и частного. Ср. следующий пример: ... these quantities are called mol fractions and are designated by the respective symbols N_1, N_2, N_3 etc. *Of necessity* the sum of all the mol fractions for a system will have to be unity, namely, $N_1 + N_2 + N_3 + \dots = 1$ (Prutton, 16). Связь между содержанием первого предложения и второго определяется предлогом of как связь характерной особенности, а существительное necessity определяет, что эта особенность является объективной необходимостью. То же самое семантическое отношение наблюдаем в еще более выраженной форме в нижеследующем случае: The significant fact revealed by all such studies is that ... no particle found is of a mass lower than that of the proton. *Of added importance* is the observation that the masses of all ions heavier than that of hydrogen are within close limits whole number multiples of the mass of the proton (Prutton, 673). Отношение содержательной характеристики, устанавливаемое предлогом of, подчеркивается корреляцией прилагательного significant в первом предложении и именного комплекса added importance — во втором. Список разнообразных связей, выражаемых с помощью предложных оборотов, можно продолжить, но остановимся еще только на случаях выражения временных и локальных связей элементов содержания научных текстов.

Обстоятельства времени создают систему периодизации описываемых явлений, фактов, исследований и тем самым играют организующую роль в отношении структуры текста. Как и в предыдущих случаях, знаменательные единицы предложного оборота называют время, а предлоги указывают на характер отношений между описываемыми фактами и названным периодом, характер временной отнесенности: Other important data have already been obtained through collaboration. *On 7th July*

1959 there occurred a unique phenomenon, the occultation by Venus of the bright star Regulus. *In June 1964*, Venus passed through inferior conjunction. *On 19th June* the planet was at only a little over 2° from the Sun (Endeavour, 89). Предложные обороты не только организуют в единую структуру те предложения, в состав которых они входят, но отчетливо соотнесены и с первым предложением, способствуя раскрытию содержания словосочетания other important data, содержащегося в первом предложении.

Совершенно аналогичную роль выполняют и обстоятельства места. Ср.: Astronomical observatories have consequently been impelled to increase their planetary studies, and this has led to a remarkable harvest of discoveries. *In Europe*, high altitude observing stations ... have very powerful telescopes for the study ... of planetary surfaces. *In the Soviet Union* ... impressive results have been obtained from radioastronomy and high-powered radar. *In the United States*, the planets have been extensively studied with the great reflecting telescopes (Endeavour, 87).

Сравнивая научный и художественный текст, можно заметить, что темпоральные связи и локальные являются в целом связями партикуляризации, частного уточнения, в то время как в художественном тексте имело место переключение из одного временного или локального плана в другой.

Подобно художественному тексту, научный текст характеризуется и в композиционном отношении, а также по способу изложения. Композиции научного текста свойственно наличие не только глав, но и разделов и подразделов. Предложные обороты способствуют их соединению в целое, устанавливая непосредственную связь заголовка подраздела с первым же предложением последующего текста, например: *Ideal and Real Gases. In discussing their laws of behavior, gases will frequently be referred to as being either ideal, or nonideal or real* (Endeavour, 7). Предложный именной оборот не только через местоимение *their*, но и через глагольный член словосочетания и сам предлог соотнесен как с последующим предложением, так и с заголовком. Естественной составной частью научного текста являются графики, вычисления. Предложные обороты, отсылая к ним, устанавливают их единство с последующим текстом. Так, после приведенных в тексте уравнений, имеем: *By either of these equations the roots-*

mean-square of a gas may be calculated from directly measurable quantities (Endeavour, 23). После соответствующего графика имеем: *In this figure the ordinate represents* и т. д. (Endeavour, 25).

Предложные обороты в научном тексте часто характеризуют способ изложения материала. К таким характеризующим оборотам относятся целевые номинативные комплексы типа *for brevity, for convenience of treatment* и т. п.

Таким образом, предлоги в качестве служебных слов способствуют не только построению словосочетаний и предложений, но и построению текста, указывая на характер тех отношений, которые устанавливаются между частями текста в результате взаимодействия смыслов, сообразуемых знаменательными словами.

СОКРАЩЕНИЯ

- Christie — *Christie A. The Clocks. Glasgow, 1975.*
Endeavour — *Endeavour, v. 24, N 92, 1965.*
Huxley — *Huxley A. Crome yellow. Moscow, 1976.*
Prutton — *Prutton C. F., Maron S. H. Fundamental principles of physical chemistry. New York, 1944.*
Voynich — *Voynich E. L. The gadfly. Moscow, 1954.*

ИЗМЕНЕНИЯ

В СЕМАНТИКЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ)

Т. А. Зырянова

Предметом нашего исследования являются причинные и следственные сложноподчиненные предложения (ПСП и ССП). Выбор этих синтаксических конструкций (СК) мотивирован, во-первых, той особой ролью, которая отводится сложноподчиненным предложениям с причинно-следственными отношениями в научной «рассуждающей» прозе. Различные причинно-следственные связи и отношения как моменты всеобщей взаимосвязи, «связи всего»,

«цепи причин»¹ особенно важны в научном рассуждении, так как без этого невозможно оформление и восприятие сложных логико-понятийных связей содержания научных текстов, невозможна строгая, подчеркнутая логическая последовательность и связность научного изложения. Во вторых, указанным СП, по-видимому, принадлежит особая роль в научных текстах, поскольку из всех разнообразных синонимических синтаксических конструкций, выражающих семантико-синтаксические отношения причинно-следственного круга значений, степень эксплицированности причинно-следственного отношения наиболее высока в ПСП и ССП.

Цель нашего исследования — определить, наблюдается ли эволюция в семантике и функционировании ПСП и ССП в научных текстах за период с середины XIX в. (50—80-е гг.) и до наших дней (50—70-е гг. XX в.). Наша конкретная задача состоит в том, чтобы путем сопоставления данных об употреблении семантических разновидностей ПСП и ССП по двум указанным «срезам» определить направление эволюции указанных конструкций в связи со спецификой научного стиля и ее экстралингвистическую обусловленность.

Специальные диахронические исследования функционирования ПСП и ССП в научных текстах нам неизвестны. Однако и в тех работах, где речь идет об эволюции употребления сложноподчиненных предложений с причинно-следственным отношением в научной речи², не рассматривается зависимость особенностей функционирования ПСП и ССП в их эволюции от специфики научного стиля речи. Между тем наблюдение за изменением ПСП и ССП в функционально-семантическом плане может помочь в решении более общего вопроса о путях эволюции научного стиля — вопроса, актуальность которого неоднократно подчеркивалась в лингвистике последних лет³.

¹ Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 311.

² Лаптева О. А. Внутренняя эволюция современной русской научной прозы. — В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Недра, 1968; Сиротинина О. Б., Бах С. А., Богданова В. А. и др. Изменения в языке научной прозы. — В кн.: Вопросы стилистики, вып. 3. Саратов, 1969.

³ Будагов Р. А. Что такое развитие и совершенствование языка? М.: Наука, 1977; Кожина М. Н. О понимании научного стиля и его эволюции в период научно-технического прогресса. В кн.:

В исследовании мы исходим из следующей рабочей гипотезы. Поскольку стиль — явление глубоко системное, то изменения в функционировании не только синтаксических средств связи⁴, но и сложноподчиненных предложений с причинно-следственным отношением должны идти в направлении все более четкого и последовательного выражения ими специфических и других основных черт научной речи, в частности таких, как отвлеченно-обобщенность и подчеркнутая логичность, а также точность и ясность.

Материалом для анализа послужили тексты трудов по физике, химии, биологии, философии, языкознанию и литературоведению по двум условно выделенным «срезам» (периодам). Каждая из отраслей науки представлена в наших материалах произведениями четырех авторов, при этом исследовались произведения разных жанров: монография, учебное пособие, статья.

Общая суммарная выборка составляет 24 000 сложноподчиненных предложений (по 12 000 сложноподчиненных предложений в каждом периоде).

Полученные данные показывают, что исследуемый отрезок времени характеризуется общим количественным ростом ПСП в научных текстах (с 810 до 923 случаев употребления). Это явление связано, на наш взгляд, с развитием в научных текстах функционально-смыслового типа речи «рассуждение + описание»⁵, требующего оптимизации, повышения эксплицитности передачи логических, в частности причинно-следственных, отношений. Поскольку эти отношения передаются с помощью ПСП с наибольшей формальной выраженностью и подчеркнутостью, то рост употребительности этих конструкций в научных текстах — закономерное явление,

Научно-техническая революция и функционирование языков мира. М.: Наука, 1977; *Разинкина Н. М.* Развитие языка английской научной литературы. М.: Наука, 1978; *Троянская Е. С.* Актуальные проблемы исследования функциональных стилей. — В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. М.: Наука, 1979.

⁴ См.: *Кожина М. И., Когурова М. П.* О некоторых тенденциях функционирования единиц синтаксиса в русской научной речи (к вопросу об эволюции научного стиля). — В кн.: Стиль научной речи. М.: Наука, 1978.

⁵ См.: *Троянская Е. С.* К вопросу о технико-стилистических приемах в научной речи. — В кн.: Язык научной литературы. М.: Наука, 1975, с. 41—42.

указывающее на кристаллизацию специфической черты научной речи — логической последовательности и связности.

Анализ данных относительно изменений в частотности употребления ССП выявил сокращение употребительности этих СК в научных текстах II периода более чем в 3 раза (со 130 до 36 случаев употребления). На первый взгляд эти цифры в корне противоречат известному утверждению об определенном возрастании средств выражения подчеркнутой логичности в процессе эволюции научной речи. Чем же объясняется такое сокращение?

В этой связи хочется напомнить глубокую мысль К. Маркса: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня»⁶. Хотя по форме ССП строятся на подчинительной связи обоснования и следствия, однако эта связь между придаточной и главной частями ослаблена, неконкретна, не отличается определенностью. Препозитивная главная часть ССП обладает смысловой и структурной (синтаксической) завершенностью, поскольку не содержит строевых элементов, требующих обязательного восполнения⁷. Поэтому, как показывает анализ, придаточная часть ССП сохраняет относительную самостоятельность. Например: Во избежание недоразумений укажем, что для продольных волн выполнено условие (93, 7), так что вектор D перпендикулярен вектору K (направлению распространения) (Левич, 263); Это имеет место в тех случаях, когда межмолекулярное взаимодействие компонентов носит сложный характер, так что в определенной области концентраций превалирующее значение имеют факторы, вызывающие положительные, а при других концентрациях — отрицательные отклонения от идеального поведения (Коган, 141); Смена выразительных средств в искусстве может происходить в иных случаях резко и решительно, так что члены общества перестают понимать его язык (Общее языкознание, 177).

Так как в создании эффекта связности изложения большую роль играет степень внутренней спаянности предложений, степень интеграции их составных частей, то понятной становится причина сокращения

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2, с. 384.

⁷ См.: Иванчикова Е. А. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе. — ВЯ, 1965, № 5.

употребительности ССП в научных текстах в исследуемый отрезок времени. Другой причиной снижения употребительности ССП в научных текстах является, по-видимому, отсутствие в придаточной части этих конструкций значения необходимого вывода, столь важного при логически последовательном изложении. Поэтому научный стиль отдает предпочтение конструкциям с вводными словами *итак, таким образом, следовательно*, в которых значение вывода — умозаключения, указания на логически обоснованный вывод эксплицировано, специально подчеркнуто⁸.

Итак, хотя ССП и участвует в передаче отношений обоснования—следствия, однако, в отличие от ПСП, они не имеют особого значения в процессе создания логически последовательного и связного научного изложения. А поскольку синтаксис научной речи призван отразить прежде всего логические связи, то закономерной является относительно слабая насыщенность ССП современных научных текстов.

Перейдем теперь к анализу функционирования семантических разновидностей ПСП и ССП в диахроническом аспекте. В предлагаемой работе принято то выделение основных семантико-синтаксических разновидностей ПСП, которое представлено в «Грамматике русского языка» издания 1954 г., а именно: ПСП с придаточной частью причины и ПСП с придаточной частью основания обоснования⁹, которые в свою очередь могут осложняться дополнительными собственно-причинными и «непричинными» значениями¹⁰.

Проведенный нами анализ показал, что для периода 50—80-х годов XIX в. характерно преобладание в научных текстах ПСП со значением причинного обоснования

⁸ *Троянская Е. С.* К вопросу о «связности» научного текста и эксплицитности выводного суждения. — В кн.: *Иностранный язык для научных работников*. М., 1978, с. 217.

⁹ *Грамматика русского языка*, т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 307.

¹⁰ Там же, с. 317; См. также: *Андрамонова Н. А.* Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. Казань, 1977, с. 132—137; *Колосова Т. А.* О двух планах анализа семантики сложных предложений. — В кн.: *Исследования по современному русскому языку*. М., 1970, с. 122; *Суровцев А. Н.* Сложноподчиненные конструкции с составными союзами. — Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1963, т. 242, с. 72.

(50,9% от общего количества ПСП). Довольно часто использовались в научных текстах I периода ПСП с причинно-следственным отношением без дополнительных оттенков (36,9%). ПСП с причинным отношением, осложненным дополнительными оттенками, употреблялись в I периоде сравнительно редко. Обнаружено лишь 97 ПСП с дополнительными оттенками значения (12,2% от общего количества ПСП), причем большую часть таких конструкций составили ПСП, у которых оттенки значений являются внутренними по отношению к основному инвариантному значению (9,2%). Однако важно, что уже в I периоде были зафиксированы ПСП с дополнительными оттенками непричинного характера, обобщенно-отвлеченные по своему значению ПСП, хотя доля таких ПСП в научных текстах I периода еще сравнительно невелика (3%).

Для исследованных нами научных текстов 50—70-х годов XX в. характерно некоторое возрастание употребительности ПСП со значением причинного обоснования (с 50,9 до 54,7%). Почему это происходит? Можно предположить, что причиной возрастания употребительности ПСП с отношением причинного обоснования является такой экстралингвистический фактор, как развитие одной из основных функций науки — объяснения. Совершенствование объяснения ведет к увеличению распространенности причинного объяснения — обоснования в науке¹¹, что в свою очередь делает понятным возрастание употребительности ПСП со значением обоснования в научной речи. Цель научного сообщения (по возможности точно и полно объяснить все существующее, вскрыть внешние и внутренние связи и закономерности) достигается тем успешнее, чем шире используются для этого причинные конструкции со значением объяснения—обоснования, поскольку в указанных конструкциях отображается логический процесс умозаключения и наиболее отчетливо проявляются связи научного мышления и языка. Более широкое использование ПСП со значением обоснования в научных текстах II периода по сравнению с I свидетельствует также о дальнейшей кристаллизации лингвистического воплощения специфической черты научной речи — подчеркнутой логичности. Последовательность па-

¹¹ Никитин Е. П. Объяснение — функция науки. М.: Наука, 1970, с. 89.

учного изложения наилучшим образом достигается с помощью причинных конструкций со значением причинного обоснования, ибо в них каждое положение находит свое логически последовательное обоснование.

В научных текстах II периода появляются ПСП со значением гипотетического обоснования, а также ПСП с причинным значением, осложненным гипотетическим оттенком. Например: *Это, несомненно, явление приверженца антропологического принципа*, ибо им признается, что проблема человека является основным вопросом философии (Митин, 128); Поскольку доля потенциальной энергии, связанной с силами отталкивания, убывает с увеличением расстояния между молекулами, *то, очевидно, минимуму потенциальной энергии отвечает определенное расстояние между молекулами* (Коган, 48).

Поскольку примеры такого рода в научных текстах I периода представлены единичным случаем и еще немногочисленны в научных текстах II периода (они составляют соответственно 1,3 и 2,6%), то можно предположить, что исследуемый отрезок времени — начало их употребления в научных текстах. Чем объяснить появление этой новой стороны в исследуемом нами объекте? По-видимому, объяснение этому также следует искать в экстралингвистических основаниях научного стиля. Научное объяснение несводимо только к причинному объяснению¹². Как отмечает П. В. Копнин, отождествление систем научных гипотез, реализующих объяснение и предвидение, с причинной зависимостью идет от метафизического взгляда на каузальность как единственно возможную форму связи явлений¹³. Наряду с причинным объяснением в науке актуальны и гипотетические объяснения, особенно характерные в таких отраслях науки или на такой стадии ее развития, когда все увеличивающийся эмпирический материал требует хотя бы предварительного осмысления и объяснения. Гипотезы, которые выдвигаются для такого объяснения, играют решающую роль в процессе поиска научных законов и теорий, а следовательно, в переходе к более адекватным и глубоким формам научного объяснения. Отсюда закономерным пред-

¹² Ракизов А. И. Курс лекций по логике науки. М.: Высшая школа, 1971, с. 132.

¹³ Копнин П. В. Гипотеза и познание действительности. Киев, 1962, с. 56.

ставляется процесс появления в научной речи ПСП со значешшем гипотетического обоснования, служащих для лингвистического воплощения гипотетических объяснений, а также ПСП с причинно-следственным значением, осложненным гипотетическим оттенком, которые выражают различную степень уверенности и предположения.

Поскольку процесс изменения представляет собой диалектическое единство, то здесь на каждом шагу возможны неожиданности, нарушения, казалось бы, твердо наметившихся качественно-количественных линий развития, особенно когда в дело вмешиваются внеязыковые факторы — прямо или через какие-нибудь внутриязыковые «приводные ремни»¹⁴. Общеизвестна роль принципа «экономии языковых средств» в эволюции языковых единиц в научной речи. Однако если иметь в виду отдельные структуры и особенности их функционально-семантической эволюции в научном гипотаксисе, то здесь дело, по-видимому, обстоит сложнее.

Так, если бы на функционально-семантическое развитие ПСП в научной речи оказывал преимущественное влияние принцип «экономии языковых средств», то количество ПСП без дополнительных оттенков увеличилось бы в научных текстах. Но в действительности этого не происходит. Анализ научных текстов II периода показывает уменьшение употребительности ПСП с причинно-следственным значением без дополнительных оттенков почти в два раза (с 36,9 до 19,2%) при параллельном возрастании в два раза употребительности ПСП с причинно-следственным значением, осложненным дополнительными оттенками (с 12,2 до 26,4%). При этом характерно, что указанное увеличение идет не за счет возрастания употребительности ПСП, у которых оттенки значения являются внутренними по отношению к основному инвариантному значению, а прежде всего за счет роста употребительности ПСП с сопоставительным оттенком, т. е. обобщенно-отвлеченных по значению ПСП. Употребительность таких ПСП в научных текстах II периода возрастает в шесть раз (с 3,0 до 22,5%).

Очевидно, что уменьшение употребительности ПСП с причинно-следственным значением без дополнительных оттенков и возрастание употребительности обобщенно-от-

¹⁴ Адмони В. Г. Качественный и количественный анализ грамматических явлений. — В кн.: Теоретические проблемы современного советского языкознания. М.: Наука, 1964, с. 64.

влеченных по значению ПСП в научных текстах II периода — это две стороны единого процесса, обусловленного воздействием комплекса взаимосвязанных причин экстралингвистического и внутрилингвистического характера.

Функционирование ПСП в контексте научной речи вызывает отработку его логического содержания в новом, по сравнению с общелитературным, направлении. Преобразования в сторону увеличения употребительности обобщенно-отвлеченных по значению ПСП происходят в силу того, что ПСП функционируют в специфическом стилевом контексте. Мысль о подобном обновлении языковых форм была высказана в свое время А. А. Потебней: «Прежде созданное в языке, — пишет он, — двояко служит основанием новому: частью оно перестраивается заново при других условиях и по другому началу, частью же изменяет свой вид и значение в целом единственно от присутствия нового»¹⁵. В отмеченном нами увеличении употребительности обобщенно-отвлеченных по значению ПСП находит свое выражение тенденция эволюции научной речи в сторону «общего» усиления обобщенности научного изложения¹⁶.

Еще одним проявлением этого процесса является сокращение в научных текстах II периода употребительности ПСП с причинно-следственным отношением, осложненным дополнительными собственно-причинными оттенками: противоположной причины (с 1,9 до 0,8%), единственной причины (с 3,8 до 2,6%). Особенно характерна в этом отношении эволюция ПСП с причинно-следственным отношением, осложненным оттенком «происхождения причины», приносимым союзом *оттого, что*. Например: Другой назван цезием *оттого, что* он окрашивает бледное пламя в небесно-голубой цвет, что зависит от содержания ярко-голубых лучей, проявляющихся в спектре цезия двумя голубыми линиями (Менделеев, 41); ... Островные растения слабее просто *оттого, что* им не приходится выдерживать такой длинной и сложной борьбы, как материковым, которые поэтому и вытесняют первых окончательно и навсегда (Мечников, 157).

¹⁵ Потебня А. А. Из записок по русской грамматике, т. I, 2-е изд. Харьков, 1888, с. 125.

¹⁶ Кожина М. Н. К вопросу об эволюции стиля научной прозы в период научно-технической революции. — В кн.: Функциональные стили речи в синхронном и диахроническом аспектах. Пермь, 1978, с. 6.

В предложениях этого типа причинно-следственное значение осложняется оттенком исходной причины. Если в исследованных нами научных текстах I периода эти конструкции составили 2,4% (22 случая употребления), то в наших материалах по II периоду они не зафиксированы. В этом, в частности, нашел, по-видимому, свое проявление процесс семантического упрощения причинных конструкций в научной речи. Эта сторона процесса изменения ПСП в научной речи глубоко закономерна. В связи с семантическим упрощением ПСП научное изложение приобретало большую точность. «Правильное описание причины, — отмечает И. З. Налетов, — достигается в том случае, если в него включается только описание базисного условия и не включается описание всех достаточных условий»¹⁷. Полная или частичная элиминация причинных конструкций с более дифференцированным значением, включавшим экспрессивные наслоения аргументации от противного, указания на исходную причину и т. д., способствовала устранению неприемлемых для причинного объяснения избыточных объяснений, т. е. объяснений, в которых описание причины излишне детализировано, а следовательно, повышению точности и ясности научного изложения.

Кристаллизация подчеркнутой логичности в научном изложении проявляется также в особенностях эволюции употребления ПСП с расчлененными и нерасчлененными союзами. В этом отношении особенно показательна эволюция ПСП с союзом *потому что*. Количество таких ПСП снижается в 4,5 раза. Однако если употребительность ПСП с расчлененным союзом *потому что*, в которых соотношение главной и придаточной частей более тесное, уменьшается в два раза (с 13 до 6%), то употребительность ПСП с нерасчлененным союзом, обладающих меньшей слитностью главной и придаточной частей, уменьшается почти в 16 раз (с 25 до 1,7%), так что в современных научных текстах ПСП с расчлененным союзом в три раза употребительнее, чем ПСП с нерасчлененным (6 против 1,7%), в то время как в научных текстах I периода ПСП с нерасчлененным союзом были в два раза употребительнее, чем ПСП с расчлененным союзом (ср.: 27 против 13%).

¹⁷ Налетов И. З. Причинность и теория познания. М.: Мысль, 1975, с. 138.

Анализ ПСП и ССП в научной речи I и II периодов выявил также почти полный отказ современных авторов от употребления парцелированных ПСП и ССП. Такие случаи были отмечены в исследованном материале из научных трудов I периода. Например: *Так, что... необходимо проверить, не составлены ли диагнозы последнего по молодым экземплярам* (Богданов, 95); *Случайность, непреднамеренность красоты, ее незнание о самой себе — зерно смерти, но и прелесть прекрасного в действительности; так что в сознательной сфере прекрасное исчезает в минуту, когда узнает о своей красоте, начинает любоваться на нее* (Чернышевский, 41).

Вывод-следствие в таких ССП как бы отрывается от той части, которая является его основанием, и выделяется в самостоятельное предложение, так что с него может начинаться новый абзац. Это значительно повышает его самостоятельность, степень его автосемантической в общем ходе авторского рассуждения.

Итак, в результате анализа материала научных текстов XIX—XX вв. наша гипотеза подтвердилась и конкретизировалась. В отношении периода 50—80-х годов XIX в. и 50—70-х годов XX в. налицо заметная эволюция научной речи, нашедшая выражение, в частности, в существенных изменениях, произошедших в сфере использования семантико-синтаксических разновидностей ПСП в научной речи, связанных в первую очередь с формированием специфических черт научного стиля — обобщенности и отвлеченности и подчеркнутой логичности. В указанный период процесс возрастания подчеркнутой логичности изложения происходит, в частности, за счет увеличения употребительности ПСП, более широкого использования ПСП с отношением причинного обоснования, большей употребительности ПСП с тесной соотношенностью придаточной и главной частей, создаваемой с помощью расчленения составных союзов и контактного расположения их компонентов.

Диахронный анализ ПСП и ССП также показал, что сущность языкового движения ССП в сфере научной речи в указанный отрезок времени состоит в сокращении их употребительности. Почти полностью исчезают из современной научной речи ПСП и ССП с наиболее слабой интеграцией главной и придаточной частей, т. е. парцелированные конструкции. На основании полученных данных представляется возможным сделать вывод о том, что

в ходе эволюции научного стиля отбираются синтаксические средства, которые отражают логические связи наиболее эксплицитно и поэтому особенно тесно связаны с реализацией специфической черты научной речи — подчеркнутой логичности изложения. В отборе языковых средств, наиболее четко оформляющих синтаксические отношения, выражающие логику мысли, проявляется процесс совершенствования выражения связности научной речи, который идет в синтаксисе предложения.

Процесс возрастания обобщенности и отвлеченности научного изложения выразился в снижении употребительности ПСП с дифференцированно выраженными собственно-причинными значениями, т. е. в элиминации избыточных причинных значений в семантике ПСП, а также в росте употребительности ПСП, в которых причинные значения совмещены с гипотетическим и сопоставительным оттенками, т. е. обобщенно-отвлеченных синтаксических конструкций. Эта эволюция конструкций, выражающих причинно-следственные отношения, отражает закономерности научного познания, сформулированные В. И. Лениным в «Философских тетрадах»: «... от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей»¹⁸.

СОКРАЩЕНИЯ

- Богданов — *Богданов М.* Птицы и звери черноземной полосы Поволжья. Казань, 1871.
- Зелинский — *Зелинский Н. Д.* Собр. соч., т. I. М., 1954.
- Коган — *Коган В. Б.* Гетерогенные равновесия. Л., 1968.
- Левич — *Левич В. Г.* Курс теоретической физики, т. I. М., 1947.
- Менделеев — *Менделеев Д. И.* Основы химии, т. I. М., 1947.
- Мечников — *Мечников И. И.* Избранные биологические произведения. М., 1950.
- Митин — *Митин М. Б.* В. И. Ленин и актуальные проблемы философии. М., 1971.
- Общее языко-знание — Общее языкознание, М., 1978.
- Чернышевский — *Чернышевский Н. Г.* Антропологический принцип в философии. — Собр. соч., т. 4. М., 1974.

¹⁸ Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 203.

ВОПРОСЫ ЛИНГВОМЕТОДИКИ

Обучение иностранным языкам научных работников

РОЛЬ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ АКТУАЛИЗАТОРОВ СМЫСЛА В ОБУЧЕНИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАУЧНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)

З. Д. Львовская

Понимание иноязычного текста по специальности занимает особое место среди остальных видов речевой деятельности на иностранном языке не только в силу его исключительной важности для научных работников, но и вследствие того, что добиться правильной интерпретации текста по специальности можно значительно раньше, чем обеспечить развитие остальных речевых умений и навыков. Подобная возможность объясняется рядом причин, многие из которых нашли достаточно полное описание в методической литературе¹. Сравнительная «легкость» задач, связанных с обучением чтению, объясняется обычно тем, что ассоциации «форма — значение», характерные для рецептивных видов речевой деятельности, реализуются легче, чем обратные ассоциации; тем, что зрительное восприятие текста облегчает задачу его понимания и что на уровне текста всегда легче воссоздается ситуация, необходимая для актуализации значения знаков. Все это не вызывает сомнений, однако существует и ряд других причин коммуникативно-лингвистического характера, значительно в меньшей степени описанных в литературе, но играющих важную роль в обучении пониманию иноязычного текста по специальности.

¹ *Пассов Е. И.* Основы методики обучения иностранным языкам. М., 1977, с. 179—180.

Сама по себе коммуникативно-познавательная деятельность, осуществляемая интерпретатором текста, характеризуется высокой степенью сложности, которая не сводится лишь к языковым трудностям. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют как случаи непонимания смысла специального текста людьми, прекрасно владеющими языком, так и обратные случаи, когда специалист, имеющий весьма посредственный языковой опыт, правильно истолковывает смысл прочитанного текста. При этом интересно подчеркнуть, что в первом случае, когда имеет место непонимание смысла текста, интерпретатор не испытывает, как правило, трудностей в идентификации значений языковых единиц, в то время как во втором случае интерпретатор, правильно понявший смысл, зачастую не может объяснить значения той или иной языковой единицы вплоть до значений целых предложений. Эти наблюдения позволяют сделать по меньшей мере два вывода. Во-первых, мыслительная деятельность по интерпретации текста предполагает сложное взаимодействие лингвистических и экстралингвистических знаний и опыта интерпретатора. Во-вторых, понимание языкового значения текста не является достаточным условием для понимания его смысла.

Целью данной статьи является рассмотрение взаимодействия лингвистических и экстралингвистических актуализаторов смысла и удельного веса последних в интерпретации иноязычного текста по специальности.

В основу излагаемой ниже позиции по данному вопросу положена дифференциация понятий «значение» и «смысл» текста. Под значением текста (и его единицы — высказывания) мы понимаем языковое, предметно-понятийное содержание текста, а под смыслом текста (высказывания) — реализованное в нем коммуникативное намерение (или намерения) автора. Например, предметно-понятийное значение предложения «Дождь идет» может быть выражено как: 'выпадают атмосферные осадки в виде капель воды'. Смысл подобного высказывания будет варьироваться в зависимости от коммуникативного намерения автора. Это может быть отказ в ответ на приглашение пойти погулять, сожаление по поводу нелетной погоды и т. д.

В любом тексте оказывается возможным выделить два уровня содержания: предметно-понятийный (языко-

вой) и смысловой (мыслительный). Оба уровня взаимосвязаны и взаимозависимы, но не тождественны. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

*Системный и объективный
характер значения,
экстралингвистический и субъективный
характер смысла*

Языковые значения системны и объективны в той степени, в какой язык объективно отражает реальную действительность. Это положение распространяется на все значимые единицы языка, в том числе на предложение, представляющее собой реализованную морфо-синтаксическую и интонационную модель языка и имеющее предметно-понятийное значение.

Текст, будучи единицей речевого уровня, строится тем не менее из единиц языка — предложений. Поэтому текст не может не обладать определенными системными характеристиками, которые находят, в частности, выражение в его предметно-понятийном содержании. Так, например, предметно-понятийное содержание приводимого ниже текста будет объективно одинаковым для всех испаноговорящих получателей: *La expansión del capitalismo promovida por el auge petrolero, permitió el crecimiento y fortalecimiento de unas clases sociales (las correspondientes a ese modo de producción) y la declinación de otras (las correspondientes a modos de producción precapitalistas)*. Предметно-понятийное содержание этого текста сводится к тому, что в результате развития капитализма, вызванного ростом нефтедобычи, произошли изменения в классовой структуре общества: укрепились позиции классов, связанных с нефтяной промышленностью, ослабли позиции классов, связанных с докапиталистическим способом производства.

Таким образом, предметно-понятийное содержание текста имеет объективную значимость для всех интерпретаторов. Однако оно не в достаточной степени сигнализирует о смысле текста, поскольку конкретный смысл текста и его единицы — высказывания — субъективен. Смысл текста (его мыслительное содержание) является результатом уникальной по целому ряду параметров речемыслительной деятельности индивида, который руководствуется в каждом конкретном случае порождения речи своими собственными мотивами и целями, формирующимися

в процессе взаимодействия личности с различными факторами экстралингвистического характера, находящими или не находящими эксплицитное выражение в тексте и образующими в своей совокупности то, что мы будем называть речевой ситуацией. Субъективные характеристики свойственны не только речемыслительной деятельности автора текста, но и его интерпретатора, поскольку в каждом конкретном случае мы сталкиваемся с индивидуальной способностью личности понять смысл текста, сообразуясь с собственным опытом.

Само по себе наличие субъективного фактора в смысле текста всегда порождает некоторую проблемную ситуацию для его интерпретатора. В ряде случаев неспособность интерпретатора понять текст скорее является следствием недооценки именно субъективного характера смысла и неумения использовать экстралингвистические ориентиры его поиска, чем следствием недостаточного лингвистического или экстралингвистического опыта индивида.

Отсутствие одно-однозначных соответствий между формой и значением в языке само по себе является достаточным основанием для того, чтобы одна и та же мысль могла быть выражена через разные языковые формы (синонимия) и одни и те же языковые формы выражали разные мысли (полисемия). Однако, если бы проблема соотношения предметно-понятийного значения и смысла текста сводилась бы только к вопросу языковой синонимии и полисемии, все обстояло бы гораздо проще, так как многозначность языковых единиц нейтрализуется уже на уровне предметно-понятийного содержания текста. Однако в речи мы сплошь и рядом сталкиваемся с тем, что смысл той или иной единицы языка не совпадает с ее системными (понятийными) значениями. Особенно четко и часто это положение прослеживается при сопоставлении предметно-понятийного значения предложения и его смысла в тексте.

Положение осложняется тем, что предметно-понятийное содержание текста неоднозначно сигнализирует о его смысле. В результате этого два текста (или высказывания), имеющие одинаковое предметно-понятийное значение, могут выражать разный смысл, и, напротив, тексты (высказывания), имеющие различное предметно-понятийное значение, могут оказаться равнозначными в смысловом отношении.

Проблема дифференциации значения и смысла, восходящая к вопросу о форме и значении в языке и речи, оказывается весьма сложной в силу того, что эти понятия невозможно как размежевать, так и отождествлять. Образую диалектическое единство, они не тождественны².

Между предметно-понятийным значением текста или его единицы — высказывания и его смыслом оказывается возможным усмотреть отношения, подобные тем, которые существуют между формой и значением в языке. С этой точки зрения предметно-понятийное значение предложения можно рассматривать как форму репрезентации смысла высказывания³.

Подход к языковым значениям как к форме выражения смысла не лишает язык его мыслительно-содержательной основы и не отрывает язык от мышления. Языковые значения включают в себя «элементы мыслительного содержания, подвергнутого „языковой обработке“ и выступающего как понятийная основа языкового содержания»⁴. Язык является не только средством формирования мысли, но одновременно и формой ее существования. Объективно-понятийная, мыслительная основа языка является следствием его возникновения и развития в процессе познавательной речемыслительной деятельности человека. Однако, возникнув из речи, язык стал «обслуживать» речь неоднозначным образом.

Не сигнализируя однозначно о смысле текста, языковые значения могут рассматриваться лишь как один из формантов смысла. Поиски остальных формантов смысла и более точных его актуализаторов, чем языковые значения, приводят исследователей в экстралингвистическую область⁵.

Речевая ситуация и ее форманты

В самом общем виде речевая ситуация предполагает следующие форманты: *кто, почему, зачем, что, когда, где,*

² Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л., 1941, с. 23.

³ «Языковые значения, будучи строительным и формообразующим материалом мысли, являются (вместе с их формальными показателями) средством (в самом широком смысле) ее формирования и выражения» (Бондарко А. В. Грамматические значения и смысл. Л., 1978, с. 126).

⁴ Там же, с. 5.

⁵ См.: Слюсарева Н. А. Смысл как экстралингвистическое явление. — В кн.: Как подготовить интересный урок иностранного

кому говорит/пишет. Роль этих формантов в речемыслительной деятельности автора текста и его интерпретатора различна. Реализуя свой замысел, обусловленный сложным взаимодействием субъективного мотива (*почему*) и цели (*зачем*), которые формируются в процессе взаимодействия личности с действительностью, отчасти «воплощающейся» в момент порождения речи в речевой ситуации, автор текста проделывает путь от мысли к тексту, облакает определенный смысл в избранную им языковую форму выражения, что позволяет обозначить этот путь как «смысл-значение». При этом он ориентируется как в плане содержания мысли (*что сказать*), так и в плане ее выражения (*как сказать*) на все форманты, релевантные для данной речевой ситуации. Речевая ситуация оказывается вполне определенным образом значимой для автора текста. Мотив и цель речевого поступка и та форма, в которую он облечен, зависят как от субъективных факторов (фоновые и энциклопедические знания и опыт автора, его взгляды, пристрастия и т. д., определяемые в свою очередь рядом общественно-исторических и других факторов), так и от объективных факторов, характеризующих речевую ситуацию (место, время, тема общения, личность реального или потенциального интерпретатора текста). Между субъективными и объективными факторами нет четкой границы, но если автор текста не учитывает объективные обстоятельства общения, нарушает нормы речевого поведения, то его речевой поступок оказывается некорректным, т. е. автору текста не удастся реализовать свой замысел, текст оказывается непонятым или неправильно понятым интерпретатором. Взаимодействие всех субъективных и объективных формантов речевой ситуации влияет на формирование коммуникативного задания (КЗ) автора текста.

В любой речевой ситуации, когда имеют или не имеют место непосредственные контакты участников коммуникации (общение в устной или письменной форме), оказывается возможным условно выделить как бы два ряда формантов и соответственно две ситуации: ситуацию общения между участниками коммуникации с ее формантами (личность автора, его мотив и цель, об-

стоятельства общения, т. е. место, время и др., и личность интерпретатора) и предметную ситуацию, описываемую в тексте (о чем/о ком идет речь, место и время описываемых действий/событий, характеристика людей, предметов или явлений, описываемых в тексте, и т. д.). Предметная ситуация является составной частью речевой ситуации (формант «тема общения»). Форманты предметной ситуации и ситуации общения взаимодействуют по всем релевантным для данной речевой ситуации параметрам. Однако это взаимодействие имеет иерархический характер в смысловом отношении, поскольку предметная ситуация, находящая выражение в предметно-понятийном значении текста, неоднозначно сигнализирует о его смысле. Судить о смысле текста возможно только при соотнесении предметной информации с информацией обо всех остальных релевантных формантах речевой ситуации. Текст одного и того же содержания, произнесенный или написанный разными людьми в одинаковых обстоятельствах или одним человеком в разных обстоятельствах, обращенный к разным получателям, может иметь разный смысл.

Среди формантов речевой ситуации, актуализирующих смысл текста, особенную значимость приобретают фоновые знания интерпретатора о предмете речи и его энциклопедические знания, т. е. уровень компетентности интерпретатора в широком смысле слова.

Поскольку КЗ (коммуникативный замысел) автора текста является продуктом взаимодействия всех релевантных для каждого конкретного случая формантов речевой ситуации, постольку понимание этого КЗ интерпретатором требует от него анализа всех релевантных формантов данной речевой ситуации, являющихся для него актуализаторами смысла. Форманты предметной ситуации, как правило, выражены эксплицитно в контексте. Форманты ситуации общения в определенных условиях коммуникации могут быть выражены эксплицитно, имплицитно или вообще не выражены.

Для стратегии интерпретатора текста, совершающего путь «от значения к смыслу» через соотнесение значений с релевантными формантами ситуации общения, важную роль играет факт взаимопроникновения и взаимотрансформированности информации о формантах предметной ситуации и ситуации общения. В описании предметной ситуации (в контексте) могут

содержаться те или иные сведения о ситуации общения, в частности о личности автора, о времени и месте общения и др., релевантные для понимания смысла.

С другой стороны, информация о ситуации общения, взаимодействуя с языковыми средствами описания предметной ситуации, делает их в той или иной степени избыточными для участников коммуникации, в частности для интерпретатора. Такое явление, как компрессия текста без ущерба для его смысла, характерное для различных видов речемыслительной деятельности (перевод, реферирование, аннотирование, условная запись текста и др.), возможно не только потому, что избыточность является имманентным свойством языка, но и потому, что экстралингвистические актуализаторы смысла делают избыточной для участников коммуникации ту или иную информацию. Эта избыточность, возникающая в результате взаимодействия форматов предметной ситуации и ситуации общения, носит не только объективный, но и в то же время субъективный характер, так как степень избыточности может меняться от интерпретатора к интерпретатору, что особенно ощутимо при интерпретации научных текстов специалистами и неспециалистами. Как автор текста, так и его интерпретатор не могут не приносить в текст свой личный опыт. Это придает смыслу любого текста определенный субъективный характер, порождая разную степень трудности в понимании текста в зависимости от уровня компетентности интерпретатора. Чем больше дифференциал уровней компетентности автора и интерпретатора, тем больше трудностей представляет собой взаимопонимание. В понятие уровня компетентности личности не может не входить и такой показатель, как языковой опыт индивида.

Однако в процессе речемыслительной деятельности любого вида показатели, характеризующие лингвистическую и экстралингвистическую компетентность личности, сложным образом взаимодействуют. Результаты подобного взаимодействия бывают самыми различными. В частности, они могут привести к значительному, а иногда и полному разрыву между «активным» и «пассивным» владением иностранным языком у тех людей (очень часто научных работников), которые умеют компенсировать весьма значительные лакуны в языковых знаниях и умениях за счет высокого уровня экстралингвистической компетентности.

Прогнозировать степень субъективности в интерпрета-

ции текста невозможно. Она обнаруживается при контроле в случае частичного «разночтения» или полного непонимания. В последнем случае субъективный элемент в трактовке смысла настолько велик, что делает невозможным извлечение смысла, соответствующего КЗ автора. Однако существует и целый ряд промежуточных вариантов, когда субъективный элемент в сознании интерпретатора может привести к некоторому «обеднению» смысла или, напротив, дать обратный результат и привести к «обогащению» смысла, т. е. к экстерниоризации целого ряда положений, оказавшихся объективно «за текстом», но логически вытекающих из него.

Сама по себе не новая мысль о наличии субъективного элемента в смысле текста и его истолковании⁶ позволяет сделать определенные выводы относительно критериев адекватности интерпретации текста и критериев контроля его понимания.

Очевидно, что смысл текста нельзя рассматривать как величину абсолютную и инвариантную для всех интерпретаторов. Между экстремальными случаями — оптимальным пониманием и полным непониманием — лежит целая гамма других случаев, делающих общение возможным и представляющих собой различную степень аппроксимации к смыслу текста. Поскольку чтение как вид речемыслительной деятельности может преследовать разные цели, то очевидно, что и критерии контроля понимания текста могут быть различными. Это положение, вполне осознанное в практике обучения чтению, таит в себе тем не менее опасность определенного произвола как интерпретатора, так и того, кто его контролирует, если не определить инвариантный элемент смысла, который должен оставаться таковым для любого интерпретатора и может служить наиболее надежным и объективным критерием при контроле понимания. Данная проблема тесным образом связана со смысловой структурой текста и с взаимодействием лингвистических и экстралингвистических формантов смысла.

⁶ Ср., например: «Что касается до самого субъективного содержания мысли говорящего и мысли понимающего, то эти содержания до такой степени различны, что хотя это различие обыкновенно замечается только при явных недоразумениях..., но легко может быть осознано и при так называемом полном понимании» (*Потебня А. А. Мысль и язык.* — В кн.: *Потебня А. А. Эстетика и поэтика.* М., 1976, с. 139).

*Взаимодействие лингвистических
и экстралингвистических формантов
смысловой структуры текста*

Анализ смысловой структуры текста и его единицы — высказывания может преследовать разные цели и в зависимости от этого в центре внимания оказываются те или иные вопросы, связанные с данной проблемой. Если для теории перевода важен вопрос о необходимости и возможности передачи в тексте на ПЯ различных компонентов смысловой структуры текста на ИЯ, то в интересующем нас случае важен вопрос о том, какие компоненты смысловой структуры должны быть правильно поняты интерпретатором для того, чтобы толкование текста было расценено как адекватное. Подобная постановка вопроса, сама по себе предполагающая определенную избирательность и приоритет для интерпретатора каких-то компонентов смысловой структуры текста, возможна, на наш взгляд, потому, что «текстовые отношения — это прежде всего иерархические семантико-смысловые отношения»⁷ и что вершину этой иерархии образует главный коммуникативный замысел автора; основное КЗ текста. Содержание же текста служит целям реализации главного КЗ (конечно, в тех случаях, когда замысел не расходится с его реализацией). Любая более или менее самостоятельная в смысловом отношении часть текста, в том числе любое высказывание, имеют соответственно свои КЗ, являющиеся главными актуализаторами их смысла. Однако все КЗ, встречающиеся в тексте, взаимосвязаны между собой по двум линиям: во-первых, они связаны иерархически, так как все КЗ служат цели реализации главного КЗ всего текста, а во-вторых, они связаны «линейно», так как их последовательность соответствует внутренней логике развертывания текста. Оба типа связи находятся во взаимодействии, однако главенствующая роль остается за иерархическими связями.

Необходимым, но не достаточным условием понимания смысла текста является адекватная интерпретация его главного КЗ. Необходимым и до-

⁷ Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980, с. 57.

статочным условием понимания смысла текста является правильное раскрытие иерархии всех релевантных для его смысла КЗ⁸.

При подобном подходе понимание смысловой структуры текста не обязательно предполагает полное понимание его языкового содержания. Это объясняется тем, что в тексте может содержаться информация, являющаяся объективно избыточной для понимания его смысла, что перекликается с изложенной ранее мыслью о возможности компрессии значения без ущерба для смысла. Однако судить о подобной избыточности можно только на уровне интерпретации смысловой структуры текста, а не на уровне понимания его предметного содержания. Приведем в качестве иллюстрации изложенных выше положений отрывок из текста экономического характера.

Surgimiento y evolución del capitalismo de Estado en Venezuela

Cuando se inició la explotación petrolera, la Administración Pública venezolana era prácticamente la misma que surgió el siglo pasado, luego de las guerras de la independencia.

La combinación del latifundismo con las concepciones liberal-burguesas, había producido un híbrido, que se expresaba a nivel de los aparatos del Estado en un predominio absoluto de las funciones de policía, pero a una escala limitada por las condiciones de atraso material y social existentes, de tal manera que las escasas finanzas públicas se orientaban básicamente al mantenimiento del aparato represivo latifundista (ejército, policía, tribunales, etc.), del aparato ideológico (educación, culto, etc.) y de algunos servicios públicos muy limitados (correos, telégrafos, etc.), pasando los más importantes de éstos, vinculados a la especialización agroexportadora, a manos de empresas imperialistas (cable, puertos, etc.)⁹.

В тексте идет речь о государственном аппарате Венесуэлы в период, когда в стране началась добыча нефти

⁸ Предполагается, что в тексте могут быть «побочные» линии, обладающие определенной смысловой автономией и нерелевантные для понимания главного КЗ и логики развертывания текста.

⁹ *Larrázabal Radamés, López Pérez Eduardo. Petróleo, sector estatal de la economía y socialismo (La alternativa del desarrollo social). Carácas, 1976, p. 65.*

(Формант «предмет речи»). Предметно-понятийное содержание текста сводится к описанию определенных характеристик государственного аппарата. Если ориентироваться только на языковое содержание данного отрывка, может сложиться ошибочное впечатление, что главное КЗ авторов заключается в описании структуры государственного аппарата. Однако обращение к более широкому тексту и учет целого ряда экстралингвистических факторов позволяет сделать вывод о том, что главное КЗ авторов книги состоит в том, чтобы показать специфику развития государственного капитализма в странах, характеризующихся экономической отсталостью и зависимостью от империалистических монополий, и увязать ее с задачами классовой и национально-освободительной борьбы. В свете этого главного КЗ смысл приведенного текста заключается в том, что инфраструктура (государственный аппарат) не соответствовала в момент зарождения государственного капитализма уровню развития производительных сил. Из предметно-понятийного содержания приведенного отрывка такой вывод сделать невозможно.

Каковы же те экстралингвистические форманты смысла, которые позволили именно таким образом истолковать текст? Обратимся к формантам речевой ситуации и их взаимодействию применительно к данному тексту для того, чтобы определить степень их релевантности в смысловом отношении.

Формант «личность автора»¹⁰. На суперобложке книги (иногда в аннотации или в предисловии) обычно приводятся определенные сведения об авторе. В случае приведенного выше текста один из авторов — коммунист, член парламента и нескольких национальных организаций по вопросам, связанным с нефтяной промышленностью и ее национализацией. Приводится список его трудов. Второй — специалист по политической экономии и административному праву. Все эти сведения оказываются релевантными для понимания смысла.

¹⁰ Здесь практически возможны два варианта. В первом случае интерпретатор — специалист в конкретной области — знаком с работами данного автора и располагает сведениями о нем (например: профессия, сфера узких интересов, политические взгляды, национальная принадлежность и т. д. и т. п.). Во втором случае интерпретатор не располагает подобными сведениями.

Форманты «место и время общения» (в случае письменных текстов их можно рассматривать как место и время публикации). Наименование издательства или журнала может иногда содержать полезную для интерпретатора информацию. Признаем в данном случае эти сведения нерелевантными. Однако время публикации книги (1976 г.) о многом говорит компетентному интерпретатору, так как в 1975 г. был принят закон о полной национализации нефтяной промышленности Венесуэлы. Таким образом, релевантность этого фактора зависит от уровня компетентности интерпретатора.

Формант «предмет речи». В нашем случае это, во-первых, тема, которой посвящена книга, и, во-вторых, раздел, из которого взят приведенный текст. Заглавие книги: *Petróleo, sector estatal de la economía, y el socialismo (La alternativa del desarrollo social)* оказывается весьма релевантным для интерпретации смысла: книга посвящена перспективам социально-экономического развития страны (в частности, нефтяной промышленности) при капитализме и социализме. Соответствующий раздел книги озаглавлен: *Surgimiento y evolución del capitalismo de Estado en Venezuela*. Соотнося все эти сведения, извлеченные из широкого контекста, со сведениями чисто экстралингвистического характера, интерпретатор уже способен строить с той или иной степенью определенности некоторые прогнозы по поводу мотивов и целей авторов книги. Чем выше уровень компетентности интерпретатора, тем больше вероятность правильности этих прогнозов.

Форманты «мотив и цель» авторов текста. Поскольку в приведенном выше отрывке мотив и цель эксплицитно не выражены, интерпретатор вынужден обратиться к пре-тексту или пост-тексту. Зачастую главная цель автора находит эксплицитное выражение во введении. В нашем случае ознакомление с введением оказывается достаточным, так как авторы декларируют в нем свою главную цель. Таким образом, несмотря на релевантность многих из указанных выше формантов речевой ситуации, они оказались в значительной степени избыточными для понимания главного КЗ всей книги и КЗ (смысла) приведенного отрывка. Однако степень избыточности экстралингвистической информации носит в известной мере субъективный характер, поскольку она зависит в конечном счете от уровня компетентности ин-

терпретатора, т. е. форманта «личность получателя информации». Мы уже подчеркивали, что компетентность интерпретатора складывается из взаимодействия и взаимопроникновения языкового и экстралингвистического опыта личности. Не исключена возможность того, что экстралингвистический опыт интерпретатора сможет в известной степени компенсировать недостаток языкового опыта, особенно в тех случаях, когда непонимание будет касаться той части предметного содержания, которая является объективно избыточной для интерпретации смысла. В приведенном тексте содержится объективно избыточная предметная информация, своего рода «побочная линия», которая может быть подвергнута компрессии без ущерба для смысла (речь идет о начале второго предложения текста до слов «...les escasas finanzas...») ¹¹.

Из изложенных в предыдущих разделах соображений можно сделать некоторые предварительные выводы: 1. Уровень языковых знаний, умений и навыков, необходимых интерпретатору для правильного толкования смысла иноязычного текста, вряд ли можно рассматривать как объективно инвариантное понятие; он может меняться от индивида к индивиду и от текста к тексту и зависит не только от языковой, но и от экстралингвистической компетентности интерпретатора, которая при определенных условиях может компенсировать недостаток языкового опыта; 2. Понимание предметно-понятийного содержания текста не может служить надежным критерием контроля понимания его смысла; частичное непонимание содержания, являющегося нерелевантным для смысловой структуры текста, не может оказаться препятствием для правильной интерпретации смысла; 3. Субъективная и объективная избыточность содержания текста для понимания его смысла может быть определена в каждом конкретном случае только с учетом всех формантов речевой ситуации и в первую очередь главного КЗ автора текста и личностных характеристик интерпретатора.

¹¹ В официальном переводе книги эта информация также опущена, как не имеющая непосредственного отношения к смыслу, см.: *Ларрасабаль Р., Перес Л. Нефть и будущее Венесуэлы.* М.: Мысль, 1980, с. 43. (Кстати, сам перевод заглавия книги является убедительным примером возможности компрессии значения без ущерба для смысла).

*Поисковая деятельность интерпретатора
по перекодированию
значения (содержания)
текста в смысл*

Для научных текстов в большей степени, чем для художественных и политических, характерно стремление автора эксплицировать главную цель своей работы, что само по себе не исключает вероятности ошибок со стороны неопытного интерпретатора текста, пытающегося подменить смысл содержанием¹².

Иногда главная цель текста, назовем ее КЗ-1, излагается с той или иной степенью эксплицитности во введении (случай, рассмотренный в связи с приведенным выше текстом), предисловии или аннотации к научной работе. КЗ-1 может имплицитно содержаться в выводах к работе или в самом содержании и логике развития текста. Эти случаи представляют большую трудность для интерпретатора. Рассмотрим в качестве примера научную статью политико-экономического характера, опубликованную в одном из специальных латиноамериканских журналов¹³.

Предположим, что имя автора и название журнала ничего не говорят интерпретатору, так как он незнаком с другими работами автора, его научными взглядами и методологической платформой, не знает ориентации журнала и т. д. Он знает только тему статьи (заглавие) и дату публикации. В качестве введения статья содержит одну фразу, позволяющую судить в общих чертах о содержании статьи, но не о КЗ-1: *Para avizorar mejor el panorama político del Ecuador actual, se hace necesario echar un vistazo, aunque sea relámpago, al acontecer mundial y latinoamericano, totalidad a la que se halla integrado y de la cual forma parte.* Просматривая бегло текст и обращая особое внимание на заголовки отдельных разделов (I. *El acontecer mundial y latinoamericano*; II. *Las tres fuerzas políticas triunfantes en el proceso constitucional del Ecuador*; III. *Contradicciones y lucha de clases*

¹² Не исключены также случаи, когда вину за ошибочное толкование смысла следует отнести за счет автора текста, не сумевшего воплотить или четко осознать свою цель.

¹³ *Aguirre Manuel Agustín. Panorama Político del Ecuador actual. — Desarrollo Indoamericano, 1980, N 5.*

у фракции; IV. El plan del Gobierno de Roldos-Hurtado y las clases sociales), интерпретатор убеждается, что статья посвящена вопросам экономического и политического положения в Эквадоре. И лишь обратившись к выводам, он может понять КЗ-1, т. е. ту главную цель, которую преследовал автор статьи. Приведем сокращенно выводы к статье (компрессия осуществлена за счет объективно избыточной для данного смысла информации).

A manera de conclusiones

En consecuencia de lo expuesto, llegamos a concluir:

— Que el capitalismo no puede solucionar ninguno de los problemas que afectan a las clases asalariadas...

— Que los movimientos populistas, nacionalistas, demócratas-cristianos, social-demócratas y otros similares... tratan a toda costa de mantener el statu quo...

— Que la burguesía llamada nacional ha demostrado en el pasado y el presente, una reiterada incapacidad para llevar adelante la reforma agraria, el desarrollo industrial autónomo, la independencia nacional y la democratización del país...

— Que sólo la revolución del proletariado, aliado a los campesinos especialmente pobres, semiproletarios u subproletarios, ciertas capas medias y de la pequeña burguesía, podrá realizar, junto con las tareas democráticas incumplidas, las grandes transformaciones socialistas.

Из выводов к статье интерпретатор извлекает ее главный смысл, т. е. КЗ-1: капитализм неспособен решить проблемы, стоящие перед страной, и только социалистическая революция может обеспечить необходимые социально-экономические преобразования¹⁴.

Определение КЗ-1 — первый шаг на пути перекодирования содержания текста в смысл. Далее интерпретатор осуществляет путь «сверху—вниз», т. е. от КЗ-1 ко всем остальным коммуникативным заданиям, составляющим смысловую канву текста¹⁵. Практически это

¹⁴ Кроме определения КЗ-1 интерпретатор извлекает из содержания выводов важные экстралингвистические сведения об авторе (его политическая позиция, сфера интересов).

¹⁵ По существу возможны два пути перекодирования значения в смысл: «сверху—вниз», т. е. от целого к частному, и «снизу—вверх», т. е. от частного к целому. Второй путь предлагает использование метода «проб и ошибок», поэтому он менее надежен и более трудоемок.

выглядит следующим образом: интерпретатор читает текст по разделам (иногда по абзацам или несколько абзацев, объединенных общей темой), определяет предмет речи (тему), а затем соответствующее данному разделу главное КЗ. Далее каждое КЗ того или иного раздела сверяется с КЗ-1 (главной целью всей статьи), ибо ни одно из последующих КЗ не должно противоречить КЗ-1 и логике развития текста, которая может быть восстановлена благодаря расположению всех КЗ в определенном порядке. Внутри каждого раздела или части статьи оказывается возможным выделить не только главное КЗ данного раздела, но и соответствующие частные КЗ, скажем КЗ-2а, КЗ-2б и т. д. Например, КЗ-2 (главная цель 1-го раздела статьи) сводится к: «обострение обстановки в стране сопровождается обострением классовой и национально-освободительной борьбы». Частные КЗ 1-го раздела сводятся к: КЗ-2а — «империализм противопоставляет росту классовой и национально-освободительной борьбы процесс монополистической интеграции»; КЗ-2б — «растущая экспансия в Латинскую Америку — мера по преодолению структурного кризиса империализма» и т. д. и т. п. Все выделенные КЗ — категории экстралингвистические и в некоторой степени субъективные, поэтому другой интерпретатор мог бы предложить несколько иную схему «перекодирования» содержания текста в его смысл. Однако существуют своего рода фильтры (запреты), ограничивающие произвол субъективного фактора, и некоторые рекомендации, позволяющие контролировать правильность смыслового анализа. В общем виде они сводятся к следующим положениям:

— КЗ более низких порядков не должны противоречить КЗ более высоких порядков. Интерпретатор должен обеспечить их логическую «стыковку» между собой и с КЗ-1, стоящим на вершине иерархической структуры смысла; если это условие соблюдено, смысловой анализ осуществлен правильно.

— Порядок расположения КЗ должен соответствовать логике развертывания текста.

— Недопустимо заменять смысл всего текста или его части содержанием. Действие смыслового анализа (вычленение иерархии КЗ) предполагает перекодировку предметного содержания в мыслительное.

— Контроль и самоконтроль интерпретатора могут осуществляться путем обратного действия: развертывания

иерархии КЗ в предметное содержание. При этом предметное содержание не должно дублировать мыслительное содержание текста (его смысл), а лишь подтверждать правильность мыслительных операций интерпретатора.

Изложенный подход к анализу смысловой структуры текста по специальности кажется нам более уместным для обучения научных работников, чем такие приемы, как составление плана текста, озаглавливание абзацев и т. п. В последних случаях осуществляется анализ содержания, а не смысла текста.

Предложенная методика может быть использована и при составлении рефератов и аннотаций, где чаще всего излагается содержание литературы, а не цели, которые ставит перед собой автор реферируемой работы, и их осмысление составителем реферата.

Надо полагать, что чем более сознательной, целенаправленной и мыслительной будет деятельность интерпретатора, чем лучше он будет знаком с правилами, входящими в стратегию и тактику «поиска» смысла, тем продуктивнее и интереснее для него самого будет эта деятельность, тем активнее он будет использовать экстралингвистические актуализаторы смысла, испытывая меньший страх перед языковым барьером.

ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПЕРЕДАЧИ ЗНАЧЕНИЙ ТОЧНОСТИ И НЕТОЧНОСТИ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

И. К. Лихачева

Взросший за последнее время интерес к изучению содержательной стороны языка заставил исследователей признать, что при рассмотрении языковых явлений нельзя ограничиваться рассмотрением только структуры плана выражения, а необходимо исходить из плана содержания языковых единиц на различных уровнях.

В этом свете изучение семантической эквивалентности как лингвистического понятия и эквивалентов как единиц речи, способных выполнить ту же функцию, что

и другая единица речи¹, представляется чрезвычайно важным и актуальным как в теоретическом, так и практическом плане, особенно в практике перевода и при обучении иностранным языкам.

Настоящая статья является продолжением разработки темы, начатой в статье², в которой были рассмотрены случаи межъязыковой лексической синонимии в узком смысле³.

Лексические синонимы в узком смысле являются одним из источников широкой синонимии, объединяющей разные средства выражения одного и того же содержания⁴. Такое широкое понимание синонимии позволяет говорить об эквивалентности различных языковых средств не только в плане одного языка, но и при сопоставлении двух языков, относя к ним как синтаксические трансформации, так и лексические преобразования и имея при этом в виду адекватность передаваемого с их помощью содержания.

Вопрос о соотношении понятий синонимии и эквивалентности сложный и требует специального рассмотрения на различных уровнях — лексико-семантическом, функционально-стилистическом и др. Заметим лишь, что, по мнению И. В. Арнольд, на лексическом уровне синонимия является одним из частных случаев эквивалентности⁵.

Таким образом, исходя из положения об эквивалентности различных средств выражения адекватности содержания автор считает своей задачей в данной статье —

¹ См. определение эквивалента, данное О. С. Ахмановой: *Словарь лингвистических терминов*. М., 1966, с. 522.

² *Лихачева И. К.* Некоторые русско-английские эквиваленты лексических единиц со значением точности. — В кн.: *Методика и лингвистика*. М.: Наука, 1981, с. 162—176.

³ Под узкими лексическими синонимами понимают обычно слова, имеющие одно и то же значение, но различающиеся его оттенками. На примере сопоставления русского существительного *точность* с английскими существительными *accuracy*, *precision* и русского прилагательного *точный* с английскими прилагательными *accurate*, *precise* и *exact* в статье была показана относительность межъязыковой лексической синонимии, обусловленной различием в смысловом объеме, казалось бы, полностью синонимичных слов.

⁴ *Апресян Ю. Д.* Синонимия и синонимы. — ВЯ, 1969, № 4, с. 75—91.

⁵ *Арнольд И. В.* Эквивалентность как лингвистическое понятие. — ИЯП, 1976, № 1, с. 11—18.

показать эквивалентность разных способов передачи одного и того же значения, включая и эквивалентность категориально неоднородных форм, на конкретных примерах эквивалентности способов передачи значений точности и неточности в русских и английских текстах.

Как в отдельных работах по теории и практике перевода⁶, так и в ряде статей по вопросам эквивалентности при переводе⁷ материалом для исследования обычно служит язык либо общественно-политических текстов, либо художественной литературы, при переводе которых точность передаваемого значения приносится иногда в жертву образности и требованиям стиля. При обучении чтению, адекватному пониманию и переводу специальной научной литературы на первый план выступают требования точности, эквивалентности и соответствия в объеме сообщаемой информации.

Содержательная сторона языка положена в основу теоретической концепции, разработанной исследователями перевода и нашедшей свое наиболее полное воплощение в упомянутых работах В. Н. Комиссарова и А. Д. Швейцера. Это теория уровней эквивалентности, согласно которой эквивалентность передаваемых понятий и значений устанавливается между соответствующими уровнями плана содержания текстов оригинала и перевода. Так, В. Н. Комиссаров выделяет 5 уровней плана содержания: 1) уровень языковых знаков (слов), 2) уровень высказывания, 3) уровень сообщения, 4) уровень описания ситуации, 5) уровень цели коммуникации⁸.

⁶ Комиссаров В. Н. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). М.: Международные отношения, 1973; Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973; Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974; Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975; Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Теория и практика перевода с английского языка на русский М.: Изд. лит-ры на ин. яз., 1963.

⁷ Гак В. Г. О моделях языкового синтеза. — ИЯШ, 1969, № 4, с. 15—22; Он же. Сопоставительные исследования и переводческий анализ. — Тетради переводчика. М.: Международные отношения, 1979, вып. 16, с. 11—21; Левицкая Т. Р., Фитерман А. М. Почему нужны грамматические трансформации при переводе? — Тетради переводчика. М.: Международные отношения, 1971, № 8, с. 12—22; Они же. Чем вызываются лексические трансформации при переводе? — Тетради переводчика. М.: Международные отношения, 1975, вып. 12, с. 50—69.

⁸ Комиссаров В. Н. Указ. соч., с. 66.

Анализ передачи значеиий точности — неточности в русских и английских научных текстах показал наличие трех основных уровней языковых соответствий (по терминологии В. Н. Комиссарова), а именно:

- I. Эквивалентность на уровне языковых знаков (слов).
 - II. Эквивалентность на уровне высказывания (эквивалентность различных лексических и синтаксических структур).
 - III. Эквивалентность на уровне описания ситуации.
- Иными словами, содержание первых двух уровней может быть представлено следующим образом:

- I. Эквивалентность на уровне лексической синонимии:
 1. На уровне узкой лексической синонимии⁹.
 2. На уровне широкой лексической синонимии: а) не связанной со структурными преобразованиями, б) связанной со структурными преобразованиями¹⁰.
- II. Эквивалентность синтаксических структур:
 1. На уровне члена предложения.
 2. На уровне всего предложения в целом.

Перечисленные виды эквивалентных соответствий были выделены в результате сопоставления способов передачи значений точности и неточности в русском и английском языках, проводившегося на материале оригинальных научных текстов и их переводов, сделанных специалистами.

I. Эквивалентность на уровне широкой лексической синонимии

1. Эквивалентность на уровне лексической синонимии, не связанной со структурными преобразованиями.

Основой таких соответствий является эквивалентность значений как отдельных слов, так и групп слов со сходным значением в сопоставляемых языках. Так, русскому прилагательному *точный* могут соответствовать английские прилагательные *accurate, precise, exact, correct, true, rigorous, strict*, а русским существительным *точность, правильность, верность, строгость* — английские существительные *accuracy, precision, correctness, rigor*. Каждое слово привносит свой оттенок значения точности: точно-

⁹ См.: Лихачева И. К. Указ. соч.

¹⁰ Под структурными преобразованиями понимается несовпадение лексических и синтаксических структур, эквивалентных в плане содержания.

сти измерения или определения (accuracy, accurate), высокой точности как свойства или признака (precision, precise, exact), достоверности, правильности (correctness, correct, true), строгости, четкости (rigor, rigorous, strict). В эквивалентном им слове (словах) другого языка все эти оттенки значения могут содержаться в недифференцированном виде, что неизбежно приводит к определенному различию в объеме передаваемых значений. Это ясно видно из сопоставления русских и английских примеров, в которых сравнивается:

а) Эквивалентность одного слова группе слов со сходным значением:

... очень трудно получить *точное* значение для этого соотношения (МО, 101);

Точные значения редко отличаются от приведенных целых чисел на величины до 0,1 (МО, 103);

Числители и знаменатели суть *точные* величины определителей (МО, 238);

... *точное* значение интеграла равно ... (МО, 145);

... *точное* значение равно 0,693... (там же);

... например, если x , y , z три угла треугольника, то они связаны *точным* уравнением $x+y+z=\pi$ (МО, 238);

Координатные векторы отвечают первоначальным стратегиям. Мы будем называть их *точными* или чистыми стратегиями (ТИ, 170);

... it is very difficult to obtain an *accurate* value of this ratio (CO, 108);

The *precise* values seldom differ from these whole numbers by as much as 0.1 (CO, III);

The numerators and denominators are the *exact* values of the determinants (CO, 252);

... the *correct* value of this integral is ... (CO, 152);

... the *true* value is 0.693... (ibid);

... for instance, if x , y , z represent the three angles of a triangle they are connected by the *rigorous* equation $x+y+z=\pi$ (CO, 252);

The coordinate vectors correspond to the original strategies. We call them *strict* or *pure* strategies (TG, 146);

б) Эквивалентность групп слов со сходным значением:

Мы можем сравнить *точность* этих формул (МО, 48);

We may compare the *accuracy* of these formulae (CO, 48);

Подтверждение этих уравнений дает возможность судить о *верности* вычисленных нормальных уравнений (МО, 201);

Тем самым обеспечивается контроль *правильности* и *точности* измерения (МО, 151);

... эти исследования ... отличаются математической *строгостью* (МО, 13).

The verification of these equations serves to assure us of *the accuracy* of our calculation of the normal equations (CO, 211);

This would make it possible to check *the correctness* and *precision* of the measurement (CO, 160);

... the investigations ... are distinguished by ... their mathematical *rigor* (CO, 12).

В приведенных выше примерах эквивалентность существует и по вертикали (в пределах одного языка) и по горизонтали (при бинарном сопоставлении языков). Однако даже в данном случае лексическая эквивалентность далеко не однозначна, она зависит и от объема значений слов, и от степени дифференцированности значений, и от условий контекста.

Очень распространены случаи так называемых «частичных эквивалентов»¹¹, когда группа слов, не обязательно синонимичных между собой, эквивалентна по содержанию группе слов в другом языке, которые также не всегда синонимичны между собой, либо когда только одно из значений многозначного слова эквивалентно слову (или группе слов) в другом языке.

Так, к лексическим единицам, передающим значение неточности в русских научных текстах, относятся существительные *ошибка*, *погрешность*, *неопределенность*, в английских — *error*¹², *uncertainty*, *irregularity*, *imprecision*. Только для первого из них словарь¹³ дает значение *ошибка*, *погрешность*; для существительного *uncertainty* русскими словарными соответствиями являются слова 1) неуверенность, нерешительность, 2) изменчивость, 3) неизвестность, неопределенность; для существительного *irregularity* — 1) неправильность, отклонение от нормы, 2) несимметричность, нестандартность, 3) нерав-

¹¹ Швейцер А. Д. Указ. соч., с. 21.

¹² Частичный синоним этого слова *mistake*, обозначающий ошибку, связанную с недоразумением, заблуждением или незнанием, а не с отсутствием достаточной точности измерения или определения, в рассмотрении не принимается.

¹³ Большой англо-русский словарь (БАРС). М., 1972.

номерность, неровность, 4) беспорядочность; распушенность. Существительное *imprecision* в БАРС'е вообще не дается, есть только прилагательное *imprecise*. По отношению к синонимам *ошибка*, *погрешность*, существительное *неопределенность* таковым не является. Английские существительные *error*, *uncertainty* и *irregularity* также не синонимичны по отношению друг к другу. При бинарном сопоставлении налицо эквивалентность *ошибка*, *погрешность* — *error* и *неопределенность* — *uncertainty*. Однако в условиях определенного контекста и значения русских существительных *неопределенность*, *неправильность*, и приведенные значения английских существительных *uncertainty* и *irregularity* (часто употребляющихся в этом случае во множественном числе, что делает их значения более конкретными) реализуются как значения ошибочности, погрешности, отсутствия точности, и в этом значении они эквивалентны. Например:

Положим, что имеется η данных, подверженных *неточностям* или *неправильностям*, происходящим от случайных *ошибок наблюдения* (МО, 285);

... поскольку различные *источники ошибок* достаточно независимы друг от друга ... (МА, 386);

И D и λ не зависят от межзвездного покраснения, которое является *источником ошибок* (Астр. XX, 226);

Средние орбиты для различных лет удовлетворительно согласуются друг с другом в пределах *ошибок наблюдений* (МА, 424);

... точность последних двух величин ограничивается *экспериментальными ошибками* (ФТТ, 215);

Таким образом *погрешность* в первом случае будет меньше (МО, 49);

Let us suppose that we have η data which are affected with *uncertainties* and *irregularities* due to accidental *errors of observation* (СО, 303);

... since the various *sources of error* are fairly independent ... (МА, 338);

Both D and λ are independent of interstellar reddening, which is a *source of uncertainty* (Astr. XX, 205);

The mean orbits for the various years agree satisfactorily within the *limits of experimental error* (МА, 378);

... the accuracy of the latter two quantities is limited by *the experimental uncertainties* (SPh, 201);

Thus *the error* is smaller in the former case (СО, 49);

... если эти значения были получены из наблюдений какого-нибудь явления природы, то они будут отягчены *ошибками наблюдений*; если это статистические данные, то они будут сопровождаться *ошибками*, происходящими от случайных особенностей материала (Р, 107).

... if these values have been derived from observations of some natural phenomenon, they will be affected by *errors of observation*; if they are statistical data they will be affected by *irregularities from accidental peculiarities* (R, 297).

Известны и такие случаи «частичных эквивалентов», когда многозначному слову в одном языке соответствует несколько слов в другом, не обязательно являющихся синонимами по отношению друг к другу. А. Д. Швейцер в книге «Перевод и лингвистика» на примере русских словарных соответствий английскому слову *confidence* 1) доверие, 2) конфиденциальное сообщение, 3) уверенность, 4) самоуверенность, 5) самонадеянность показывает наличие синонимичных отношений лишь в пределах одного из значений — *самоуверенность*, *самонадеянность*, но не между русскими словами, соответствующими разным значениям этого английского слова¹⁴. Наш материал дополняет сказанное А. Д. Швейцером данными, касающимися научного стиля речи. Анализ языка научных текстов показал, что наряду с эквивалентом *уверенность* — *confidence* существует и другой — *точность* — *confidence*, не фиксируемый словарем. То же самое можно сказать и об английском существительном *certainty*, русскими словарными соответствиями которого являются по БАРС'у слова 1) несомненный факт, 2) уверенность, достоверность, убежденность. В научных текстах эти значения реализуются как значение точности (примеры см. ниже).

2. Эквивалентность на уровне лексической синонимии, связанной со структурными преобразованиями.

Анализ содержательной стороны языкового материала позволил обнаружить существование двух видов лексической эквивалентности, связанной со структурными преобразованиями: 1) эквивалентность, связанную с лекс-

¹⁴ Швейцер А. Д. Указ. соч., с. 20.

ческими преобразованиями языковых единиц, относящихся к одной грамматической категории, и 2) лексическую эквивалентность категориально неоднородных форм.

Примером первой является эквивалентность лексических единиц с антонимичным значением. Так, русские существительные со значением точности могут соотноситься с английскими существительными со значением неточности, ошибочности, неопределенности без изменения смысловой структуры высказывания.

Изучение рассеяния α -лучей ... дало значения Z с точностью в 1% (P, 349); ... сколько членов разложения нужно брать, чтобы решение полученной приближенной системы уравнений с заданной степенью точности совпадало с решением точной системы (MO, 49);

Тогда *точность*, с какой известна скорость, составляет ... $3 \cdot 10^{-6}$ (P, 609).

Alpha-ray scattering ... gave values of Z with a probable error of 1% (R, 653); ... how many terms must be retained in the expansion in order for the solution of the approximate system of equations obtained to agree within a specified error with the solution of the exact system (CO, 96);

Then our *uncertainty* in velocity is ... 3 in a million (R, 748).

Иногда необходимость в лексических преобразованиях связана с различием в смысловом объеме сопоставляемых лексических единиц. Антонимы английских существительных *accuracy* (точность определения, измерения, не обязательно высокая) и *precision* (всегда высокая точность) — *inaccuracy* и *imprecision* сохраняют эти оттенки значения и выражают поэтому не просто неточность или отсутствие точности, а, как в следующих примерах, первый означает недостаточную точность, второй — недостаточно высокую степень точности. В английском языке эти различия в объеме значения выражены имплицитно, в русском, из-за обобщенности значения существительного *точность*, они требуют описательных средств выражения:

Вероятно, это расхождение объясняется *недостаточной точностью* теории (PC, 323);

The difference probably reflects *inaccuracies* in the theory (LS, 229);

Степень точности этого метода такова, что некоторые расхождения могут быть и не обнаружены (ФТТ, 104).

An imprecision inherent in the technique is that some differences may not be detected (SPh, 93).

Английские прилагательные *poor*, *low* в сочетании с существительным *precision* также означают не просто низкую точность, а отсутствие требуемой высокой точности или необходимой степени высокой точности. В приводимых ниже примерах эквивалентность основана на синтаксической трансформации (отрицательная и утвердительная структура предложений) и антоимичиом значении сопоставляемых русских и английских прилагательных:

Эти соотношения, при λ близкой к единице, не дают хорошей точности (МО, 71);

These ratios with λ close to unity give poor precision (CO, 77);

Степень точности, достигнутая с помощью этого метода, была далеко не достаточно высокой, но работа принесла большую пользу (Астр. XX, 11).

The degree of precision reached by this method was quite low, but the work has served a very useful purpose (Astr. XX, 13).

К лексической эквивалентности категориально неоднородных форм можно отнести эквивалентность русских устойчивых словосочетаний *с точностью до, в пределах точности* и английских предлогов (*to*) *within* и (*up*) *to*. Эти предлоги многозначны, но они включают в сферу своих значений и значение ограничения определенными пределами (в пределах точности) и значение предела точности (*с точностью до*).

При отклонениях меньше 5° период остается неизменным с точностью до 0,05% (Р, 386);

For all amplitudes below 5° the periods are the same within 0.05% (R, 570);

Вычисленная Бором величина согласуется с экспериментом в пределах 0,1% (Р, 575).

Bohr's calculated value agreed within 0.1% (R, 734).

Эквивалентность в данном случае сохраняется независимо от того, имеется ли в виду степень точности ве-

личины, имеющей числовое, буквенное или словесное выражение, или степень точности действий, измерений, определений и т. д., выраженных словесно. Однако чаще русскому сочетанию *с точностью до* в английском языке соответствует *to within*, а сочетанию *в пределах (точности, ошибок)* — *within*.

Прежде чем переходить к решению уравнения (7), заметим, что функция ... определяется из него *с точностью до произвольного множителя* (РС, 43);

... нижние части главных последовательностей ... совпадают *с точностью до ошибок*, с которыми могут быть определены различными методами расстояния скоплений (Астр. XX, 299); Пары звезд, расположенные на одинаковом расстоянии от Солнца ... (*в пределах ошибок измерения*), часто относят к астрономическим двойным (Астр. XX, 321).

Объем значения предела точности у английского предлога (*up*) *to* уже, чем у предлога (*to*) *within*, и он эквивалентен только сочетанию *с точностью до*:

Физическое понятие энергии описывается числом *с точностью до линейного преобразователя* (ТИ, 48);

Нельзя зафиксировать путь электрона *с точностью до одного атомного диаметра* ... (Р, 610);

Этот вывод справедлив *с точностью до членов порядка k^2* (РС, 75).

Before considering the solution of equation (2, 7), we note that it determines ... *only to within a multiplicative constant* (LS, 26);

... the lower parts of the main sequences ... coincide *to within the errors* with which the distances of the clusters have been determined by various methods (Astr. XX, 268);

Pairs of stars located at about the same distance from the Sun ... (*within errors of measurement*) are often referred to as astrometric binaries (Astr. XX, 287).

The physical concept of energy is a number *up to any linear transformation* (TG, 22);

We cannot track the electron *to the nearest atom* (R, 748);

This conclusion holds *to terms of order k^2* (LS, 49).

Иногда содержание, эквивалентное содержанию русского сочетания *в пределах (точности, ошибок)*, получает и в английском языке свое полное словесное выражение:

... Угол фазы Марса меняется в пределах от 0 до 47° (РС, 293);

В пределах ошибок результаты согласуются друг с другом (МА, 96);

Работа выхода поверхности ленты ... оказалась совпадающей в пределах точности измерений (МО, 35).

... the phase angle for Mars varies within the limits 0° to 47° (LS, 205);

The results agreed within the limits of error (МА, 76);

The work function of the surface of the strip coincided within the limits of accuracy of the measurements (СО, 33).

В этом случае эквивалентность переходит на другой, более низкий уровень — уровень слова или узкой лексической синонимии.

II. Эквивалентность на уровне синтаксических структур

В настоящее время лингвисты все более определенно подчеркивают, что вариантность средств выражения одного и того же содержания является одной из важнейших универсальных особенностей языков¹⁵. Это положение может быть отнесено как к вариативности средств выражения одного и того же содержания в плане одного языка, так и при бинарном сопоставлении. При этом переход от одной языковой формы к другой при установлении соотношения между синонимическими средствами выражения можно рассматривать как трансформацию. Необходимость в трансформациях для передачи эквивалентности содержания может быть обусловлена различиями в словосочетании, синтаксисе, узусе и других языковых факторах, что в свою очередь может привести к неоднозначности в выражении семантических отношений в сопоставляемых языках.

Трансформация может служить средством снятия неоднозначности содержания путем преобразования синтаксических структур другого языка в такие структуры, при которых семантические отношения выражены четко и однозначно. Кроме того, как уже говорилось, необходимость в трансформациях может вызываться свойством, характерным для всех естественных языков — то, что должно быть четко (эксплицитно) выражено в одном

¹⁵ Гак В. Г. О моделях языкового свитеза. — ПЯШ, 1969, № 4, с. 16.

языке, может лишь подразумеваться (быть выражено имплицитно) в другом.

Под синтаксическими трансформациями понимаются структурные преобразования, основанные на категориальных изменениях, входящих в эту структуру лексических единиц с полным сохранением эквивалентности содержания.

По сравнению с эквивалентностью на уровне лексической синонимии, в основе которой лежат семантические модели языковых форм, отражающих глубинную, содержательную сущность языковой эквивалентности, эквивалентность различных синтаксических трансформаций является внешним выражением эквивалентности содержания на уровне поверхностных структур.

Анализ языкового материала показал наличие эквивалентности синтаксических структур в пределах одного члена предложения (с сохранением общего строя предложения) и на уровне всего предложения в целом.

1. Эквивалентность синтаксических структур на уровне члена предложения.

Примером такой эквивалентности могут служить способы выражения точности действия в русском и английском языках с помощью различных адвербиальных синтаксических структур.

Линейная эквивалентность на уровне узкой лексической синонимии, как в приводимых ниже примерах, является частным случаем лексической эквивалентности.

Указанный временной интервал можно точно измерить (МА, 43);	This time interval can be measured <i>accurately</i> (МА, 31);
... это уравнение дает нам <i>точно</i> уравнение (2) (МО, 101);	... which gives us <i>precisely</i> equation (2) (СО, 104);
... в данном примере периоды <i>точно</i> равны 24 и 29 дням (МО, 335).	... in the present example the periods are <i>exactly</i> 24 and 29 days (СО, 359).

Напомним, что английские наречия *accurately* и *precisely* сохраняют присущие соответствующим существительным *accuracy* и *precision* оттенки значения, а наречие *exactly* означает отсутствие каких-либо отклонений.

Эквивалентность различных синтаксических структур, передающих степень точности действия, выраженного глаголом, может быть проиллюстрирована следующими примерами:

а) нареч.

Для некоторых больших метеорных потоков *точно* известны их орбиты (МА, 274);

б) предл. + сущ.

Ловелл искренне считал, что он *в точности* воспроизвел все увиденное (Астр. XX, 376);

Эти преобразования дают *в точности* требуемую формулу (43:5) (МО, 117);

в) предл. + прил. + сущ.

Лучевые скорости членов скопления Гиад были *с высокой точностью* определены канадским астрономом Пирсом (Астр. XX, 74);

г) предл. + прил. + сущ.

Статистические данные ... часто даются в такой форме, которая не дает возможности вычислять момент *с достаточной точностью* (МО, 186).

prep + N

For some major showers their orbits are known *with precision* (МА, 248);

adv

Lowell sincerely believed he had reported his observations *accurately* (Astr. XX, 328);

This gives *precisely* the desired (43:5) (СО, 121);

adv

The radial velocities of the members of the cluster of the Hyades have been *very precisely* determined by the Canadian astronomer J. A. Pearce (Astr. XX, 74);

prep + N

The statistical data ... are often given in a summarized form from which the moments cannot be computed *with accuracy* (СО, 194).

Возможность такого соответствия определяется различием в объеме значений русского существительного *точность* и английского существительного *accuracy*. Русское существительное *точность* не содержит значения степени точности и поэтому, как в данном примере, употребление прилагательного со значением степени признака является необходимым. В то же время английское существительное *accuracy* (в отличие от своего синонима *precision*) не обязательно означает высокую степень точности; значение степени точности выявляется в контексте, в данном случае сказывается влияние отрицательного содержания предложения. Если сравнить параллельное употребление сочетания *with accuracy* и сочетаний *with confidence*, *with certainty* в определенном контексте, то можно сделать вывод о их семантической эквивалент-

ности, хотя существительные *confidence* и *certainty* не синонимичны по отношению друг к другу и являются лишь «частичными» эквивалентами существительного *accuracy*: *Such small values for Sf are too small to measure with confidence* (SCA, 113); ... *the coefficients are known with certainty only in the first q digits* (SCA, 290). Не случайно сюда нельзя отнести сочетание *with precision*, поскольку существительное *precision* всегда означает высокую степень точности, и лексическими эквивалентами адвербиального сочетания *with precision* являются в английском языке наречие *precisely*, а в русском — наречие *точно* и сочетание *в точности*.

Отношениям адвербиальности в одном языке могут быть семантически эквивалентны атрибутивные отношения в другом, при этом структура предложения, категориальная отнесенность и лексическое наполнение его главных членов полностью сохраняются.

Древние знали точное значение $\sqrt{2}$ (Астр. XX, 12); The ancients *knew the value of $\sqrt{2}$ accurately* (Astr. XX. 10);

Подготовленные карты точно воспроизводили сетки в масштабе 1:4 (МА, 23). Prepared maps *gave exact reproductions of the reticules on a 1:4 scale* (МА, 11).

Еще одним примером семантической эквивалентности на уровне синтаксических структур, не приводящей к изменению строя сопоставляемых предложений, является характерное для исследуемых нами лексических единиц эквивалентное соотношение русского и глагольного сочетания (*быть*) *ошибочным, неверным (на)* и английского сочетания *to be in error (by)*:

... первоначальные величины *неверны* из-за численной ошибки ... (МА, 470); ... the original values *are in error* due to a numerical slip ... (МА, 419);

... получаем значение ... которое *ошибочно на единицу* в седьмом знаке (МО, 99) ... we obtain the value ..., which *is in error by one unit* in the seventh place of decimals (СО, 103)

и его варианта:

... с погрешностью на единицу в третьем десятичном знаке (там же). ... *in error by one unit* in the third place of decimals (*ibid*).

2. Эквивалентность на уровне предложения.

Межъязыковая эквивалентность синтаксических структур на уровне предложения может определяться 1) грамматическими факторами и 2) различиями в выражении смысловой структуры высказывания.

1) К грамматическим факторам прежде всего относятся различия в строе сопоставляемых языков. В качестве иллюстрации можно привести примеры эквивалентности предложений, которые из-за различия в управлении русского глагола *содержать* (*ошибки*), *быть подверженным* (*ошибкам*) и употребляющегося с аналогичным значением английского глагола *to affect* отличаются: а) порядком слов:

Авторы ..., смогли доказать, что их измерения не содержали каких-либо серьезных систематических ошибок (Астр. XX, 418);

The authors ... were able to prove that *no serious systematic error had affected the measurements* (Astr. XX, 368);

б) залоговой формой глагола:

Зная вероятные ошибки наблюдений, которым подвержены данные U_0 , U_1 , U_2 ... (Астр. XX, 223);

Knowing the probable errors of observation affecting the data U_0 , U_1 , U_2 ... (Astr. XX, 197);

в) структурой всего предложения:

В дальнейшем выяснилось, что в хаббловском определении расстояний содержатся серьезные ошибки (Астр. XX, 518).

Hubble's determination of the distances was found to be affected by serious errors (Astr. XX, 467).

2) Необходимость в синтаксической трансформации может также вызываться различиями в выражении компонентов смысловой структуры высказывания, т. е. определяться актуальным членением предложения в зависимости от сообщаемой информации.

Русскому предложению *Точность измерения скорости составляет 2%* в английском языке, помимо линейного эквивалента *The accuracy of speed measurement is 2%*, могут соответствовать два типа предложений с совершенно иной структурой, при которой основная информация образует рему высказывания.

а) *Точность* ранее принятой величины *C* составляла $1 \cdot 10^{-6}$ (Р, 230). The value of *C* previously accepted had an accuracy of one part in 10^6 (R, 96).

Заметим, что в следующих трех примерах межъязыковая эквивалентность на уровне предложения сочетается с эквивалентностью на уровне лексической синонимии в рамках английского языка.

б) *Точность* определения разрешающей способности 1 м/с (Р, 441); Resolution is accurate to 1 m/sec (R, 302);

Точность фотоэлектрических изменений блеска звезд составляет около 0,01 звездной величины (Астр. XX, 87); Photoelectric measurement of star brightness is precise to about 0.01 mag (Astr. XX, 85);

Точность количественного анализа углеводорода — 99,8% (МА, 108). Quantitative hydrogen analysis is correct to 99,8% (МА, 97).

Следует обратить особое внимание на то, что чисто синтаксические трансформации встречаются редко. Как правило, они сочетаются с лексическими преобразованиями, и тогда эквивалентность осуществляется сразу на двух уровнях — широкой лексической синонимии и трансформированных синтаксических структур. Так, приводимые ниже русские и английские предложения эквивалентны по содержанию, несмотря на различия в синтаксической структуре и наличие лексических преобразований двух типов, основанных на эквивалентности лексических единиц с антонимичным значением и на эквивалентности категориально различных слов:

Величина, полученная на основании общей теории относительности, равна $+17 \text{ км/сек}$, что в пределах точности измерений согласуется с наблюдениями (Астр. XX, 275); The value predicted on the basis of general relativity $+17 \text{ km/sec}$, is within the uncertainties of the measurements (Astr. XX, 247);

... поэтому импульс налетающей частицы, а следовательно, ее масса, определяется с точностью до 6% (Р, 621); ... so the projectile's momentum, and thence mass, is uncertain within about 6% (R, 488);

Моя собственная оценка ... дает около 8000 световых лет, и мне кажется, что точность этого определения составляет $\pm 50\%$ (Астр. XX, 463—464);

Во многих случаях точность измерения величин должна быть не хуже $0,1\%$ (P, 453);

Точность вашего результата будет не выше $10-30\%$ (P, 531).

My own estimate ... would be about 8.000 light years, and it would appear to me that this estimate is within fifty per cent of the truth (Astr. XX, 419);

In many cases measurements reliable to 0.1% are needed (R, 398);

Your result will be wrong by $10-30\%$ (R, 497).

Подводя итоги, можно сказать, что:

1. Анализ, проведенный на основе сопоставления значений точности—неточности в русских и английских научных текстах, свидетельствует о неоднородности и неоднозначности межъязыковой эквивалентности, что обусловлено рядом факторов.

2. Особенности эквивалентности на уровне широкой лексической синонимии определяются: 1) различием в объеме значений сопоставляемых лексических единиц, 2) степенью дифференцированности значений этих единиц в сопоставляемых языках и 3) необходимостью в лексических преобразованиях, вызванных указанными различиями с целью снятия неоднозначности содержания, или из-за различия в смысловых структурах.

3. Необходимость сохранения эквивалентности содержания может вызывать необходимость в определенных синтаксических трансформациях, которые в свою очередь могут быть обусловлены как различиями в строе сопоставляемых языков, так и особенностями структур смыслового или актуального членения.

4. В основе эквивалентности на уровне лексической синонимии, как и эквивалентности на уровне синтаксических структур, лежит семантическая эквивалентность. Но эквивалентность на уровне синтаксических структур является внешним, поверхностным ее проявлением, в то время как эквивалентность на уровне лексических синонимов отражает ее внутреннее глубинное содержание. Оба вида эквивалентности тесно взаимосвязаны и сосуществуют в языке, а различные способы выражения одного и того же содержания равноправны и эквивалентны.

СОКРАЩЕНИЯ

- LS — *Sobolev V. V. Light Scattering in Planetary Atmospheres. Translated by William M. Irvine. Pergamon Press. Oxford—New York—Toronto—Sydney—Braunschweig, 1975.*
- PC — *Соболев В. В. Рассеяние света в атмосферах планет. М.: Наука, 1972.*
- SPh — *Soviet Physics. Solid State 16 (9) March 1975, 16 (10) April 1975. A translation of the journal «Физика твердого тела», vol. 16, N 9, Sept. 1974, N 10, Oct. 1974. Published by the American Institute of Physics, New York.*
- ФТТ — *Физика твердого тела, т. 16, вып. 9, 10. Л., 1974.*
- Astr. XX — *Struve O., Zebergs V. Astronomy of the XX-th Century. Mac Millan. New York—London, 1962.*
- Астр. XX — *Струве О., Зебергс В. Астрономия XX века. Пер. с англ. Под ред. П. Г. Куликовского. М., 1968.*
- МА — *Lovell A. C. B. Meteor Astronomy. Oxford, 1954.*
- МА — *Ловелл Б. Метеорная астрономия. Пер. с англ. Под ред. Б. Ю. Левина. М., 1958.*
- TG — *Naumann J. von, Morgenstern O. Theory of Games and Economic Behavior. Princeton, 1953.*
- ТИ — *Нейман Дж. фон, Morgenstern O. Теория игр и экономическое поведение. М., 1970.*
- CO — *Whittaker E., Robinson G. The Calculus of Observations. Blackie and Son Limited, Fourth Ed., London—Glasgow.*
- MO — *Уиттекер Э., Робинсон Г. Математическая обработка результатов наблюдений. Л.—М., 1963.*
- R — *Rogers E. Physics for the Inquiring Mind. London, 1960.*
- P — *Роджерс Э. Физика для любознательных, т. 3. М., 1970.*
- CSA — *Newcomb S. A Compendium of spherical astronomy. N. Y., 1960.*

СПЕЦИФИКА АКТИВНОГО СЛОВАРЯ ДЛЯ ЦЕЛЕВОГО ОБУЧЕНИЯ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

М. Я. Цвиллинг

По мере повышения общего уровня владения иностранным языком в среде советских ученых и специалистов, естественно, на смену чисто количественным критериям и целеустановкам в обучении все больше приходят

критерии качественные, ориентированные на оптимизацию содержательной стороны учебного процесса в соответствии с его конечными целями — т. е. с теми реальными ситуациями, в которых обучаемому придется практически применять свои языковые знания и навыки.

На этих принципах, независимо от того, сформулированы ли они явно или лишь предполагаются имплицитно, по существу строится так называемое целевое обучение иностранному языку, получающее в последние годы все большее распространение в различных организациях и ведомствах нашей страны, в том числе в Академии наук СССР и академиях наук союзных республик. В частности, группы целевого обучения иностранным языкам организуются, как правило, в связи с подготовкой к проведению в Советском Союзе крупных международных научных мероприятий.

В эти группы зачисляются научные сотрудники, на которых в работе конгресса и т. п. возлагаются организационные и посреднические функции, т. е. задачи, требующие такого владения иностранным языком, которое во многом приближается к профессиональному уровню, характерному для устного переводчика.

Естественно, что учебный процесс в подобных группах практически по всем параметрам резко отличается от преподавания иностранного языка на основе программы кандидатского экзамена или традиционных общеузовских программ. Помимо этого, следует учесть, что достижение стоящих перед группами учебных целей предполагает тщательный предварительный отбор участников, поскольку за ограниченное время — полтора—два года, 250—400 аудиторных часов без отрыва от основной работы — должен быть обеспечен высокий уровень активного владения языком.

В настоящей статье мы остановимся лишь на одном специфическом моменте целевого обучения, а именно, на некоторых принципах отбора словаря, подлежащего активному усвоению обучающимися.

Поскольку, как отмечено выше, языковая деятельность выпускников целевых групп во многом приближается к работе устного переводчика, то и в отборе активного словаря необходимо руководствоваться критериями, сходными с теми, которые действуют при профессиональном обучении переводчиков. Хотя перевод и является в принципе видом языковой деятельности, охватывающим

все сферы общественной жизни людей, на практике каждый переводчик фактически специализируется на более или менее узкой тематике, на определенных видах межъязыкового общения и т. д. В еще большей степени это относится к переводчикам-непрофессионалам, т. е. слушателям целевых групп, круг переводческих обязанностей которых строго очерчен их научной специальностью, а также рамками тематики и процедуры того мероприятия, к участию в котором они готовятся. Для успешного выполнения возложенных на него функций переводчик (или языковой посредник — Sprachmittler — непрофессионал) должен безупречно владеть набором наиболее частотных в соответствующей ситуации лексических единиц, точнее набором пар устойчивых языковых эквивалентов, поскольку именно в сфере официального общения, к которой относится и устная научная речь, стандартность средств выражения, в равной степени характерная для современных развитых языков, имеет следствием также стандартность межъязыковых лексических соответствий. «По предварительным подсчетам около 40% полных слов ... в общественно-политических текстах на международные темы всегда переводится на французский, английский, немецкий и др. языки одними и теми же словами»¹. Не вызывает сомнений, что в текстах научно-технического содержания (не исключая и устные выступления) этот коэффициент, по-видимому, должен оказаться еще более высоким.

Такие эквиваленты в переводоведческой литературе именуется «закономерными соответствиями»² или «взаимооднозначными соответствиями» (1:1 — Entsprechungen, по терминологии О. Каде³). Правда, в последние годы в теории перевода закономерные соответствия не рассматриваются более в качестве единственной основы для построения модели перевода⁴, однако это отнюдь не означает, что их можно полностью игнорировать при

¹ Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М., 1964, с. 123.

² Ср.: Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык. — В кн.: Теория и методика учебного перевода. М., 1950.

³ Каде О. Zufall und Gesetzmäßigkeit in der Übersetzung. Leipzig, 1968, S. 79 ff.

⁴ См. новейшие работы по теории перевода Л. С. Бархударова, В. Н. Комиссарова, А. Д. Швейцера и др.

практическом осуществлении перевода и соответственно при целевом обучении иностранному языку. Если воспользоваться мыслью Р. Якобсона о том, что существуют два уровня перевода — «информационно-познавательный» перевод и «творческая транспозиция»⁵, то использование закономерных соответствий будет иметь место на первом из названных уровней. По В. Н. Комиссарову, сферой действия закономерных соответствий является один из пяти устанавливаемых им уровней эквивалентности — эквивалентность на уровне языковых знаков⁶. Чем выше степень стандартности ситуации (а, следовательно, и текста), тем больший удельный вес приобретает перевод с использованием взаимооднозначных соответствий⁷.

Для устного переводчика знание этих закономерных соответствий имеет особое значение в силу того, что в процессе своей работы он, во-первых, не имеет возможности вести пространный поиск оптимального варианта перевода при помощи словаря и иных пособий; во-вторых, строго ограничен фактором времени (что наиболее остро ощущается в условиях синхронного перевода); в-третьих, лишен возможности последующей корректировки уже сформулированного перевода⁸. Кроме того, ошибка в выборе соответствия в некоторых видах устного перевода (главным образом, двустороннего) может повлечь за собой далеко идущие последствия из-за лавинообразного нарастания недоразумений в диалоге по принципу «паразитной обратной связи».

В свете сказанного в активный словарь для целевого обучения немецкому языку необходимо в первую очередь включить те разряды слов (и устойчивых словосочетаний), которые де-факто выступают как однозначные эквиваленты слов родного языка при переводе, а в непереводческой ситуации монологической или диалогической речи на иностранном языке позволяют без труда и потерь времени строить высказывание не только достаточно правильно, но и идиоматично, даже если приходится ис-

⁵ Ср.: Jakobson R. On linguistic aspects of translation. — In: On translation. Cambridge, Mass., 1959.

⁶ Комиссаров В. Н. Слово о переводе. М., 1973, с. 78 и сл.

⁷ Ср.: Цвиллинг М. Я. Закономерные соответствия и вероятностно-прагматическая модель в теории и преподавании перевода. — В кн.: Тезисы конференции ВИИЯ. М., 1972.

⁸ Ср.: Чернов Г. В. Теория и практика синхронного перевода. М., 1978, с. 10 и сл.

пользовать в качестве опоры внутреннюю речь на родном языке. Большое место среди этих лексических разрядов занимает, конечно, терминология, однако на ней мы здесь специально останавливаться не будем, поскольку владевшие ею являются безусловной предпосылкой при изучении иностранного языка ученым-специалистом, независимо от конкретной целевой установки.

Представляется, что особого внимания заслуживают следующие группы слов, неоднородные по своей лингвистической природе:

1) числительные, обозначения мер и весов, денежных единиц;

2) имена собственные (антропонимы, топонимы, этнонимы и т. п.);

3) слова, обозначающие реалии социальной действительности стран изучаемого языка (т. е. ГДР, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Люксембурга — в зависимости от конкретной целеустановки обучения);

4) названия организаций, учреждений, печатных органов и т. д., в частности, выступающие в форме аббревиатур;

5) инструментальная лексика, т. е. слова и выражения, привычно употребляемые в определенных профессионально релевантных ситуациях, в нашем случае — в сфере устного научного общения⁹.

Все эти группы характеризуются тем, что входящие в них слова обладают максимальной устойчивостью и воспроизводимостью, в значительной степени лишены синонимии, почти не подвергаются внутриязыковой трансформации, а при переводе не ставят переводчика перед необходимостью выбора соответствия, поскольку эквивалент для них задан, как правило, заранее, т. е. не в речи, а в языке. Эти признаки наиболее четко выражены у слов первых четырех групп, составляющих как бы референтную фактологию языка. У слов пятой группы эти признаки объективно, т. е. в самой системе языка, выражены менее четко. Однако при овладении словами данной группы явно или скрыто неизбежно присутствует установка на максимальную однозначность усваиваемых эквивалентов.

⁹ Под несколько иным углом зрения сходные группы слов были выделены в книге И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга (с. 123).

Перейдем к рассмотрению методических вопросов, связанных со специфическими признаками каждой из перечисленных лексических групп и подлежащих учету при формировании активного словаря.

1. Числительные выражают количественные понятия, общие по крайней мере всем развитым языкам. В огромном большинстве случаев по существу эти слова даже не подвергаются переводу — они как бы механически транспонируются в другой языковой код (ведь прочитать цифры можно и не зная языка, на котором написан остальной текст). Однако именно в силу этого особое внимание должно быть уделено тем случаям, когда подстановка-транспозиция невозможна, а необходимо использовать иной эквивалент, также однозначный в данной особой ситуации. Мы имеем здесь в виду, в частности, такие случаи, как расхождение в нумерации этажей или в системе баллов академических оценок. Собственно говоря, мы имеем здесь дело с наложением универсальной лексико-семантической группировки, каковой несомненно являются числительные, на лингвострановедческую специфику конкретных языков (или социально-языковых регионов).

У нас этажи принято считать начиная с нижнего, который и называется первым, в странах немецкого языка (как и в большинстве других стран европейского региона) счет этажей ведется как бы по лестничным переходам или перекрытиям, а потому нижний этаж при этом счете не учитывается. 2. Stock таким образом соответствует 3-му этажу, 9. Stock — 10-му и т. д. Иной характер несоответствие принимает в шкале академических оценок, где «5» у нас является высшим баллом, а в странах немецкого языка — низшим.

Менее известны расхождения, имеющиеся в некоторых других областях применения числительных, как, например, в устойчивом выражении *in acht Tagen*, где числом «8» фактически обозначен промежуток длительностью в семь суток, т. е. неделя («лишний» день получается из-за включения в счет самого дня начала отсчета: *heute in acht Tagen*, сказанное, например, 7-го апреля, означает 14-е апреля, которое и является 8-м днем, если считать 7-е — первым).

Производное от числительного существительное *der Sechser* в разговорном языке берлинцев обозначает монету достоинством в 5 пфеннигов — этот парадокс имеет исто-

рическую основу и связан с переходом к десятичной системе денежных единиц в середине прошлого века.

Пережитки додесятичной системы сохранились в немецком языке и в приблизительном счете, который в отличие от русского языка основан не на десятках, а на дюжинах ('несколько десятков' — *einige Dutzend*), что, естественно, также должно быть включено в словарь активных эквивалентов.

Другими нетривиальными эквивалентами в сфере числительных являются замена суточной меры времени часовой (двое суток — *achtundvierzig Stunden*), обозначение календарного года столетиями (не *eintausendneunhundertzweiundachtzig*, а *neunzehnhundertzweiundachtzig*).

Настоящими «ложными друзьями» переводчика оказываются обозначения больших чисел, так триллион в русском языке означает 10^{15} , в немецком же это число называется *Billiarde*, тогда как под словом *Trillion* понимается число 10^{12} . Такие же смысловые расхождения имеются между большинством созвучных слов данной группы.

К числительным тесно примыкают обозначения мер и весов, с которыми они часто сочетаются в речи. Расхождения в употреблении одних и тех же метрических мер или употреблении тождественных по происхождению слов в разных значениях требуют знания точных эквивалентов, без чего невозможна автоматизация их употребления в речи. Центнер равен 100 кг, немецкий же *Zentner* равняется 50 кг. Мера веса в 100 кг называется по-немецки *Dezitonne* (ГДР) или *Doppelzentner* (ФРГ). Для немецкого языка характерно широкое использование десятичной приставки *Mega-*, что при осуществлении устного перевода или ведении беседы часто вызывает необходимость мгновенного пересчета на единицы, употребительные в другом языке (например, 500 тыс. киловатт-часов = 500 *Megawatt-Stunden*). Несмотря на наличие приставки *mega-* и в русских обозначениях физических единиц, сфера ее употребления значительно уже, чем в немецком, из-за чего и эта квази-эквивалентная пара (*Mega-* = 1000 кило-) должна быть включена в активный словарь.

Не вызывает сомнения необходимость включения в словарь-минимум названий денежных единиц. В некоторой степени следует отразить и самую употребительную фразеологию, связанную с этими словами, хотя бы

ради предотвращения ее буквального понимания (ср. фразеологизмы *der Groschen ist gefallen*; *keinen roten Heller wert sein* и т. п.). Очень важно отразить в словаре-минимуме расхождения в значениях слов-названий денежных единиц в различных национальных вариантах одного и того же языка (например, *Groschen* — грош, со-тая часть шиллинга, в Австрии; монета в 10 пфеннигов в ГДР и ФРГ).

2. Имена собственные как компонент активного словаря важны тем, что их передача в значительной степени связана с традицией, выработанной в разных языках (точнее — в комбинациях языков), т. е. разнообразными приемами, варьируемыми к тому же в зависимости от категории имен. Например, личные имена (*Vornamen*) в немецком языке трактуются по-разному с учетом исторической значимости их носителей: Лев Толстой — *Leo Tolstoi*; Лев Безыменский — *Lew Besymenski*; Петр Первый — *Peter der Erste*; Петр Капица — *Pjotr Kapiza*. Сходная двойственность существует и в русском языке (*Kaiser Franz-Josef* — император Франц Иосиф, *Franz-Josef Strauß* — Франц Йозеф Штраус).

Известные трудности возникают при передаче на русском языке имен, содержащихся в немецких письменных текстах, в тех случаях, когда неизвестна национальная принадлежность их носителей. Так, имя *Richard* передается по-русски как Рихард, если речь идет о немце (или австрийце), либо как Ришар, если речь идет о французе или бельгийце (а может быть и о жителе Швейцарии и Люксембурга, хотя в этом случае не исключена и первая транслитерация, так как в обеих этих странах немецкий и французский язык равноправны), либо же Ричард, если речь идет об англичанине, американце и т. д.

Включение данной категории слов в минимум оправдано тем, что для беглого употребления их в речи необходимо знать не только наиболее общие правила передачи личных имен, но и сами эти имена и их эквиваленты, обладающие достаточно высокой частотностью.

При целевом обучении языку преподавателю необходимо обеспечить усвоение наиболее часто встречающихся имен и фамилий ученых, политических, общественных и культурных деятелей современности и недалекого прошлого, которые обучающемуся необходимо держать в оперативной памяти в связи со спецификой предстоящей ему работы. Важно при этом учесть возможность графико-

фонетических расхождений между эквивалентами (Ле Зуан — Le Duan; Каддафи — Gaddafi и т. п.).

Естественно, что словарь-минимум не может включить в себя сколько-нибудь полный реестр всех актуальных для данной пары языков собственных имен. Однако безусловно целесообразно включение небольшого минимума антропонимики, которая могла бы послужить своеобразным эталоном передачи собственных имен в соответствии с действующими правилами и традициями.

Этим же целям мог бы послужить небольшой свод имен исторических лиц, мифологических персонажей и литературных героев, полезность которого достаточно наглядно демонстрируют следующие примеры: Жанна д'Арк — Jeanne d'Arc; Архимед — Archimedes; Венера — Venus, Одиссей — Odysseus, Дон Кихот — Don Quijote или Don Quichotte (как нарицательное).

В еще большей степени усвоение устойчивых эквивалентов необходимо в области топонимики. Географические названия несут в сообщении значительную информационную нагрузку, и их неправильная передача влечет за собой существенные смысловые искажения. Эквивалентами для топонимов служат принятые в данном языке обозначения соответствующих географических объектов, зафиксированные в картографических и справочных материалах¹⁰. Понятно, что в ходе устной работы нет возможности обращаться к подобным источникам, ввиду чего необходимо держать в памяти большое количество актуальных топонимов с их эквивалентами. При этом наибольшую ценность представляет знание тех эквивалентов, которые не основаны на взаимной транскрипции, т. е. таких названий, как: Милан — Mailand, Женева — Genf, Ньюфаундленд — Neufundland; Острова Зеленого Мыса — Karverdische Inseln и т. п.

При изучении немецкой топонимики, включение которой в активный словарь должно определяться конкретной целью обучения, в частности тематикой и местом проведения научного мероприятия, особое внимание следует обратить на два явления. Первое из них — это наличие в немецком языке параллельных названий для многих городов (и иных географических объектов) ряда евро-

¹⁰ О передаче географических названий см. также: *Роганова З. Е.* Пособие по переводу с немецкого на русский язык. М., 1961, с. 79 и сл.

пейских стран, соседствовавших в прошлом с Германией, как, например, Bromberg (Быдгощ), Lemberg (Львов), Dünaburg (Даугавпилс), Preßburg (Братислава), Bozen (Больцано), Agram (Загреб), Odenburg (Шопрон) и мн. др. В настоящее время эти названия сохранили лишь историческое значение и их употребление уместно только в контексте соответствующей эпохи. Однако в ФРГ и других капиталистических странах эти названия тем не менее продолжают употребляться и применяться к современности. Чаще всего это делается в текстах, выражающих империалистическую, реваншистскую точку зрения, непризнание реальностей послевоенной Европы. В этом случае их эквивалентами в русском языке должны выступать соответствующие транслитерации (Бромберг, Лемберг и т. д.); поскольку иначе утрачивается идейная окрашенность высказывания. Вместе с тем в ФРГ и особенно в Австрии названия этого рода нередко используются в политически нейтральных текстах авторами, не задумывающимися над идейно-оценочными коннотациями этих топонимов. Естественно, что в подобных случаях при переводе текста или при ведении диалога необходима замена устарелых названий на современные, официальные.

Второе явление в области топонимики, подлежащее учету в работе над активным словарем, — это перифрастические названия городов (а отчасти и стран или географических районов), получившие широкое распространение в жанрах публицистики, ораторской речи, рекламы и некоторых других. Spreeathen, Elbflorenz, Messstadt являются стандартными «прозвищами» городов Берлина, Дрездена и Лейпцига, так что знание этих названий безусловно необходимо для специалиста, участвующего в межъязыковом общении в соответствующей тематической сфере. Число подобных перифраз довольно велико, и поэтому в каждом конкретном случае необходим их целесообразный отбор. Кроме того, следует знакомить обучаемых с действующими в немецком языке продуктивными моделями образования описательных названий городов, в частности словосложения с элементами -metropole (Donaumetropole — Будапешт, Moldaumetropole — Прага, Messmetropole — Лейпциг) и -stadt (Mozartstadt — Зальцбург, Blumenstadt — Эрфурт, Seestadt — Росток).

3. Названия организаций и учреждений, включая аббревиатуры с их эквивалентами, безусловно,

подлежат включению в активный словарь. Известную сложность при этом представляет их правильный отбор с учетом реальных потребностей специалистов, с одной стороны, и практических возможностей памяти учащегося, с другой. В настоящее время при решении этих вопросов приходится опираться в основном на интуитивно-эмпирические критерии.

Данный пласт лексики чрезвычайно подвижен и продуктивен, что требует постоянного обновления подлежащего включению в минимум набора единиц. Во всяком случае ясно, что в этот набор входят названия научных учреждений и организаций, государственных учреждений, политических партий и общественных организаций, а также важнейших международных организаций, органов ООН и ее специализированных учреждений¹¹.

4. Реалии¹² представлены в языке весьма обширной группой слов и устойчивых словосочетаний. Однозначное выделение данной группы порой оказывается затруднительным, поскольку она, с одной стороны, тесно смыкается с терминами, а с другой — с фразеологией языка. Кроме того, в результате постоянного взаимодействия между языками многие слова этой группы утрачивают свою специфичность для данной языковой общности и тем самым перестают быть реалиями. При работе на мероприятиях общественно-научного профиля наиболее часто встречаются общественно-политические и отчасти культурно-исторические реалии: типовые названия административно-территориальных единиц (край, область, Regierungsbezirk, Kanton), должностных лиц и органов управления (народный заседатель, Landeshauptmann, Ombudsmann); звания и титулы (заслуженный деятель культуры РСФСР, Obermedizinalrat, Assistenzprofessor); названия специфических профессий или видов деятельности (массовик-затейник, Sozialarbeiter); формы обращения и титулования (товарищ, гражданин, Kollege, Magnifizenz).

¹¹ Материал по данному разделу активного словаря можно найти в списках организаций и сокращений в «Дополнении к Большому немецко-русскому словарю» (авторы словаря: Цвиллинг М. Я. и др. М., 1982).

¹² Определение этого термина см., например: *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. — В кн.: *Мастерство перевода*, 1969. М., 1970, с. 432.

Существующие руководства по переводу рекомендуют различные способы передачи реалий (транскрипция, дословный перевод, описательный перевод, приблизительный перевод-подстановка), однако в реальном устном общении нет возможности перепробовать все эти приемы и потому необходимо располагать готовым эквивалентом, который, может быть, и не перекрывает всего диапазона основных и сопутствующих значений переводимой единицы, но тем не менее служит ее удобным субститутумом в речевой коммуникации (ср.: председатель исполкома горсовета — *Bürgermeister*; *Magnifizenz* — глубокоуважаемый господин ректор).

5. Инструментальная лексика в нашем понимании — это, во-первых, слова и выражения, привычно употребляемые в определенных регулярно повторяющихся, стандартизированных ситуациях делового общения, и, во-вторых, тот минимум общенаучной и организационной терминологии, без которого невозможна работа в сфере международного научного сотрудничества.

Своего рода сводом инструментальной лексики являются краткие справочники переводчика-международника, вышедшие у нас под названием «4000 полезных слов и выражений»¹³, а также некоторые практические пособия Кафедры иностранных языков Академии наук СССР¹⁴.

Данный раздел активного словаря является наиболее обширным, поскольку он охватывает немалое число словосочетаний различного характера: фразеологические единицы, терминологические словосочетания, устойчивые фразы¹⁵ и т. п.

При отборе относящихся к этой группе единиц для активного словаря неизбежны ограничения субъективного характера. Правомерность подобных ограничений оправдана тем, что уверенное владение ограниченным набором

¹³ Например: *Цвиллинг М. Я. 4000 полезных слов и выражений. Краткий справочник переводчика-международника (немецкий язык). М., 1965.*

¹⁴ *Гяч Н. В. Пособие по развитию навыков устной речи (немецкий язык) по теме «Международные научные связи». Л.: Наука, 1980; Он же. Контактустанавливающие формулы в устном научном выступлении (на материале немецкого языка). — В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982.*

¹⁵ Об этом термине см.: *Райхштейн А. Д. Немецкие устойчивые фразы. М., 1971, с. 5.*

единиц иностранного языка практически более ценно, чем поверхностное и неустойчивое владение более обширной совокупностью единиц, так как при этом лучше обеспечивается надежность коммуникации на прагматически удовлетворительном уровне.

Закономерен вопрос, насколько реален охват перечисленных пяти групп активным словарем, практическое овладение которым должно быть достигнуто в процессе целевого обучения иностранному языку. Примерная прикидка позволяет оценить объем указанного минимума в пределах от полутора до двух тысяч единиц. Общеязыковый минимум, усвоение которого осуществляется сперва на вузовском этапе обучения, а затем продолжается на основе программы кандидатского экзамена, не подвергается существенному увеличению за счет предлагаемого активного словаря. Мы имеем здесь дело с частично пересекающимися множествами, так как многие слова и выражения наряду с общими значениями имеют и специальные, отраженные в активном целевом словаре. Определенная часть входящих в словарь единиц не представляет особой трудности для усвоения в силу своей полной однозначности, что весьма существенно для оценки реальности усвоения данного минимума.

В настоящей статье нам, по-видимому, удалось только наметить основные группы слов и признаки, на основании которых следует отбирать активный словарь, лежащий в основе целевого обучения иностранному языку.

ОБУЧЕНИЕ УСТНОЙ НАУЧНОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Л. Н. Смирнова, И. Б. Менина

Обучение иностранным языкам в группах совершенствования навыков устной речи (группы СНУР) носит профессионально направленный характер, определяемый конечными целями обучения. Однако отсутствие теоретических и экспериментальных исследований не позволяет в настоящее время с необходимой точностью определить объем и характер языкового материала научной речи, подлежащего активному усвоению, и рекомендовать нор-

мативы владения видами речевой деятельности по годам обучения. Решение последней проблемы возможно лишь в результате разработки научно обоснованной системы упражнений, учитывающей как психологические особенности учащихся указанных групп, так и лингвистическую специфику языкового материала. В настоящей статье излагаются некоторые положения исследования, проведенного с целью создания системы упражнений для развития устной научной монологической речи на английском языке. Приводятся результаты обучающего эксперимента, проведенного в течение 1980/81 уч. года.

Согласно действующей программы на I году в группах СНУР не предусматривается обучение профессиональной монологической речи. Тематический учебный материал охватывает круг вопросов, касающихся деятельности учебного в целом (участие в конференциях, поездки в командировки, сведения об институте, лаборатории и общей проблеме исследования), причем действующие учебные пособия, построенные на структурно-синтаксической основе, не ориентируют на развитие навыков и умений связной речи. Поэтому вполне закономерным является тот факт, что учащиеся, заканчивающие I год обучения, не обнаруживают прогресса в уровне владения научной речью. Об этом убедительно говорят результаты диагностирующего среза, проведенного накануне экзамена: навыки и умения монологической речи учащихся остаются в среднем на том же уровне, что и при поступлении в группу.

Прежде чем перейти к изложению полученных нами экспериментальных данных, остановимся на некоторых психологических закономерностях владения профессиональной монологической речью в условиях устного общения и на определенных лингвистических ее особенностях. Оба аспекта научной речевой деятельности важны для решения вопросов отбора языкового материала и его организации в системе упражнений.

*Психологические и лингвистические
особенности устной научной
монологической речи*

С психологической точки зрения устная научная монологическая речь (говорение) представляет собой вид речевой деятельности, специфика которого определяется внутренними механизмами порождения монологического

высказывания и особенностями сферы профессионального общения. Психологическое содержание процесса порождения устного высказывания в условиях совершенного владения речевыми механизмами (на родном языке) рассматривается в целом ряде исследований советских психологов и психолингвистов¹. Не останавливаясь на изложении содержания этих работ, отметим ряд особенностей профессионального научного монолога, которые представляют несомненную методическую ценность.

Существует несколько разновидностей научной монологической речи, различающихся в зависимости от степени подготовки слушателя к восприятию научной информации: собственно научная речь (которую мы называем профессиональной), учебно-научная речь с педагогической ориентированностью и речь научно-популярного стиля². Учебно-научная речь представлена в содержании обучения в языковых и неязыковых вузах. Она отличается с точки зрения содержания тщательным отбором твердо установленных научных фактов, а в плане языкового оформления — исключением узкоспециальной терминологии, упрощением синтаксической структуры предложения, а также общей композиционной простотой. Такая речь носит обучающий характер. В отличие от учебно-научной речи профессиональная научная речь ориентирована на слушателя, обладающего примерно равной научной компетенцией с говорящим. Этим фактом определяется коммуникативная задача говорящего — не только сообщить данные, но и получить их компетентную оценку со стороны слушателей. Упрощение композиции, языковой формы и содержания монологического высказывания, несомненно, отрицательно отразилось бы на научном уровне всего сообщения. Чтобы научный работник мог в достаточной мере реализовать свою коммуникативную задачу в иноязычном общении, его высказывание должно быть сопоставимым по основным параметрам с аналогичным высказыванием на родном языке. Из этого следует, что целью обучения в АН СССР необходимо считать овладение способностью порождать научные монологические

¹ Рубинштейн С. Л. К психологии речи. — В кн.: Проблемы общей психологии. М., 1976; Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979; Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.

² Денисов П. Н. Еще о некоторых аспектах изучения языков науки. — В кн.: Проблемы языка науки и техники. М., 1970.

высказывания значительной содержательной, композиционной, логической и языковой сложности.

Другой важной психологической особенностью профессиональной речи является преимущественный характер мыслительной деятельности, лежащей в ее основе. Если учебно-научная речь связана с репродуцированием добытых другими людьми фактов и мыслей, то собственно научная речь, напротив, характеризуется продуктивностью лежащих в ее основе мыслительных процессов. Продуктивный характер научного мышления связан с необходимостью осмысления полученных данных, их самостоятельной интерпретацией и оценкой и с необходимостью критического анализа результатов, полученных другими исследователями. Достаточно сказать, что сообщение не может быть квалифицировано как научное, если в нем не содержится ни одной творческой мысли автора.

В методическом плане указанная особенность научного монологического высказывания заставляет искать иного решения проблемы последовательности и соотношения видов речи (от репродуктивной к репродуктивно-продуктивной), принятых в вузовской методике. В группах СНУР АН СССР занимаются, как правило, научные ра-

Таблица 1

Показатели устной научной монологической речи на русском (родном) языке

Показатели речи	Группа № 1	Группа № 2	Группа № 3	Средние по трем группам
Общий темп речи (количество слогов/мин.)	246	244	241	243
Средняя длина предложения (количество слов)	22,4	20,8	19,5	20,9
Потери в повторах и ложных началах (в %)	4,9	2,5	3,0	3,5

ботники с большим стажем исследовательской деятельности и, соответственно, со значительным индивидуальным опытом профессионального общения на родном языке, о чем можно судить по данным, полученным Л. Н. Смирновой в ходе предэкспериментального исследования (табл. 1). Анализ зафиксированных на магнитную ленту высказываний показал, что для условий спон-

танного порождения и ограниченного времени для раскрытия темы (3—5 мин.) информативность высказывания была достаточно высокой, а общий темп речи в среднем по трем группам (всего 15 чел.) составил 243 слога/мин., что соответствует среднему темпу русской монологической речи.

Продуктивный характер мышления и высокий уровень владения умениями научной речи на родном языке, а также наличие некоторого исходного уровня владения монологической научной речью на иностранном языке позволяют применить в системе упражнений последовательность от продуктивной речи на I году к продуктивно-репродуктивной речи на II году обучения. Тот факт, что репродукция научных текстов откладывается до момента, когда основные навыки и умения продуктивной речи на иностранном языке уже сформированы, объясняется также большой языковой и логической сложностью оригинальных научных текстов, особенно печатных. Их использование на раннем этапе нецелесообразно, поскольку оно тормозит развитие речевых навыков из-за большого числа трудностей, которые учащемуся приходится преодолевать одновременно.

Важной стороной в психологической характеристике рассматриваемого вида речевой деятельности является признание относительности понятия «владение научной речью». Действительно, степень владения ею определяется объемом и характером научных понятий, усвоенных человеком в процессе обучения и самостоятельной деятельности. Важно отметить, что рецептивные возможности всегда шире, чем возможности экспрессивной, особенно устной продуктивной речи. Это характерно как для иностранного, так и для родного языка. В оптимальном случае объем активного научного словаря научного работника должен быть примерно одинаковым для обоих языков. Достижение такого объема словаря следует признать одной из центральных проблем обучения иноязычной лексике в указанных условиях.

Понятие относительности владения научной речью тесно связано с проблемой профессиональной индивидуализации обучения. В АН СССР, в отличие от вузов, в учебных группах сочетаются различные научные интересы, и в процессе обучения каждый учащийся должен овладеть определенным, индивидуальным материалом подъязыка науки. Это выдвигает на первый план проб-

лему выявления и отбора индивидуального языкового материала, с одной стороны, и языковых (лексических и грамматических) единиц, которые являются общими для всех учащихся независимо от специализации, с другой. Определение индивидуального и общего языкового материала представляет собой лишь первый этап работы, поскольку для построения системы упражнений необходимо решение не менее важной методической задачи — обеспечить усвоение всеми учащимися индивидуальных подъязыков науки в процессе коллективной иноязычной речевой деятельности.

Лингвистическому описанию письменной формы научной речи посвящено довольно большое число работ, и основная часть выводов и наблюдений авторов относится и к ее устной форме. Одним из основных положений функциональной стилистики справедливо считается экстралингвистическая обусловленность языковой специфики научной речи. Учитывая различные условия порождения устного и письменного высказываний³, необходимо признать между ними различия языкового, логического и композиционного планов. Наблюдения, проводившиеся нами в течение ряда лет над характером устных монологических высказываний на научных семинарах и конференциях, аналогичны выводам Е. С. Большаковой относительно научного диалога⁴. В том и другом случае непосредственный характер общения, наличие особой психологической обстановки, использование иллюстративно-графических средств презентации содержания — все эти факторы влияют на выбор определенной части лексических и грамматических явлений, нехарактерных для письменных текстов. Это приводит к значительному разнообразию категорий лексики в устной научной речи, к наличию общенаучных, терминологических, эмоционально-экспрессивных и контактоустанавливающих языковых средств.

Автором исследования проведен анализ большого объема печатных текстов и фономатериалов по естествознанию и технике на английском языке в целях выявления тематического, структурно-логического и языкового

³ Гез Н. И. Взаимоотношения между устной и письменной формами коммуникации. — ИЯШ, 1966, № 2.

⁴ Большакова Е. С. Обучение диалогической речи на научную тематику (английский язык). Автореф. канд. дис. М., 1978.

составов двух разновидностей монологического высказывания — научного описания и повествования. Анализ показал, что эти типы речи⁵ в науке отличаются большой смысловой и языковой сложностью. Их структура включает не только перечисление объектов, явлений и их характеристик, но содержит также сопоставление и противопоставление, дефиницию и объяснение, оценку, идентификацию и классификацию. Кроме того, описательно-повествовательные высказывания часто осложнены референциями к источникам информации, что находится в соответствии с продуктивным характером научного мышления.

Таким образом, вопросы обучения устной научной речи, в частности монологической, нельзя решать на основе учета только одной какой-либо ее особенности. Языковой материал, подлежащий усвоению, должен отражать объективные характеристики, как психологические, так и лингвистические, данного вида речевой деятельности.

Отбор и организация языкового материала

Вопрос о том, какие языковые единицы и в каком количестве следует включать в содержание обучения устной научной монологической речи в группах СНУР, не подвергался специальному исследованию. На практике языковой материал определяется действующими учебными пособиями, которые чаще всего создаются на чисто эмпирической основе.

Для целей обучения иностранному языку как речевой деятельности отбор и организация материала должны осуществляться на основе диалектического единства языковой формы и смыслового содержания⁶. Организация материала по формально-лингвистическим признакам, например, только на основе типовой синтаксической структуры предложения, или, напротив, учитывая только содержательную сторону речи, отрицательно влияет на становление речевых навыков и умений.

⁵ Печеева О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение). Улан-Удэ, 1974.

⁶ Шатилов С. Ф. Проблема овладения формальной и содержательной стороной иноязычной речи. — В кн.: Обучение устной иноязычной речи в школе и вузе. Л., 1977.

Основным компонентом психологического содержания речевой деятельности, как известно, является ее предмет — мысль как форма отражения отношений предметов и явлений действительности. По отношению к мысли языковая система выступает как средство, а речь как способ ее формирования и формулирования. Задача при обучении иностранному языку заключается в том, чтобы «учить речевой иноязычной деятельности в совокупности средств и способов ее реализации»⁷. В отношении научной речи вопрос о содержательной (тематической и структурно-логической) стороне был рассмотрен в другом месте⁸, поэтому здесь мы остановимся на принципах и критериях отбора языкового материала.

При отборе и организации материала в системе упражнений нами использовались два методических принципа — тематический и структурно-логический при соблюдении принципа функциональной необходимости отбираемых языковых средств⁹. Поскольку до настоящего времени не было попыток определить общие критерии отбора лексического и грамматического материала для условий обучения в АН СССР, попытаемся сформулировать те критерии, которых мы придерживались в процессе разработки указанного учебного пособия.

При отборе лексики мы придерживались следующих критериев:

1. Стилистическая закреплённость и нормативность лексических единиц.

2. Широкий лексический параллелизм и синонимия, позволяющие выражать тонкие оттенки мысли.

3. Представленность различных категорий лексики, способствующих осуществлению всех коммуникативных функций научной речи.

4. Полнота и адекватность терминологического словаря, позволяющего осуществлять узкопрофессиональную коммуникацию.

5. Учет семантического принципа, который предусматривает тематическую закреплённость слов и соотносённость их с предикативно-логической структурой темы.

⁷ Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978, с. 35.

⁸ Смирнова Л. Н. Речевая ситуация как методическая категория и обучение научной речи. — В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М.: Наука, 1982.

⁹ Смирнова Л. Н. Scientific English. Л.: Наука, 1980.

Частотность слов учитывается только для I года обучения, причем имеется в виду частота появления слова в определенном типе речи (описании и повествовании), в связи с определенной темой и предикативно-смысловой структурой.

Что касается объема активного словаря, экспериментальным путем нами установлено, что если на I году обучения 50% времени на занятии отводится на развитие устной научной речи, то активно усвоенный словарь составит до 1400 лексических единиц, включая 350—400 узкоспециальных терминов на каждого учащегося. Количество единиц, усваиваемых за одно занятие, в среднем составляет 15. Это достаточно высокий темп усвоения, который может быть достигнут благодаря учету в системе упражнений ряда факторов.

Во-первых, в упражнениях учитывается уровень рецептивного (при чтении) владения учащимися научным словарем. Об уровне владения учащимися лексическими и грамматическими навыками чтения на английском языке можно судить по результатам трех срезов, проведенных в ходе предэкспериментального исследования. Замеры скорости чтения текущей научной периодики позволили установить, что она в среднем составляет 103,4 слова/мин. при условии достаточно полного и глубокого понимания содержания: учащиеся смогли воспроизвести детали содержания и дать оценку публикуемым данным. В результате специального опроса было установлено, что большинству учащихся незнакомых слов не встретилось, в единичных случаях наличия новых слов, их контекстное значение угадывалось правильно. Эти результаты говорят о сформированности лексических навыков чтения и о зрелом его характере. Этот вывод подтверждается также лабильностью индивидуальной скорости чтения: у отдельных учащихся она колеблется от 60 до 150 слов в минуту в зависимости от раздела статьи. Приведенные факты позволяют вводить значительный объем лексики за одно занятие с учетом тематической и предикативно-логической связанности лексических единиц, способствующей более быстрому и прочному их запоминанию.

Во-вторых, нельзя не учитывать некоторого, хотя и низкого, уровня развития активных устно-речевых лексических навыков, позволяющих учащимся выразить некоторое содержание в связи с заданной научной темой.

Правда, количество и разнообразие ошибок очень велико и темп речи слишком медленный, но все же нельзя отрицать существование определенного индивидуально-речевого опыта на иностранном языке у учащихся, поступающих в группы СНУР.

Вопросы отбора грамматического материала для целей обучения устной научной речи разработаны несколько лучше, возможно, благодаря ориентации в течение многих лет на синтаксические модели предложений как основы организации языкового материала в целом. Для разработанной нами системы упражнений грамматические явления отбирались на основе принципа функциональной необходимости. Мы также руководствовались общими положениями методики об ограничении объема грамматических явлений до разумного минимума.

При отборе активного грамматического минимума использовались следующие критерии:

1. Функциональная необходимость, которая выражается в предпочтительном (высокочастотном) способе оформления определенных типов смысловых связей.

2. Стилистическая репрезентативность, характерная для устной формы научной речи.

3. Исключение явлений, употребительных только в книжно-письменном варианте.

4. Грамматический параллелизм и синонимия, позволяющие создавать структурно разнообразные высказывания.

При сравнении критериев отбора лексики и грамматики нетрудно заметить, что в отборе лексического материала общая тенденция состоит в приближении активного научного словаря иностранного языка к таковому родного языка, тогда как при отборе грамматических явлений важным является сочетание принципа разумной минимизации с принципом структурной вариативности.

Отбор грамматического материала для системы упражнений производился на основе текстовых выборок и их сопоставления. В результате анализа было установлено, что научные произведения, относящиеся к различным областям естествознания и техники, различаются по терминологическому составу лексики, проявляют некоторое предпочтение к отдельным единицам общенаучного словаря, сохраняя, однако, его инвариантность по основному объему, и не обнаруживают никакой селективности в отношении грамматических средств. Выбор того или

ного грамматического явления зависит не от содержания конкретной научной области, а от функциональной необходимости выразить определенный тип смысловых отношений.

В упражнениях лексико-грамматический материал организован в речевые образцы связной диалогической и монологической речи различного объема и степени смысловой и языковой сложности. Отдельные трудности вычленяются и отрабатываются вне речевой коммуникации, затем включаются в условно-речевые упражнения, направленные на формирование речевых навыков употребления языковых единиц в условиях учебного общения. Работа над определенным объемом материала завершается выполнением собственно речевых упражнений, в которых усвоенный материал свободно комбинируется учащимися в соответствии с темой и ее логической структурой, устанавливаемой учащимися самостоятельно. Соотношение языковых и речевых упражнений динамически меняется от 34% : 66% в начале I года до 5% : 95% к концу II года обучения. Тематически связанные упражнения обеспечивают поэтапное формирование речевых навыков и умений. В целом этапность усвоения материала соответствует концепции, разработанной С. Ф. Шатиловым¹⁰, с необходимым учетом психолого-педагогических факторов, специфичных для условий обучения в АН СССР. Так, нами выделен ориентировочно-подготовительный этап, цель которого — создание ориентировочной основы выполнения речевого действия в случае интерферирующего влияния явлений русского языка. Однако этапы стандартизации и варьирования речевых действий объединены, так что в упражнениях обеспечивается одновременно и повторяемость языковых явлений, и их разнообразное комбинирование. Это оказалось возможным благодаря детальной разработке смысловой структуры темы, а также дроблению темы на составные элементы, которые можно комбинировать по-разному.

¹⁰ Шатилов С. Ф. К вопросу о научных основах создания системы упражнений для обучения устной иноязычной речи. — В кн.: Вопросы научной организации преподавания иностранных языков в специальном вузе. Горький, 1970; *Он же*. Некоторые основные проблемы методики обучения грамматическому аспекту устной иностранной речи в восьмилетней школе. — ПЯИЯ. 1971. № 6.

Система упражнений, представленная в упомянутом выше учебном пособии, была несколько усовершенствована в предэкспериментальный период за счет включения лексико-грамматического (выборочно) комментария и 2—3 языковых лексически и грамматически направленных упражнений на одно занятие с целью дифференцировки интерферирующих явлений. Остальные упражнения не претерпели никаких изменений.

Экспериментальная проверка эффективности системы упражнений

На основе теоретического обоснования и наблюдений над процессом усвоения материала в течение трехлетнего периода, предшествовавшего экспериментальному исследованию, была сформулирована гипотеза о том, что разработанная система упражнений и методика обучения устной научной монологической речи являются достаточно эффективными и что они обеспечивают развитие необходимых речевых навыков и умений учащихся в процессе овладения материалом индивидуальных подъязыков науки.

С целью проверки выдвинутой гипотезы в 1980/81 уч. году был проведен обучающий эксперимент в трех группах СНУР I года обучения. Занятия в двух группах проводились Л. Н. Смирновой. И. Б. Менина была приглашена для ведения занятий в третьей группе как преподаватель, ранее с данной методикой незнакомый. Это было сделано с целью проверки, насколько успешно опытный преподаватель может овладеть новыми приемами обучения при наличии необходимых консультаций. Овладение новой методикой осуществлялось в течение 8 недель до начала эксперимента.

С тем, чтобы проверить успешность усвоения материала индивидуальных подъязыков науки, в группах были созданы разные условия: качественный состав групп различался в зависимости от степени сходства по содержанию и, следовательно, по терминологическому словарю представленных в них подъязыков. Так, группа № 1 состояла из представителей одной области науки (физика твердого тела); группа № 2 включала представителей разных областей одной науки (физика плазмы, электронная оптика, физика магнетизма и сигнетоэлектричества, физика полупроводников и теоретическая физика). Обе группы состояли из сотрудников одного НИИ. Группа № 3

была укомплектована сотрудниками разных НИИ, представлявших различные науки (спектроскопия полимеров, химия силикатов, биохимия нуклеиновых кислот, зоология беспозвоночных и физиология высшей нервной деятельности). Было высказано предположение, что в группе № 1 условия для профессионального иноязычного общения должны быть наилучшими, а в группе № 3 наихудшими, что должно было отразиться на качественных и количественных характеристиках монологических высказываний. Если бы это предположение подтвердилось в эксперименте, можно было бы рекомендовать предпочтительный способ комплектования групп для обучения научной речи по разработанной методике.

Таким образом, варьируемыми условиями в эксперименте являлись: индивидуальное содержание и терминологический состав подязыков науки и различный научный состав групп. Неварьируемыми условиями были: количество учащихся в группе (по 5 чел.), количество времени на развитие устной научной речи (60—70 мин. из 135 мин. занятия); количество занятий по теме; основной учебный материал и методика обучения. Экспериментальное исследование проводилось в три этапа: подготовительный этап, экспериментальное обучение и постэкспериментальные срезы.

В задачу подготовительного этапа входило овладение учащимися всех групп новыми приемами работы как самостоятельной внеаудиторной, так и аудиторной. Учащиеся должны были овладеть умением экстраполировать обобщенно сформулированные темы и рече-мыслительные задачи, представленные в учебном пособии, на конкретное предметно-смысловое содержание своей научной области, научиться поиску в научных публикациях на английском языке материалов (т. е. конкретных объектов, иллюстраций, терминологической лексики), удовлетворяющих требованиям инструкций-заданий, используя в качестве «подсказки» речевые образцы и иллюстрации к упражнениям. В условиях аудиторной работы необходимо было научиться пользоваться материалом упражнений пособия для их выполнения по аналогии, используя индивидуальный учебный материал.

По окончании подготовительного этапа был проведен предэкспериментальный срез с целью определения исходного уровня владения устной монологической речью на английском языке. От каждого учащегося было получено

(с фиксацией на магнитную ленту) по два высказывания по темам предстоящего экспериментального обучения (разделы 4 и 6 пособия)¹¹. При оценке навыков и умений основными показателями служили: информативность, логичность, объем высказывания, общий темп речи, средняя длина предложения и синтаксическая сложность высказывания. Информативность высчитывалась как число фактов, выраженное в процентах по отношению к аналогичному высказыванию на русском языке. Оказалось, что только у 3 учащихся эта величина достигала 65%, у 10 она лежала в пределах от 40 до 60%, у одного равнялась 35%, а 1 учащийся (№ 15) не смог создать связного высказывания. У половины учащихся наблюдалось нарушение логичности, вызванное несформированностью механизмов построения связного сообщения на английском языке.

Другие показатели представлены в табл. 2. Общий коэффициент ошибок показывает общее количество языковых нарушений на 100 слов текста. Наиболее многочисленны грамматические (морфологические) ошибки и ошибки в произношении слов, особенно терминологических. Много случаев неправильного выбора слов под действием интерференции русского языка. Можно сделать вывод о низком уровне сформированности как навыков оформления, так и навыков употребления языковых явлений в речи, что подтверждается низкими показателями общего темпа речи. В высказываниях зарегистрировано большое количество длительных пауз, связанных с дискурсивно-логическим характером выполнения операций по выбору слов, конструированию фраз и грамматическому оформлению слов и словосочетаний. Несовершенство иноязычных речевых навыков и умений отразилось на объеме высказывания, измеряемого в количестве слов и предложений (слова в повторах и ложных началах не учитывались). Единственный показатель, который у половины учащихся является удовлетворительным, — это средняя длина предложения: простых нераспространенных предложений практически не обнаружено. Синтаксическая сложность высказывания определялась как количе-

¹¹ Эти же темы использовались для получения высказываний на русском языке, о чем говорилось выше. Это было сделано, чтобы облегчить сравнение некоторых характеристик научной речи на обоих языках.

Таблица 2

Показатели устной научной монологической речи
по данным предэкспериментальных срезов

Группа	№№ п/п	Учащиеся	Общий коэффициент ошибок (в %)	Общий темп речи (количество слов/мин.)	Объем высказывания (количество слов/предложений)	Средняя длина предложения (количество слов)	Синтаксическая сложность (количество предложений)
Группа № 1	1	Ал-в	20,4	120,3	283/10	28,3	11
	2	В-на	18,5	88,3	178/10	17,8	4
	3	Ч-на	26,9	96,4	161/12	13,4	4
	4	Д-в	20,3	61,4	136/6	22,6	4
	5	Ш-р	30,4	79,0	137/11	12,4	3
	Средние показатели			23,3	89,1	179/9,6	18,9
Группа № 2	6	К-р	10,1	125,1	180/8	22,5	11
	7	Д-ко	17,0	55,8	108/7	15,4	3
	8	В-ва	30,1	88,7	110/8	13,7	2
	9	К-на	25,4	114,8	133/7	19,0	3
	10	А-ев	31,6	65,8	116/6	19,3	2
	Средние показатели			22,8	90,0	129/7,2	17,9
Группа № 3	11	И-ва	16,1	123,6	237/10	18,2	4
	12	М-в	24,8	71,3	107/7	15,6	3
	13	В-ва	25,3	78,6	109/9	12,1	3
	14	А-ов	47,8	85,7	75/5	15,0	1
	15	Б-я	—	0,0	0,0	0,0	0
	Средние показатели			28,5	71,8	105/6,2	12,2
Средние показатели по трем группам			24,8	83,6	137/7,6	16,3	3,5

ство осложненных простого распространенного предложения с помощью причастных оборотов, придаточных предложений и сочинительной связи. В среднем на 7,6 предложений приходится 3,5 случая употребления указанных синтаксических средств, что, видимо, объясняется действием переноса с родного языка. Следует отметить бед-

ность языковых средств выражения мысли и упрощенность смысловой структуры сообщения.

Экспериментальное обучение проводилось в три серии. Целью I серии было определение успешности процесса совершенствования навыков и умений монологической речи и на этой основе проверка эффективности разработанной методики. Во II серии предстояло проверить надежность полученных в I серии данных, а в III серии — стабильность наблюдаемых тенденций в более строгих экспериментальных условиях.

I серия экспериментального обучения проводилась на материале раздела 4 пособия¹². Все речевые упражнения вместе с подготавливающими их языковыми упражнениями и пунктами общенаучного словаря были разделены на три группы по принципу завершенности микротемы. Первый цикл из 4 занятий включал 1 занятие на отработку произношения индивидуальной терминологии (по 15—18 терминов на учащегося) и 3 последовательных занятия на выполнение указанных трех групп упражнений. Этот цикл занятий завершился фиксацией на магнитную ленту итогового монологического высказывания (упражнение XIV).

Второй цикл состоял из 3 занятий, на которых выполнялись те же три группы упражнений на материале новых объектов описания с овладением примерно таким же объемом новой терминологической лексики каждым учащимся. Этот цикл завершился фиксацией итогового монологического высказывания (то же упражнение). Работа над разделом 4 закончилась на 5-м занятии выполнением итогового упражнения XIV (с фиксацией) на материале нового, третьего по счету объекта описания с предварительной отработкой произношения новых терминов.

Такая последовательность работы над материалом раздела обеспечивает высокую повторяемость лексико-грамматического материала при возможности его комбинирования как внутри одного цикла занятий, так и на межцикловом уровне. Тем самым соблюдаются условия для формирования речевых стереотипов, ведущих к автоматизированности оформления и употребления языковых единиц в повторяющихся, но в то же время варьирующихся контактах. Однако полученные в трех срезах монологические высказывания различались по своему психологи-

¹² Смирнова Л. Н. Указ. соч.

ческому содержанию. В первом срезе речь учащихся была наименее самостоятельна вследствие большого количества используемых опор (вербальных, смысловых, иллюстративно-наглядных): тема и ее смысловая структура в виде плана, список терминов, рисунок, речевой образец и инструкция-установка в упражнении. Во втором срезе пользование опорами было факультативным, по желанию. В последнем срезе опорами служили лишь рисунок и заданная тема, а порождение высказывания осуществлялось на основе внутренней программы.

Данные, полученные в трех срезах, позволяют оценить процесс становления речевых навыков и умений. Например, наилучший результат по коэффициенту ошибок и темпу речи был получен во втором срезе, что можно объяснить, с одной стороны, автоматизированностью выполнения ряда действий, а с другой — возможностью выбора наиболее удобных опор для разгрузки оперативной памяти в процессе порождения речи. У сильных учащихся оптимальный результат по темпу речи был достигнут в третьем срезе. Учитывая, что увеличение темпа речи у этих учащихся происходило параллельно увеличению объема высказывания и средней длины предложения, можно констатировать наличие прогрессирующей автоматизации речевых действий, сопровождаемой общим совершенствованием речевых умений.

Для сравнения успешности обучения в трех группах с различным типом комплектования необходимо определить процент прироста показателей монологической речи в третьем срезе (табл. 3) в сопоставлении с аналогичными показателями предэкспериментальных срезов. Результаты расчетов показывают, что правильность речи по группам № 1, 2 и 3 улучшилась соответственно в 3,8, 4,4 и 2,9 раза, а общий темп речи возрос на 26, 24 и 39%. Объем высказывания возрос на 3, 34 и 56%. Средняя длина предложения в группах № 1 и 2 не возросла, а, напротив, уменьшилась на 9 и 13% в отличие от группы № 3, где прирост по этому показателю составил 30%. Синтаксическая сложность высказывания возросла в 2, 4,8 и 2,3 раза соответственно. Усреднив процент прироста по всем показателям для каждой группы, получаем 120, 193 и 129%. Таким образом видно, что наше предположение о возможном опережающем развитии речи в группе № 1 (все учащиеся работают в одной научной области) не подтвердилось. Наилучший результат был достигнут в группе № 2.

Таблица 3

Показатели устной научной монологической речи по данным 3-го среза I экспериментальной серии

Группа	№№ п/п	Учащиеся	Общий коэффициент ошибок (в %)	Общий темп речи (количество слов/мин.)	Объем высказывания (количество слов/предложений)	Средняя длина предложения (количество слов)	Синтаксическая сложность (количество предложений)
Группа № 1	1	Ал-в	3,4	116	172/10	17,2	5
	2	В-на	3,8	135	257/14	18,3	3
	3	Ч-на	8,0	103	125/9	13,8	5
	4	Д-в	6,0	117	233/10	23,7	13
	5	Ш-р	9,4	98	138/10	13,7	3
	Средние показатели			6,1	114	185/10,6	17,2
Группа № 2	6	К-р	3,7	133	265/13	20,3	11
	7	Д-ко	2,5	96	194/11	17,6	9
	8	Б-ва	4,4	135	157/11	14,2	7
	9	К-на	9,9	106	111/10	11,1	3
	10	А-ев	5,0	92	140/10	14,0	4
	Средние показатели			5,1	112	173/11	15,4
Группа № 3	11	П-ва	7,6	133	224/12	18,6	7
	12	М-в	4,5	116	175/9	19,4	8
	13	В-ва	18,2	96	132/10	13,2	2
	14	А-ов	10,7	80	149/9	16,5	6
	15	Б-я	8,4	73	143/12	11,9	3
	Средние показатели			9,8	100	164/10,4	15,9
Средние показатели по трем группам			6,7	108	174/10,6	16,2	6,6

Мы объясняем это тем, что к началу эксперимента в этой группе сложилась наиболее благоприятная психологическая атмосфера, что мы относим за счет присутствия в ней очень энергичного, активного в речевом отношении учащегося, который положительно влиял на всю группу. Хотя усилия преподавателей, направленные на активиза-

цию речевой и учебной деятельности учащихся, были приблизительно равными во всех трех группах, именно группе № 2 удалось добиться наибольшего успеха.

При сравнении приведенных в табл. 3 данных можно заметить общую закономерность — выравнивание уровней владения монологической речью благодаря опережающему развитию речи слабых учащихся. Это явление наблюдается во всех трех группах, что говорит об отсутствии какого-либо заметного влияния различия подязыков науки на процесс совершенствования речевых навыков и умений. Иными словами, степень различия индивидуальных терминологических словарей, а также конкретного содержания не оказывает решающего влияния на успешность обучения с использованием разработанной методики. Проверяемая методика обеспечивает довольно высокий средний прирост — 147%.

Полученный результат необходимо было проверить во II серии экспериментального обучения для подтверждения обоснованности нашего вывода. Кроме того, необходимо было выявить тенденцию развития монологической речи при наличии более однородных речевых характеристик учащихся. Обучение проводилось по описанной методике на материале раздела 5 пособия. На магнитную ленту фиксировались монологические высказывания упражнения XVI в трех срезах.

Для определения эффективности обучения сравнивались показатели речи в третьих (итоговых) срезах I и II серий эксперимента. Оказалось, что правильность речи улучшилась в группах № 1 и 3 на 21 и 38%, однако в группе № 2 произошло некоторое увеличение ошибок (на 6%). По общему темпу речи во всех трех группах произошла стабилизация уровня, достигнутого к концу I серии. Объем высказываний возрос значительно (на 88, 61 и 57%) благодаря усложнению смысловой структуры и информативности высказывания и расширению объема словаря. Следует особо отметить дальнейший рост синтаксической сложности высказываний (на 36, 50 и 34%), сопровождавший повышение содержательности речи. То, что процессы совершенствования формы и содержания высказываний происходят одновременно и гармонично, является результатом правильного решения этой проблемы на этапе отбора и организации языкового материала в системе упражнений. Суммировав и усреднив показатели прироста по каждой группе, получаем соответственно 34,

27 и 26%. Отсюда видно, что на новом материале произошла не только стабилизация речевых навыков и умений, достигнутых в I серии, но и продолжалось их дальнейшее совершенствование (в среднем прирост составил 29%). Этим подтверждается обоснованность нашего вывода о достаточной эффективности разработанной методики в группах с разным типом комплектования. Тот факт, что занятия в группе № 2 проводил экспериментатор, а в группе № 3 преподаватель, овладевший новой методикой лишь в ходе подготовительного этапа, увеличивает объективность полученных данных.

Из сравнения процента прироста показателей речи по группам видно, что во II серии результат обучения в группе № 1 несколько выше. Для того чтобы выяснить, является ли наметившаяся тенденция случайностью или закономерностью, была проведена III серия экспериментального обучения на материале раздела 6 пособия. Обучение проводилось экспериментатором только в группах № 1 и 2 (сотрудники одного института), с тем чтобы уменьшить влияние случайных факторов. Средний прирост показателей речи составил 3,8% в группе № 1 и 16,8% в группе № 2. Таким образом, наметившаяся тенденция не подтвердилась, но преимущественное развитие речи учащихся группы № 2, которое наблюдалось в I серии, по-прежнему было очень заметно. Мы дополнительно произвели расчет процента прироста показателей в этих группах за весь период экспериментального обучения. Оказалось, что в группе № 1 он составил 188%, а в группе № 2 295%, что соответствует тенденции I и III серий.

На основе анализа результатов экспериментального обучения можно сделать вывод, что применение разработанной методики обучения научной монологической речи дает хороший результат независимо от степени различия материала индивидуальных подъязыков науки (в рамках естествознания и техники). Возможные отрицательные последствия этого различия могут быть значительно ослаблены благодаря применению разнообразных психолого-педагогических воздействий, имеющих целью повышение речевой и учебной активности учащихся. Следует учитывать то обстоятельство, что в силу малочисленности состава групп СНУР (в отличие от условий обучения в школе, в вузе, на курсах), воздействие отдельного учащегося на группу может оказаться заметным.

Результаты экспериментального обучения также показали, что при наличии методической помощи преподаватель, ранее не владевший данной методикой, может получить хороший результат. Опыт проведения методических консультаций для преподавателей, осваивающих указанное учебное пособие, убедил нас в необходимости создания книги для преподавателя как теоретического и практического руководства для обучения устной научной речи.

Накануне экзамена, в конце учебного года, в группах был проведен постэкспериментальный срез для определения достигнутого уровня развития навыков и умений монологической речи. Учащимся было предложено высказаться на любую из пройденных тем, комбинируя материал самостоятельно. Обработка полученных текстов показала, что из 12 чел., принимавших участие в срезе, 7 (58%) достигли уровня автоматизированности речевых навыков, который позволял им создавать устные сообщения в темпе 150—176 слогов/мин. Самый низкий темп речи был зафиксирован у двух учащихся (111 и 110 слогов/мин.), которые начинали учебный год как самые слабые и у которых оказался самый низкий темп русской монологической речи (176 и 213 слогов/мин. соответственно). Средний коэффициент ошибок составил 3,0, а у 8 учащихся он был ниже этого значения. Можно сравнить эти цифры с соответствующими данными предэкспериментальных срезов — 24,8 в среднем по трем группам. Следует отметить, что ошибки, которые делали учащиеся к концу года, не затрудняли восприятие и понимание их речи: неправильный выбор артикля, отсутствие окончания в 3-м лице настоящего времени глагола, отдельные искажения в произношении слов. Не было обнаружено ни одного случая нарушения логической связности высказывания, а степень его синтаксической сложности достигла 13 при средней длине предложения 19,9 слов. В итоговых высказываниях были заметны комбинационные умения учащихся.

В процедуру экзамена экспериментальных групп, помимо обычных видов речевой деятельности, было включено монологическое высказывание на одну из пройденных тем, которое сопровождалось групповой дискуссией, во время которой проверялись умения научной диалогической речи. Все учащиеся успешно сдали экзамен, проявив, по мнению экзаменатора, в целом большую рече-

вую активность, чем учащиеся групп, обучавшиеся по прежней программе. Аналогичный результат на экзамене был зарегистрирован в группах Е. Л. Власовой, в которых проводилось опытное обучение по новой методике.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости уточнения целей обучения на I году в группах СНУР. Следует признать целесообразным включение в содержание обучения профессиональной научной речи, так как это будет в большей мере соответствовать практическому, профессионально направленному характеру обучения в рассматриваемых условиях.

СИТУАТИВНЫЕ УПРАЖНЕНИЯ ПРИ ОБУЧЕНИИ НАУЧНОЙ ДИАЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Е. С. Большакова

Ситуативность является одной из определяющих черт диалогической речи, поскольку общение осуществляется только в конкретных ситуациях. Как известно, «смысловое содержание речи обусловлено ситуацией, ибо при речевом общении индивидов значение употребляемых слов осознается ситуативно»¹.

Использование принципа ситуативности является общепризнанным в современной методике преподавания иностранных языков. Следует отметить, что использование ситуаций предусматривает «проигрывание» определенных социальных ролей в процессе общения. В методической литературе придается особое значение обучению «общению в некоторых ролях, номенклатура которых зависит от задач будущей деятельности обучающегося»². Для определения ролей, подлежащих изучению, необходимо выделить те социальные ситуации, в которых учащиеся должны уметь общаться.

Для успешного исполнения социальной роли необходимы следующие условия: а) знание этой роли, б) на-

¹ Брудный А. А. Пути и методы экспериментальных семантических исследований. — В кн.: Теория речевой деятельности. М., 1968, с. 157.

² Тарасов Е. Ф. Обучение иностранному языку как обучение общению. — В кн.: Речевая ситуативность в преподавании иностранных языков в специальном вузе. М., 1973, с. 74.

личные мотивации, адекватной этой роли, в) наличие навыков и умений, обеспечивающих ее исполнение.

Сферы научного общения ограничивают номенклатуру социальных ролей, для целей же коммуникации с зарубежными коллегами она суживается еще больше, поскольку не все роли в иерархической структуре официальных взаимоотношений в научном коллективе находят выход в иноязычное общение. Например, для активного участия в международных конференциях, симпозиумах и для поездок в заграничные командировки можно выделить следующие роли: докладчик, вступающий в диалогическое общение в ходе обсуждения своего доклада; председатель, ведущий заседание конференции или секции; член или председатель научного совета; участник дискуссии; делегат, выступающий со стендовым докладом; переводчик на научной конференции; посетитель научно-исследовательского учреждения; научный турист и т. д.

Для приема зарубежных коллег и организации международных конференций в нашей стране указанная номенклатура ролей в основном сохраняется, но дополняется некоторыми другими социальными ролями: председатель или член организационного комитета; руководитель, принимающий иностранную делегацию, «гид по науке», сопровождающий зарубежных делегатов; партнер по обсуждению научной проблемы, выступающий в роли «хозяина», объясняющего, например, методику и технику проведения исследования; организатор бытового обслуживания гостей; ответственный за культурную программу.

Ситуации, в которых осуществляется данное ролевое общение, могут рассматриваться как нормативные социальные ситуации, так как они возникают в процессе общения в официально-деловой сфере³.

Нужно отметить, что в рамках официального общения наблюдаются отступления в сторону неофициального общения, что является признаком неспособности удовлетворить нужды обучающихся формальными средствами чисто официального общения⁴. Следовательно, в социальных

³ Е. Ф. Тарасов делит социальные ситуации на нормативные и ненормативные: первые — это ситуации общения в производственной сфере между людьми, занимающими официальные должности, вторые выходят за пределы формальной общественной структуры общества (Тарасов Е. Ф. Указ. соч., с. 74—75).

⁴ Leon J. The contribution of psychology to human communication theory. — In: Human communication. N. Y., 1967, p. 216.

нормативных ситуациях могут иметь место элементы не-официальности, что следует учитывать при учебном моделировании ролей.

В процессе обучения иноязычному общению по научной тематике ситуативное проигрывание ролей должно входить в качестве одного из компонентов. Выделение ситуаций научного общения и определение ролей создают социальную и психологическую основу овладения иностранным языком, помогают отбору необходимых речевых единиц, обслуживающих научную сферу общения.

Каждая типизированная роль проигрывается в соответствующей обстановке, т. е. ролевые функции и определенные ситуации взаимосоотносимы.

Для развития диалогических умений ситуации создают особенно благоприятные условия, так как из них вытекает произвольное побуждение к речевому общению. Не все изучаемые темы могут быть предметом бесед в рамках естественных ситуаций на занятиях, поэтому используются специальные учебно-речевые ситуации, которые существенно отличаются от естественных. Это различие заключается в их «воображаемости», а не реальности, необходимости словесного описания, в отсутствии эмоциональности в коммуникативных актах. Все это снижает эффективность их использования на занятиях.

Преимущество использования ситуаций-стимулов при обучении диалогической речи на научную тематику заключается в том, что целью обучения является изучение научной темы, которая позволяет использовать многие реальные ситуации, близкие научной жизни учащихся, которые легко поддаются актуализации и воспринимаются ими как естественное воспроизведение часто встречающихся или обычных явлений научной жизни.

Моделирование диалогической речи основано на описании исходной, данной ситуации и коммуникативных задач, которые должны преобразовать первоначальную ситуацию, поскольку, как правильно отмечается в литературе, ситуация является не статичным, а динамичным явлением. Можно добавить к этому, что динамичность ситуации-стимула при обучении научному общению следует понимать также как ее видоизменение в плане приближения к реальной действительности. Иными словами, ситуация, побуждающая к речи, должна обладать гибкостью и мобильностью. Стимулирование диалогической речи отличается некоторым своеобразием, так как в дап-

ном случае предусматривается побуждение к речи не одного говорящего, а двух и более.

Итак, речевые упражнения всегда ситуативны. Они должны тренировать учащихся в использовании определенного языкового материала (интонации, слова, грамматической конструкции) именно в данной ситуации. «Для этого мало тех упражнений, которые даются в связи с текстом, нужна не одна, а много ситуаций, нужен широкий контекст для каждого изучаемого явления»⁵.

Ситуативные упражнения помогают аспирантам и научным работникам овладеть необходимыми диалогическими умениями, а именно, научиться запрашивать нужную информацию, давать правильные ответы на заданные вопросы, делать научные сообщения, аргументировать свою точку зрения, принять участие в обсуждении того или иного вопроса.

Примеры некоторых ситуативных упражнений.

1. *Упражнения в перенесении диалога из одной ситуации в другую.* Цель этого упражнения заключается в том, чтобы научить учащихся применять типовые диалогические единства в различных ситуациях с тем, чтобы лексико-грамматический материал не был жестко закреплен за одной данной ситуацией. Так как различные ситуации научного общения объединены профессиональной деятельностью, то ситуативное перенесение материала не выступает ярко и контрастно. Поэтому упражнения этого вида лучше проводить на основе перенесения диалогических единств из сферы бытового общения (с функционированием разговорно-литературного языка) в сферу неофициального научного общения, где в разговорный стиль вплетаются элементы научного стиля. Однако возможно перенесение ситуации из одной научной сферы в другую. Для этого нужно изменить исходные данные (например, экспозицию, место действия, время) и, главное, коммуникативную задачу диалога или ситуации.

2. *Упражнения в моделировании диалогического общения на основе текстуально представленных ситуаций.* Упражнения выполняются с опорой на развернутые словесные инструкции и способствуют снятию лингвистических трудностей выбора ситуативно обусловленных лексико-грамматических средств.

⁵ Рахманов И. В. О научной проблематике в области методики преподавания иностранных языков в вузах. — В кн.: Иностранные языки в высшей школе. М., 1962, с. 78—86.

Наиболее простыми являются упражнения, когда заданы ситуации, коммуникативные задания для обоих партнеров и ряд реплик, из которых следует выбрать те, которые соответствуют коммуникативным задачам. Например:

— Составьте микродиалог для следующей ситуации. Двое аспирантов обмениваются мнениями о своей научной работе. Оба увлечены своей областью науки и считают ее самой интересной и важной. Один — физик, другой — биолог. Коммуникативная задача № 1: доказать, что физика — быстро развивающаяся наука, внесшая большой вклад в прогресс человечества. Коммуникативная задача № 2: показать, что биология не менее интересная и важная для научного прогресса область знания. (Коммуникативные задания реализуются путем выбора нужных по смыслу высказываний. Реплика может состоять из 1—2 предложений.)

При моделировании актов общения не так важно расширить диапазон ситуаций с подключением новых сфер общения и выделить обширное число ролей, как углубить и варьировать наиболее частотные ситуации, прямо связанные с повседневной работой учащихся. Многие ситуации, взятые из реальной научной деятельности, могут быть восприняты учащимися как правдоподобные и естественные, но их «частотность» не так уже велика. Поэтому особое внимание следует обращать на такие ситуации, которые часто встречаются и могут использоваться в общении с зарубежными коллегами. Приведем пример ситуации, которая может быть рассмотрена как одна из наиболее частотных.

З а д а н и е: Составьте диалог на основе следующей ситуации. Двое ученых обсуждают проблемы, связанные с их научной работой. Им не удалось получить нужные результаты при помощи обычных методов, и они пытаются найти новые методы решения стоящих перед ними задач.

При работе над данной ситуацией легко можно индивидуализировать обучение путем конкретизации отдельных пунктов, например, введением конкретных данных относительно научной проблемы, методов исследования, причины отрицательных результатов, других возможных путей решения подобных задач и т. д.

В упражнениях рассматриваемого типа ситуации следует дифференцировать по критерию «неофициальность—официальность». Можно выделить три уровня:

1) Примерные ситуации непринужденного общения: обсуждение аспирантами требований на кандидатских экзаменах по специальности; «интервьюирование» преподавателя, т. е. беседа, в которой инициатива принадлежит учащимся; беседа, тема и ситуация которой определены преподавателем; организованная преподавателем беседа на определенную тему: вопросно-ответная система объединена одной сюжетной линией; беседа с целью выявления научных интересов учащихся для подбора соответствующей литературы по специальности на иностранном языке (для выбора темы семинарского занятия); беседа для ознакомления с узкой областью исследования учащихся с целью определения наиболее важных вопросов, которые могут быть использованы для сообщения на иностранном языке; беседа аспиранта со своим руководителем о поездке в научную командировку; обсуждение двумя сотрудниками результатов эксперимента в повседневной обстановке лаборатории; обсуждение различных вопросов текущей научной работы; беседа об организации научной работы; беседа во время совместного проведения эксперимента; беседа-консультация аспиранта и научного руководителя; беседа, касающаяся поиска литературы и пр. по исследуемой теме, и др.

2) Примерные ситуации официально-производственной сферы общения: обсуждение организационных вопросов работы лаборатории на планерках; обсуждение научных проблем исследования на семинарах; обсуждение хода экспериментов определенных исследовательских групп; беседа двух ученых о научном сотрудничестве разных исследовательских групп, лабораторий и институтов; беседа заведующего лабораторией с вносящим принятием сотрудником о его обязанностях и др.

3) Ситуации официального общения на международных конференциях: участие в дискуссиях на заседаниях оргкомитета конференций; обсуждение конкретных научных проблем во время дискуссий на конференциях; беседа ученых разных стран о результатах научных исследований (вне конференц-зала); обсуждение координационных вопросов по совместно разрабатываемым проблемам; беседа об обмене публикациями; обсуждение вопросов планирования новых областей исследования и др.

3. Упражнения в моделировании речевого общения на основе визуальных источников информации (фотографии, схемы, чертежи и т. д.). Общеизвестно, что моделирова-

ние общения на основе визуально представленных источников информации является эффективным приемом обучения иностранному языку. При выработке диалогических умений у аспирантов и научных сотрудников использование визуальных средств приобретает особенно важное значение, так как они являются неотъемлемой частью реального научного общения. При применении фотографий, схем, чертежей, графиков и т. д. экспозиция ситуации представлена визуально, а словесно дается только инструкция по выполнению коммуникативных задач.

Все многочисленные виды научной наглядности могут служить основой диалогического общения (рисунки, чертежи, схемы, диаграммы, таблицы, графики, научная символика, изображение различного оборудования и материалов, всевозможное визуальное представление объектов исследования и другие). В данном случае стимулом общения может быть разница в уровне информации у двух партнеров относительно предмета речи, когда один из участников беседы хорошо осведомлен о предмете речи, а другой располагает только частичной информацией о нем или вообще не располагает никакой информацией. Коммуникативные задачи вытекают из самой визуально представленной ситуации. Упражнения данного типа могут иметь различные варианты; чаще всего общение протекает в вопросно-ответной форме.

К этой группе упражнений можно отнести следующие: беседа на основе фотографий и других визуальных материалов, связанных с конференциями (например, фотографии ученых—участников конференции стимулируют беседу об их научной работе, достижениях, сделанных докладах и т. д.; изображение экспериментального оборудования побуждает к обсуждению рабочих параметров приборов, возможности их использования в конкретных исследованиях и т. д.); обсуждение демонстрационных сообщений (докладчик представляет на стенде все наглядные материалы, отражающие результаты его исследований). Коммуникативная задача «докладчика» ответить на все вопросы, интересующие участников общения.

4. *Ситуативные упражнения в моделировании диалогического общения на основе монологических текстов.* Упражнения в моделировании общения с опорой на информацию, заложенную в монологическом тексте, являются очень важными для обучения данного контингента учащихся, так как обсуждение научного текста — типич-

пая форма общения научных работников. В диалогизации научного монологического текста вызывают затруднения не только чисто коммуникативные задачи общения, но также и сложное смысловое содержание специального текста. Поэтому вначале целесообразно использовать текст научно-популярного характера, а затем переходить к диалогам-обсуждениям по специальности. Проиллюстрируем сказанное примером.

Задание: Прослушайте или прочитайте текст. Составьте диалог, основанный на содержании текста. Один из собеседников недавно вернулся из Новосибирского Академгородка. Второй там никогда не был и хочет узнать как можно больше об этом центре науки. Схема диалога: 1) информация; 2) вопрос; 3) ответ; 4) вопрос; 5) ответ; 6) заключение.

Монологический текст является не только исходным материалом для драматизации, когда диалог прямо соотносится с содержанием текста, но и для обсуждения смысловой стороны текста, когда беседующие должны выразить свое субъективно-оценочное отношение к полученной информации.

Ситуативные упражнения для обучения диалогической речи аспирантов и научных сотрудников отличаются рядом особенностей: во-первых, это профессиональная актуализация учебного материала; во-вторых, учебный диалогический материал упражнений отличается: а) научной тематикой, б) сложным смысловым содержанием, в) структурно-грамматической сложностью высказываний; в-третьих, при овладении диалогическими умениями необходим учет социологических и психологических факторов реального научного общения, которые накладывают определенные ограничения на процесс диалоговедения (например, этикет общения на международных форумах и т. д.); в-четвертых, наряду с отработкой отдельных операций используется интегрированный подход к овладению диалогической речью, так как даже самое простое реплицирование требует одновременного преодоления целого ряда трудностей. Дробное градуирование по овладению отдельными изолированными явлениями в диалогической речи невозможно. Поэтому упражнения носят в основном синтетический характер, когда несколько лингвистических и психологических трудностей должны преодолеваются комплексно.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ТЕКСТА

1. *Стилистика*

Некоторые особенности выражения отрицательной оценки в жанре научной рецензии (к вопросу о некатегоричности высказывания в научном стиле) 3

Е. С. Троянская

Роль стилистического приема в организации научного оценочного текста (на материале английской научной рецензии) 23

О. К. Кудасова

О логической связности устного научного сообщения . . . 34

Л. В. Славгородская

Совмещение элементов научной и официально-деловой речи в синтаксисе юридического документа 45

Н. Н. Ивакина

Семантическое включение узуальных словосочетаний в содержательный план текстов 59

Т. С. Глушак, В. В. Мартынюк

2. *Лексика и фразеология*

Особенности терминологии общественных наук и сферы ее использования 70

В. М. Лейчик

Терминологизация общеупотребительной лексики в истории английского языка 88

Т. Н. Омеляненко

Некоторые аспекты структуры, семантики и функционирования устойчивых словесных комплексов в научном тексте 100

Т. К. Караулова

К вопросу об особенностях функционирования некоторых лексических групп прилагательных в научном стиле речи 115

С. М. Костенко

О продуктивности образований типа «глагол+адвербиальная частица» и их номинативных дериватов в языке научной прозы 134

И. С. Сенюк

3. Грамматика

Субъект и объект значения приименного родительного в научном тексте (на материале русского языка) . . .	142
<i>И. А. Ясницкая</i>	
О семантике страдательного залога в английских художественных и научных текстах	160
<i>Е. С. Морозова</i>	
О текстообразующей функции английских предлогов . . .	169
<i>Е. А. Рейман</i>	
Изменения в семантике и функционировании сложноподчиненных предложений с причинно-следственными отношениями (на материале русских научных текстов)	183
<i>Т. А. Зырянова</i>	

ВОПРОСЫ ЛИНГВОМЕТОДИКИ

Обучение иностранным языкам научных работников

Роль экстралингвистических актуализаторов смысла в обучении интерпретации научного текста (на материале испанского языка)	195
<i>З. Д. Львовская</i>	
Об эквивалентности лексических и синтаксических средств передачи значений точности и неточности в русских и английских научных текстах	212
<i>И. К. Лихачева</i>	
Специфика активного словаря для целевого обучения немецкому языку	230
<i>М. Я. Цвиллинг</i>	
Обучение устной научной монологической речи	242
<i>Л. Н. Смирнова, И. Б. Менина</i>	
Ситуативные упражнения при обучении научной диалогической речи	263
<i>Е. С. Большакова</i>	